

БИБЛИОТЕКА О-ва

„Русская школа въ Бельгии“

Отделъ I

2822

№ 9466
BIBLIOTEKA O-B-V
H. H. БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ.

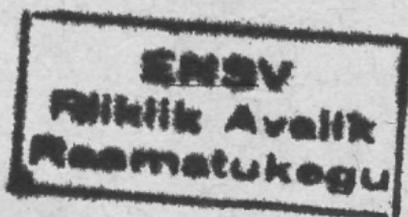
Отдѣль I № 2822

РЯСА И КРОВЬ.

РОМАНЪ.

Съ рисунками.

Издание Редакци
„Воскресное Чтеніе“.

508.729

ВАРШАВА.
Синодальная Типографія.
1925.

WETA
1100 A Street
Washington, D.C.

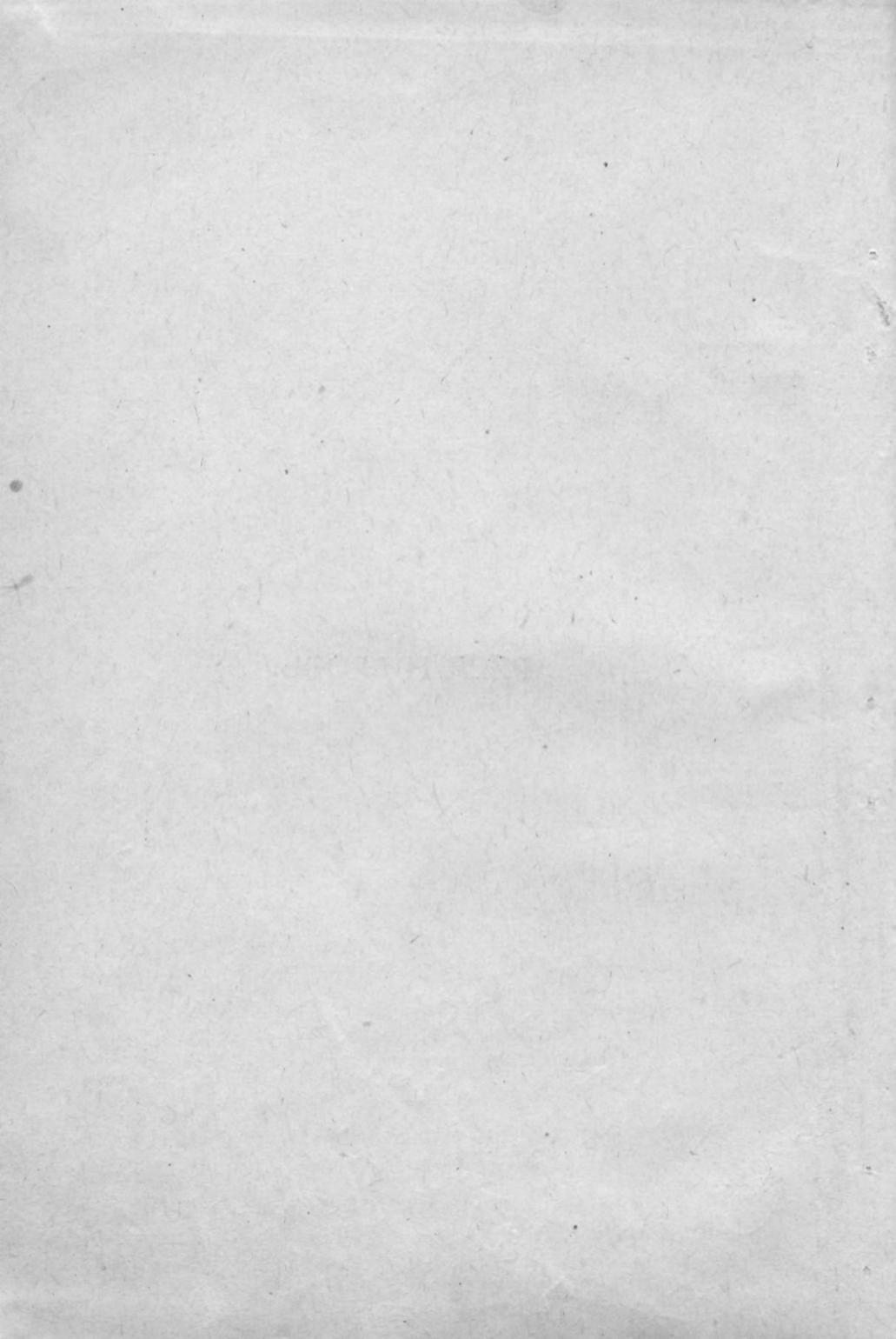
Норм
Джонс

Вран.

РЯСА И КРОВЬ.

Александров

Свернуто с этим составом
состав, в котором
зато не приноса
на се не
румяны

1. Воинъ никогда не будетъ солдатомъ.

Къ десяти годамъ внѣшность ребенка,—будь это мальчикъ, будь это дѣвочка,—опредѣляется вполнѣ. И, глядя на десятилѣтнихъ мальчика или дѣвочку, можно сказать, съ увѣренностью сказать, какими будутъ онъ или она, когда возрастъ ихъ увеличится вдвое.

Дѣти трехъ, четырехъ, пяти лѣтъ бываютъ прехорошенькіе ангелочки, а глядишь—къ молодости едва-ли не уроды, а то и совсѣмъ уроды.

Десятилѣтній же ребенокъ въ заблужденіе никого не введетъ. Уже и пропорціи тѣла намѣчаются ясно и четко и такъ же ясно и четко „проступаетъ“ лицо.

Вотъ почему, когда сыну Марка Тади-ча, псаломщика, исполнилось десять лѣтъ, можно было сказать безо всякаго риска ошибиться, что красавцемъ Воинъ навѣрное никогда не будетъ.

У него было одно изъ тѣхъ лицъ, надъ которыми не особенно мудритъ и старается мать-природа. Есть же избранные счастливицы и счастливцы—для нихъ природа великій Творецъ, тщательно и любовно созидающій, вотъ ужъ дѣйствительно по образу Божію и подобію...

Природа для такихъ избранныхъ—и ваятель и живописецъ въ одно и то же время: какъ ваятель—красиво и тонко лѣпитъ правильныя, благородныя черты, лѣпитъ красивое тѣло—у мужчинъ сильное мускулистое, у женщинъ — гибкое, все сплошь изъ пѣвучихъ линій; какъ живописецъ—расцвѣчиваетъ красками волшебной палитры своей и волосы, и брови, и щеки, то молочно-розовыя, то бѣлыя, какъ слоновая кость, то нѣжно-матовыя съ мягко вспыхивающимъ румянцемъ...

Воинъ же вышелъ, какъ бываютъ въ мастерской ваятеля незаконченныя фигуры изъ глины, такъ незаконченными остаются уже навсегда, позабытыя разсѣяннымъ художникомъ.

Сняты мокрая тряпки, глина ссыхается и пріобрѣтаетъ землистый сѣровато-грязный тонъ. И у Воина такое же землистое, сѣровато-грязное лицо.

Въ общежитіи подобныя лица называютъ не „чистыми“. Сколько не три водой, мыломъ, полотенцемъ, а все какъ будто цѣлую недѣлю не мытыя. Лицо—не въ удлинненный овалъ, а какъ то вширь по монгольски расплывалось и скверно по-монгольски. Не чувствовалось костей. Сплошная мякоть и если бы еще твердое, здоровое мясо, а то скорѣй что то совсѣмъ обезкровленное—не то глина, не то гутаперча. На этой глиняно-гутаперчевой мякоти съ плоскимъ носомъ — два узенькихъ глаза не одинаковой величины и даже толкомъ цвѣта не подберешь для нихъ.

Все дальнѣйшее — подѣ стать лицу и большой головѣ съ круглымъ лбомъ и рѣдеными волосами. И въ расплывчатомъ коротконогомъ тѣлѣ совсѣмъ не угадывалось костей подѣ кожей.

Воинъ какъ будто не былъ сыномъ страны, гдѣ какъ на подборъ всѣ мужчины—высокіе, стройные, сильные. За семьдесятъ лѣтъ, а онъ все еще словно изъ стали выкованъ.

Такой же былъ и старый гайдукъ Милошъ, сосѣдъ Тадичей. Соколиная поступь, соколиный профиль. Повоевалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку — не перечестъ. Да считать было нечего! Довольно было взглянуть на изрубленное, въ шрамахъ лицо Милоша—живая біографія, написанная турецкими и арнаутскими кинжалами.

Самъ Милошъ неподобно владѣлъ длиннымъ, кривымъ кинжаломъ и еще ребятишекъ училъ, какъ нападать и обороняться.

Воина, да не только одного Воина, а и всѣхъ мальчишекъ тянуло къ старому Милошу. Для всѣхъ Милошъ былъ недосягаемый образецъ и всѣмъ хотѣлось быть такими же, какъ и онъ. Такъ же носить за поясомъ и кинжалъ и громадный револьверъ и такъ же бить турокъ, албанцевъ и швабовъ, какъ билъ ихъ въ свое время гайдукъ Милошъ.

Подходилъ къ нему и сынъ псаломщика Воинъ съ выпяченнымъ животомъ и любопытствомъ въ узкихъ, не одинаковыхъ глазахъ.

— Дѣдъ Милошъ, и я хочу быть гайдукомъ... Хочу изъ пушки (ружья) пуцать (стрѣлять)...

Милошъ пытливо и зорко глядѣль на мальчика изъ подъ сѣдыхъ бровей.

— Хоть и крестили тебя Воиномъ, а войникъ изъ тебя никогда не будетъ! Плохо уродили тебя отецъ съ матерью. Ну, куда же ты годишься? Былъ я еще малымъ, дѣды рассказывали про стародавній обычай... Уродится мальчуганъ, какъ ты въ примѣръ, такой же нескладный и хлибкій, то сейчасъ же—бултыхъ въ воду. Топили, какъ щенятъ. И хорошо! Породу, по крайней мѣрѣ, не портили. Такъ то, побратимъ, не обижайся... Что правда, — то правда!.. Хоть и Воинъ, а войникомъ тебѣ не бывать!..

Этимъ приговоромъ дѣдъ Милошъ самымъ безжалостнымъ образомъ сметаль и развѣваль по вѣтру всѣ иллюзии Воина, и мальчику было жаль этихъ разбитыхъ иллюзій.

Не онъ ли мечталъ, какъ сидя на конѣ, въ красивомъ мундирѣ и съ обнаженной саблею, поведетъ въ бой несмѣтные полки?

И вотъ не угодно ли? Въмѣсто коня, мундира, сабли и несмѣтныхъ полковъ—Милошъ съ явнымъ удовольствіемъ вспоминаетъ „стародавній“ обычай, когда такихъ дѣтей, какъ Воинъ, топили въ рѣкѣ, подобно пискливымъ, слѣпымъ щенятамъ.

Не въ примѣръ другимъ мальчикамъ Воинъ былъ какъ то не по годамъ честолюбивъ.

Другого спросишь, кѣмъ бы ты хотѣлъ быть?..

Вспомнивъ свою поѣздку съ отцомъ въ городъ, вспомнивъ кондуктора дилижанса въ фуражкѣ съ галуномъ, властно сзывающаго

пассажировъ звуками мѣднаго рожка, спро-
шеный отвѣчаетъ не задумываясь:

— Кондукторомъ!..

Пріѣзжалъ изъ столицы къ своимъ на
побывку красивый и видный Божидаръ Ан-
желковичъ, солдатъ королевскаго конвоя,
въ такой яркой, потрясающей формѣ—и опи-
сать нельзя!.. Все мужское населеніе отъ
шести и до двѣнадцати лѣтъ бредило этимъ
Анжелковичемъ. Рѣдкій смѣльчакъ дерзалъ
и думать даже попасть въ королевскій кон-
вой и одѣваться, какъ одѣвается Божидаръ.
Гдѣ ужъ тутъ! Большинство почило бы на
лаврахъ, имѣя только возможность нахо-
диться при особѣ Анжелковича и ходить за
его лошадыю въ королевской конюшнѣ.

Скромнѣе всѣхъ былъ рыжій, веснуща-
тый Никола, безпріютный, получающій ото
всѣхъ тумакъ, сирота.

— Хочу быть трубочистомъ!..

— Отчего же ты желаешь быть трубо-
очистмъ?—спрашивали Николу.

— Онъ черный, его всѣ боятся и его
никто не бьетъ...

Словомъ, дѣти, какъ дѣти, а вотъ Во-
инъ жаждалъ быть лучше всѣхъ, выше
всѣхъ и чтобы оказывали ему уваженіе и
почетъ...

2. Отношеніе Воина къ родителямъ и родителейъ къ нему.

Росъ Воинъ не въ нищетѣ и даже не впроголодь, — въ этой богатой скотомъ и хлѣбомъ странѣ никто не голодалъ, — но, конечно, это скорѣе бѣдность, нежели достатокъ.

Правда, въ сѣняхъ псаломщиковой хаты всегда висѣло два-три сушеныхъ окорока — люди взрослые задѣвали ихъ головами. Правда, было въ хозяйствѣ пять-шесть овецъ, но одѣваться было трудно и приходилось мѣсяцами накапливать нѣсколько десятковъ динаровъ, чтобы сшить новый подрясникъ отцу, новое платье матери, или зимнее пальтишко сыну.

Воинъ хотя и былъ самое подлинное чадо своихъ родителей, но не вышелъ ни въ отца, ни въ мать. Правда, псаломщикъ былъ тоже безобразенъ, только безобразіе его совсѣмъ иное, чѣмъ сына. Если у Воина не чувствовалось подъ кожей костей, то Марко псаломщикъ былъ очень костлявъ и жилистъ. И такъ лицо у него было маленькое, худое, но если бы еще сбрить свѣтлую, жесткими, беспорядочными кустами, бороду, лицо стало бы совсѣмъ смѣшное — съ кулачекъ. Да оно и было такимъ смѣшнымъ въ

ранней молодости у совсѣмъ еще безусаго и безбородаго Марка. И всѣ движенія и походка псаломщика отличались рѣзкой угловатостью въ духѣ его костлявой, нескладной фигуры. Жена же, благообразная Ружица, полная и съ достоинствомъ и даже съ какой то лѣнливой граціей носившая свою полноту, оттѣняла еще больше неказистость псаломщика.

Ружица, пожалуй, была единственнымъ существомъ, къ которому сынъ относился, если и не съ любовью — врядъ ли могъ, вообще, кого-нибудь любить этотъ загадочный, высокомѣрный мальчикъ, а — съ какой-то снисходительной мягкостью.

По отношенію же къ отцу Воинъ въ сердцѣ своемъ ничего не имѣлъ, кромѣ ненависти и презрѣнія! Если спросить, за что же онъ ненавидитъ отца, Воинъ и самъ толкомъ не сказалъ бы... Какая то безотчетная ненависть!.. Презиралъ же онъ его за „неудавшуюся карьеру“. Потомъ, уже будучи въ семинаріи, Воинъ такъ и формулировалъ: „За неудавшуюся карьеру“.

* Въ самомъ дѣлѣ, человѣку подъ сорокъ, а онъ, какъ былъ, такъ и остался, такъ и умереть псаломщикомъ. И еще гдѣ, къ тому же? Хоть бы тамъ, гдѣ большія каменные церкви съ золочеными куполами, гдѣ служатъ священники въ тяжелыхъ сіяющихъ ризахъ, гдѣ можно и людей посмотреть и себя показать... Это было бы еще съ полъ горя. А то — затерянное въ глуши село съ ветхой деревянной церковкой, доживающей свой вѣкъ еще со временъ владычества турокъ. Тогда запрещено было

звонить въ колокола и прихожанъ сзывали въ храмъ Божій, ударяя палками въ доски, висѣвшія на цвинтарѣ. А колокола турки сняли и увезли куда то. Много лѣтъ назадъ, когда Марко былъ такимъ же, какъ и его сынъ, князь Миланъ отвоевалъ у турокъ цѣлыхъ четыре округа. Можно было звонить въ колокола и при церкви построили узенькую деревянную колоколенку.

Неясно и смутно сознавалъ Воинъ, кѣмъ и чѣмъ самъ будетъ онъ къ сорока годамъ? Но, во всякомъ случаѣ не будетъ псаломщикомъ. Да что псаломщикомъ? Даже старенькій подслѣповатый отецъ Семень, и по великимъ праздникамъ служившій въ бархатной фіолетовой, выцвѣтшей и потертой ризѣ, жиденько расшитой кое-гдѣ серебромъ, не внушалъ Воину почтенія и зависти.

Если уже итти по этой дорогѣ, такъ чтобы ходить въ епископской митрѣ, въ богатомъ облаченіи, ѣздить въ каретѣ и чтобы красивыя надушенныя женщины цѣловали холенья бѣлыя руки „Его Преосвященства“.

По разному относился Воинъ къ отцу, матери и они, въ свою очередь, не одинаковы были въ своихъ чувствахъ къ сыну.

Ружица любила Воина и еще эту самую любовь подогрѣвала въ своей материнской душѣ именно потому, что мальчикъ вышелъ некрасивымъ уродцемъ. Ей хотѣлось излить на него столько тепла, нѣжности и ласки, дабы это впрокъ на долгіе годы вознаградило его за всю ту людскую непріязнь, черствость и сухость, каковыя всегда выпадаютъ человѣку на долю, а такому, какъ Во-

инъ себялюбивому, гордому, неуживчивому, въ особенности.

И въ то же время мать какъ то робѣла передъ сыномъ.

.... ходитъ въ епископской митрѣ, въ богатомъ облаченіи, ѣздитъ въ каретѣ....

Онъ весь ей былъ такой непонятный и странный. Не могла никакъ угадать его мыслей, ничего на могла прочесть на его лицѣ, одутловатомъ, безкостномъ, цвѣта за-сохшей скульптурной глины,

Отець шель еще дальше въ безпомощныхъ усиліяхъ разобратся въ этомъ мальчуганѣ. Глядя на Воина, псаломщикъ вспоминалъ одну книжку съ картинками. Попалась какъ то въ руки, онъ ее перелистывалъ и въ памяти навсегда уцѣлѣли изображенія приземистыхъ, узкоглазыхъ и широколицыхъ болванчиковъ. Болванчики эти оказались какими то языческими божками, не то китайскими, не то бурятскими, не то еще какими то.

Да и не важно — какими. Важно, что одного изъ этихъ болванчиковъ напоминалъ Воинъ, удивительно, какъ двѣ капли воды напоминалъ. И глазами, и лицомъ, и какой то несуразной широкостью мягкаго тѣла и вѣчной улыбкою. Странная, какъ и все у него странное—улыбка.

Одна половина лица и одинъ глазъ подергиваются, другая же половина и другой глазъ хранятъ жуткую неподвижность.

Эта улыбка смущала не только отца съ матерью, не только дѣтей— Воинъ внушалъ имъ страхъ, — но и взрослыхъ, чужихъ, постороннихъ людей.

Жила на селѣ молодая красивая вдова Любица. Мужъ ея, усатый жандармъ, убитъ былъ въ горахъ албанцами.

Пріѣхалъ какъ то къ своимъ изъ столицы уже намъ извѣстный солдатъ королевскаго конвоя — Божидаръ Анжелковичъ. И вотъ видѣлъ разъ Воинъ, какъ подъ вечеръ Любица и Анжелковичъ пошли за село, въ сосѣдній лѣсокъ, зеленой волною сбѣгавшій по скату горы. А потомъ вернулись, но уже въ одиночку. Совсѣмъ близко мимо Воина

прошелъ Анжелковичъ, звеня въ сумеркахъ шпорами, такой нарядный, ловкій, счастливый.

Воину хотѣлось задержать его, наговорить разныхъ обидныхъ словъ. Хотѣлось, но не посмѣлъ. А вотъ Любицу, томную, разнѣженную, пахнущую лѣсомъ, онъ съ какимъ то особеннымъ удовольствіемъ подкараулилъ у ея хаты. И такъ выскочилъ изъ своей засады, что Любицу въ дрожь кинуло всю.

— Чего испугалась? А я знаю все..? говорилъ онъ тихо, нараспѣвъ, тягуче, такъ улыбаясь одной половиною лица, что молодая женщина и въ самомъ дѣлѣ испугалась и опрометью бросилась къ себѣ, захлопнувъ калитку.

Съ этого вечера она не могла отрѣшиться отъ мысли, что Воинъ слѣдитъ за каждымъ ея шагомъ.

Любица пожаловалась своему возлюбленному.

— Я дрянному мальчишкѣ этому уши выдеру!—пообѣщаль солдатъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше не трогай его!—замахала руками Любица.

Мальчикъ внушалъ ей что то близкое къ суевѣрному ужасу. Только задѣнь—и на нее, и на Анжелковича того и гляди посыпятся всѣ несчастія...

3. Природа не для него и онъ не для нея.

Село Нешавраць — типичное большое село для всей той мѣстности, которая, какъ мы уже сказали, отвоевана была княземъ Миланомъ у турокъ.

Единственная, пересѣкающая весь Нешавраць довольно прямая широкая улица, мощенная булыжникомъ. Хожденіе по этому булыжнику можно было бы назвать „хожденіемъ по мукамъ“. Острые камни, самымъ примитивнымъ образомъ втиснутые въ землю, варварски портили крѣпкую обувь съ подошвами изъ буйволовоу кожи.

Но это никого не смущало. Особенно же тѣхъ, кто и въ лѣто и въ осень и въ зиму ходилъ босикомъ.

Къ главной улицѣ примыкали съ обѣихъ сторонъ узенькіе, кривые тупички съ турецкими и христіанскими домами. Турецкіе — живописные, деревянные, съ рѣзными балконами и съ замазанными бѣлой краскою окнами тѣхъ комнатъ, гдѣ находились женщины. Христіанскіе домики — больше каменные. И турки и христіане жили подъ плоскими черепичными крышами. Издали эта красноватая черепица на фонѣ голубыхъ, чистыхъ небесъ, придавала всему селу нарядный веселый видъ. А высокій минаретъ

мечети—самая острая и высокая точка, углубляль и безъ того восточный колорить Нешавраца.

... Единственная, перестѣкающая весь Нешавраць ... улица, мощенная булыжникомъ...

Сейчасъ-же, за селомъ съ одной стороны убѣгала тучная равнина полей, съ другой—начинались постепенно растущія горы. Въ ясный день можно было видѣть сіяющую

въ розоватомъ серебрѣ вѣчно снѣговую шапку Ломъ-Планины.

Это едва-ли не самая высокая, самая большая гора во всей странѣ. Верхняя половина вся изъ голыхъ, угрюмыхъ, темно-сѣроватыхъ скалъ и утесовъ, а нижняя — темно-зеленые лѣса и луга.

Отъ Нешавраца до подножія Ломъ-Планины добрыхъ восемьдесятъ километровъ, а кажется, что она совсѣмъ, совсѣмъ близко. Славилась Ломъ-Планина какими-то цѣлебными травами, а еще болѣе тѣмъ, что лѣтъ восемьсотъ назадъ скрывался на ней королевичъ Марко, спускаясь по ночамъ для набѣговъ на турокъ.

И теперь еще многіе вѣрили, что королевичъ Марко прилетаетъ на Ломъ-Планину разъ въ годъ на гигантскомъ, крылатомъ конѣ. И всадникъ — подстать своему коню. Одной рукою онъ можетъ вырвать вѣковой дубъ и запустить имъ въ самое поднебесье.

Многіе вѣрили въ это — взрослые, умные. Вѣрили, ибо такъ хочется вѣрить во все красивое, героическое, сказочное. А вотъ Воинъ, псаломщика сынъ — тотъ не вѣрилъ. И когда школьный учитель, указывая на висѣвшее на стѣнѣ изображеніе королевича Марка, описывалъ, какъ онъ по ночамъ прилетаетъ на Ломъ-Планину на своемъ ворономъ конѣ съ пышущими огнемъ ноздрями, Воинъ загадочно улыбался одной половиною лица.

А потомъ съ этой-же самой улыбкою говорилъ школьникамъ вѣско и тихо:

— Чепуха! Не можетъ этого быть! Сгнилъ онъ уже давно, а туда еще—прилетаетъ! Какъ бы не такъ! Самый сильный человекъ не выдернетъ съ корнемъ годовалый дубокъ, а онъ старыми дубами бросается.. Нѣтъ, чепуха, не вѣрю! Неправда!..

Воинъ съ особеннымъ какимъ-то нехорошимъ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ вытягиваются лица у школьниковъ и какъ неуверенно смотрятъ они, поколебленные въ своихъ мечтахъ, въ своей дѣтской фантазіи. Для нихъ Ломъ-Планина обвѣяна была сказкою. Для Воина—это высокая гора со снѣжной вершиной и только.

Вообще, онъ не любилъ природы, не умѣлъ и не хотѣлъ ее чувствовать. Какъ-то мимо него проходили вечернія сумерки, когда горы становились нѣжными, воздушными, плоскими, мѣняя цвѣта и оттѣнки, загораясь то мягкой фіолетовой краскою, то оранжевой, то багрянцемъ и золотомъ.

Мимо него проходили тихіе вечера съ заходящимъ гдѣ-то далеко солнцемъ, когда медленно бредеть по дорогѣ повозка съ парюю мощныхъ буйволовъ и розовѣетъ въ предзакатныхъ лучахъ сѣрое, густое облако пыли.

Въ общемъ, край этотъ по части красивой природы былъ прямо таки уголь не початый. На днѣ глубокихъ овраговъ какъ то маняще звенѣли ручьи. Цѣлые водопады обрушивались съ отвѣсныхъ горъ внизъ на Богъ знаетъ какую глубину и тамъ на этой головокружительной глубинѣ метались въ гнѣвъ и въ тоску отчаянія быстро бѣгушія рѣчки, стиснутыя каменными берегами. А про-

сторы луговъ и полей, а весенніе и осенніе разливы, когда цѣлый лѣсъ на десятки километровъ стоитъ по поясъ въ водѣ? Какая это все ширь и благодать, какой просторъ для мечтательныхъ поэтическихъ душъ! Какой великолѣпный матеріаль, дабы увѣрять не только въ самое существованіе Господа Бога, а и въ Его творческую силу и мудрость!..

Но Воинъ Тадичъ не любилъ природы. Она была не для него, да и онъ со своимъ эгоизмомъ и со своей малоподвижной недеревенской фигурою былъ не для природы. Онъ не зналъ, что такое—эти дѣтскія игры съ неустанной бѣготнею цѣлехенькій день, когда мальчикъ усталый, счастливый, исцарапанный, искусанный комарами засыпаетъ мгновенно тамъ, гдѣ сковаль его сонъ.

Воина тянуло въ городъ, въ большой городъ съ каменными домами въ нѣсколько этажей. Онъ всегда прислушивался жадно къ тѣмъ, кто, побывавъ въ столицѣ, рассказывалъ про нея чудеса, про эти самые дома, гдѣ живутъ сотни человѣкъ — едва ли не половина населенія всего Нешавраца. Про магазины съ большими окнами, за которыми выставлены всякія любопытныя, дорогія вещи. Про улицы, освѣщенныя фонарями съ бѣлымъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. А какъ тамъ одѣваются люди! Какіе тамъ экипажи! Тамъ генералы, сановники, министры и въ центрѣ ихъ всѣхъ и надъ ними—король.

Если человѣкъ способный, да еще сумѣетъ найти дорогу къ этимъ самымъ генераламъ и министрамъ — чего, чего только нельзя добиться?

Но есть еще города на свѣтѣ, передъ которыми и столица покажется деревней. Такихъ городовъ никто не видѣлъ изъ посѣщавшихъ Нешаврацъ. Ихъ только на картинкахъ видѣли.

Н.Т.К.

... Война тянуло въ большой городъ съ каменными домами...

Это жизнь и только тамъ стоитъ жить!..

Вотъ съ какими приблизительно понятіями и вкусами былъ Воинъ Тадичъ къ одиннадцати годамъ своего бытія, когда на семейномъ совѣтѣ съ участіемъ отца Семе-

на былъ поднять вопросъ о дальнѣйшемъ воспитаніи и образованіи мальчика, умѣвшаго бѣгло читать и писать, знавшаго четыре правила ариѳметики и законъ Божій въ рамкахъ школьнаго преподаванія.

4. Семейный совѣтъ.

Семейный совѣтъ—для виду больше семейный. На самомъ же дѣлѣ рѣшающій голосъ принадлежалъ отцу Семену. Въ глазахъ Ружицы и псаломщика авторитетъ священника былъ такъ великъ, что они безпрекословно ему подчинялись. Скажетъ онъ и быть по сему. Его слово—законъ.

Разсуждалъ же отецъ Семень такъ:

— Я уже давно думалъ, что изъ вашего сына выйдетъ и что можетъ выйти? Духовный путь, путь священства не для него. Нѣтъ въ немъ надлежащаго смиренія. Гордыня и суетность. И эти самыя гордыня и суетность сидятъ въ немъ глубоко. Съ его способностями могъ бы сдѣлать видную карьеру, либо по ученой какой-нибудь части, либо по гражданскому вѣдомству. И вотъ, что я вамъ скажу, дорогіе мои, Ружица и Марко... Будь у васъ хорошій достатокъ, я бы вамъ инога и не посовѣтовалъ, какъ отдать его сначала въ гимназію, а потомъ въ университетъ не нашъ, не свой, а заграничный. Въ городъ Парижъ, что-ли... И вышелъ бы онъ докторомъ юридическихъ наукъ и тогда преуспѣвалъ бы въ министерствѣ, а то даже и въ дипломатическихъ сферахъ. Но что объ этомъ говорить, когда вы сами ед-

ва, едва перебиваетесь. Гдѣ ужъ нашему теляти волка поймати?.. И выходитъ, что подъ силу вамъ одно только—дать ему духовное образованіе, благо въ семинаріи мальчишку на полный казенный счетъ примуть. А тамъ, глядишь, черезъ восемь-девять лѣтъ уже и священникъ и вамъ помогать будетъ и вашу старость призрѣтъ...

Отецъ Семень умолкъ, поглаживая съдую бородку и мигая подслѣповатыми глазами. Въ молодости отецъ Семень былъ хоть куда и, не снимая рясу, бился съ турками за свободу своихъ братьевъ. Много воды и лѣтъ съ тѣхъ поръ утекло, очень много, а теперъ ему 68 лѣтъ и тѣло слабѣетъ и глаза плохо видятъ и на покой пора.

-- Такъ что жъ... Я все сказалъ, все какъ думаю по своей іерейской совѣсти, — продолжалъ отецъ Семень послѣ нѣкоторой паузы, видя, что и Ружица и Марко молчатъ.

Красивая, полная Ружица какъ то заколыхалась, покраснѣла и, смущенно запинаясь, молвила:

— Вы извините меня, отецъ Семень, я, конечно, глупая баба, а только...

— А только? — переспросилъ священникъ, не замѣчая свирѣлыхъ глазъ, которые дѣлалъ псаломщикъ женѣ, но которые замѣтивъ, еще больше смутилась Ружица.

— Я хотѣла... хочу какъ бы это сказать, отецъ Семень... вѣры у него нѣтъ настоящей. Какъ же онъ будетъ другихъ вѣрѣ учить и наставлять, когда у самого ея нѣтъ... — и, густо зардѣвшись, Ружица умолкла, убѣжденная, какую ужасную глупость смо-

розила, и не подозрѣвающая, что простымъ бабьимъ умомъ своимъ подняла вопросъ величайшей важности и первостепеннѣйшаго значенія.

Отецъ Семень, подумавъ, отвѣтилъ:

— Не всѣмъ дана тайна подвига, а если бъ всѣ обладали ею, то не было бы самага подвига, не было бы подвижниковъ. Чиновниковъ Церкви много, больше, нежели пламенѣющихъ вѣрою. Но и честный, добропорядочный чиновникъ можетъ принести немалую пользу паствѣ своей. Такъ и вашъ Воинъ — и съ этими словами отецъ Семень, оправивъ на груди крестъ, поднялся, давъ понять, что пренія кончены, и, благословивъ Марка и Ружицу, ловившихъ его руку, оставилъ хату псаломщика.

Марко, державшій почти въ ежовыхъ рукавицахъ достойную и вѣрную половину свою, не безъ тайной робости объявилъ Воину:

— Къ осени отвезу тебя въ столицу... Въ семинарію. Учиться будешь... Такимъ какъ отецъ Семень можешь современемъ выйти... Да, сынокъ...

Сынокъ молча смотрѣлъ на псаломщика, улыбаясь одной половиной лица, и не спѣша спросилъ:

— А развѣ отецъ Семень кончалъ семинарію? Онъ больше съ четниками гайдучилъ въ горахъ...

— Ну и гайдучилъ! А вышелъ изъ него человекъ и пастырь всѣми уважаемый. А въ тѣ времена были мы подъ турками и не только семинарій, а и школъ христіанскихъ не полагалось. Такъ то, сыночекъ...

Прежде чѣмъ судить, узнай — нравоучительно замѣтилъ Марко, самъ удивляясь своей храбрости. Онъ такъ еще никогда не говорилъ съ сыномъ.

А сынъ продолжалъ „половинчато“ улыбаться, не выражая ни порицанія, ни одобренія затѣѣ везти его въ семинарію. И тщетно пытался отецъ проникнуть въ его мысли, что думаетъ сыночекъ Воинъ.

А думалъ онъ три вещи. Первая, что долго не будетъ видѣть отца съ его неправильными кустами бороды и усовъ. И это уже хорошо! И хорошо еще, что онъ попадетъ въ большой городъ. А въ третьихъ, гдѣ-то заняло ощущение разлуки съ матерью...

Подоспѣлъ день отъѣзда. Мать напекла на дорогу мужу и сыну бѣлыхъ мягкихъ булокъ и вмѣстѣ съ ними положила въ мѣшокъ круто сваренныхъ яицъ и колбасъ.

Сначала всплакнула украдкою, а когда отецъ Семень произнесъ напутственное слово, разрыдалась, утирая слезы подоломъ розовой ситцевой юбки.

Трое сутокъ ѣхали до станціи желѣзной дороги. Ѣхали медленнымъ шагомъ на буйволицахъ, съ остановками, когда возчикъ, выпрягши буйволицъ, пускалъ ихъ попасть вдоволь придорожныхъ обочинъ. Отдыхали въ закопченныхъ кафанахъ, гдѣ и старики и молодые пили душистую сливовицу и еще болѣе душистый черный кофе изъ крохотныхъ чашекъ.

Въ душѣ другого мальчика это путешествіе оставило бы неизгладимый слѣдъ. А Воинъ только объ одномъ думалъ, какъ

бы скорѣе добраться до желѣзной дороги, никогда еще имъ не виданной.

Вотъ наконецъ и маленькая станція съ начальникомъ въ красной шапкѣ, съ пронзительными свистками желѣзныхъ чудовищъ, изрыгающихъ искры и дымъ и зовущихся паровозами.

Кое-какъ размѣстились въ грязномъ вагонѣ третьяго класса, прокуренномъ, шумномъ, биткомъ набитомъ разными людьми, которымъ не было никакого дѣла до псаломщика, везущаго сына въ семинарію.

5. Воинъ въ столицѣ.

Столица подошла къ довольно крутому берегу могучей судоходной рѣки, называвшейся „Рѣкою народовъ“. Да и какъ же ей было называться, если она протекала черезъ шесть большихъ и малыхъ государствъ? Она же, эта „Рѣка народовъ“, служила границею между маленькой странюю, сыномъ которой былъ нашъ герой Воинъ Тадичъ, и сосѣднею великой державою.

Соединялъ ихъ желѣзнодорожный мостъ, прямой и стройный, поддерживаемый каменными „быками“ исполинскаго объема.

Часовые обѣихъ странъ молча сходились у самой середины моста и, оглядѣвъ другъ друга, такъ же молча расходились, не похожіе ни по внѣшности, ни по культурѣ, ни по вооруженію, ни по воинской своей формѣ.

Еще совсѣмъ недавно, какихъ нибудь сорокъ лѣтъ назадъ, столица была во власти турокъ. Была, а между тѣмъ быстро какъ то затушевались слѣды такого долгаго, долгаго пребыванія здѣсь мусульманъ.

Уже гордо поднимались къ небесамъ куполами и крестами своими православныя церкви, уже снесены были мечети на главныхъ улицахъ и только двѣ небольшія, ста-

ренькія доживали свой вѣкъ на окраинѣ города.

Осталась со временъ турецкихъ и останется, пожалуй, навсегда древняя крѣпость на самой высокой, самой крутой полосѣ берега. И хотя многое погибло, но и уцѣлѣло многое. И это уцѣлѣвшее говорило о томъ грозномъ величїи, какое являли собою эти бастіоны и круглыя башни въ тѣ времена, когда пушки били на 500 шаговъ чугунными, неразрывающимися ядрами.

До чего громадна была крѣпость, раскинувшаяся корпусами и казематами своими на обширномъ пространствѣ, что въ этихъ уцѣлѣвшихъ корпусахъ и казематахъ, кромѣ казармъ, вещевыхъ и продовольственныхъ складовъ, нашла себѣ прїютъ еще и духовная семинарія, та самая, куда рыжій псаломщикъ опредѣлилъ своего сына.

Семинарія занимала длинный двухъ-этажный особнякъ съ длинными каменными корридорами, гдѣ глухо отдавались шаги и гдѣ, вообще, все отдавало глубокой стариною. Окна забраны желѣзными рѣшетками и не какими нибудь, а прямо таки художественной работы. Массивныя, тяжелыя арки сводовъ и такія же массивныя стѣны едва ли не въ метръ съ лишнимъ толщиною. А за этими стѣнами видны изъ рѣшетчатыхъ оконъ остатки наружныхъ стѣнъ, опоясывавшихъ крѣпость. Ихъ толщина была прямо таки необъятная. Коляска, запряженная четверикомъ, смѣло могла бы проѣхать.

Мудрено ли, что большинство жившихъ въ этихъ условїяхъ воспитанниковъ-юношей настраивалось на романтическій ладъ. Имен-

но это была романтика, на яву какъ-то воскресавшая туманную средне-вѣковую мистику.

Въ лунныя ночи, такія завораживающія, такъ красиво умѣющія фантазировать,—дѣйствительность уже окончательно превращалась въ мечту, въ сказку.

Весною въ эти же самыя лунныя ночи семинаристы взбирались на исполинскую стѣну и, усѣвшись на ея зубьяхъ — каждый въ человѣческой ростъ — часами въ безмолвіи созерцали мощный разливъ мощной рѣки, исчезавшій въ серебристой дымкѣ и чудившійся гладко зеркальнымъ уснувшим моремъ безъ конца краю...

Такъ наглядно и въ такой доступной для юныхъ душъ и сердець формѣ постигалось величіе Божье.

Къ этой созерцательной поэзіи не тянуло нисколько Воина Тадича. Красивая природа? Если она его не манила тамъ, въ родномъ селѣ, то не за нею онъ пріѣхалъ сюда, въ столицу...

Лунными весенними вечерами Воина никто никогда не видѣлъ на зубьяхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Зачѣмъ? Что онъ тамъ позабылъ? Прежде всего — кругомъ сырость... Еще простудишься чего добраго... А, во-вторыхъ, изволь карабкаться по выступамъ камней? Пухлое, физически немощное тѣло Воина избѣгало всякаго намека даже не только на гимнастику, но и на порывистыя движенія. Нѣтъ, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ предпочиталъ городъ, шумный дневной городъ — всей этой романтикѣ, выдуманной бездѣльниками. То-ли въ аккумуля-

но застегнутомъ сюртучкѣ пойти не спѣша по главной улицѣ. Мчатся вагоны трамвая. Подъ музыку шагаютъ солдаты занимать во дворцѣ караулы. Гремить веселый, бодрый маршъ. Великанъ тамбуръ-мажоръ, какъ тросточкой играя тяжелой и длинной булавою, высоко подбрасываетъ ее и ловить на ходу.

Молодой король выѣзжаетъ въ открытой коляскѣ и всѣ ему кланяются... А Воинъ думаетъ: хорошо быть его духовникомъ. Почетъ, вліянія, шелковыя рясы... Не то, совсѣмъ не то, что какой нибудь старенькій, потертый, забытый въ своей глуши отецъ Семень.

Проѣзжаетъ митрополитъ въ пышной каретѣ, запряженной шестерикомъ цугомъ и на передней парѣ коней сидятъ красиво одѣтые вершники.

А Воинъ жаднымъ взглядомъ провожаетъ карету, думая: „Нѣтъ, еще лучше быть митрополитомъ, чѣмъ королевскимъ духовникомъ...“

Такъ думаетъ подростоающій шестнадцатилѣтній семинаристъ Воинъ. И все сильнѣй и сильнѣй разгорается въ немъ прямо таки ненасытное честолюбіе.

Его плѣняетъ митрополичій выѣздъ, плѣняетъ власть князя церкви. Воинъ знаетъ, что митрополитъ имѣетъ большое вліяніе не только на совѣтъ министровъ, но и на самого короля...

Въ глубинѣ скрытной души своей свѣтски-суетный, такъ мучительно неравнодушный къ внѣшнему блеску Воинъ уже научился лицемерить, прикидываться „свято-

шею“ и проповѣдывать чуть ли не аскетизмъ.

По поводу митрополита онъ говорилъ своимъ товарищамъ тихо и какъ бы задушевно улыбаясь одной половиною лица:

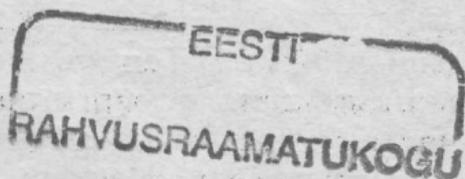
— Развѣ это надобно Богу, чтобы епископы ѣздили въ каретахъ, служили въ пышномъ облаченіи и въ митрахъ, усыпанныхъ самоцвѣтными камнями? Вспомнимъ первые вѣка христіанства.. Вспомнимъ епископовъ, одѣтыхъ едва ли не въ рубища. Отъ этого развѣ ихъ молитвы за паству были менѣе угодны и желанны Всевышнему?..

Товарищи, какъ то робѣвшіе передъ Воиномъ, этимъ загадочнымъ сфинксомъ, не находили, что ему въ такихъ случаяхъ отвѣтить. У однихъ шевелилось:

— А можетъ быть онъ и правъ, Тадичъ?..

Другіе же почему то не рѣшались высказать своихъ возраженій..

Какъ то вовсе не желая и неожиданно для самого себя, подслушалъ одно изъ такихъ собесѣдованій инспекторъ семинаріи, въ видѣ исключенія, лицо не духовнаго званія, а человѣкъ мірской, свѣтскій.

6. Первая любовь.

Пухленькій, съ уже обозначившимъ животикомъ, выпиравшимъ слегка изъ подъ суконнаго сюртучка, Воинъ Тадичъ едва успѣлъ кончить, и еще не успѣлъ насладиться произведеннымъ впечатлѣніемъ, какъ инспекторъ словно изъ подъ земли выросъ среди группы воспитанниковъ,—дѣло происходило въ одномъ изъ угловъ каменнаго сводчатаго корридора.

— Тадичъ, ты и учишься хорошо и паренекъ не глупый, цѣню тебя, а сказала сейчасъ глупость, если, пожалуй, не что-нибудь похуже, чѣмъ глупость... Ты смущаешь умы и берешь примѣры изъ древней эпохи, никакъ не совмѣстимой съ нашимъ временемъ... Да, на зарѣ христіанства епископы отправляли богослуженіе въ самомъ простомъ облаченіи... Во-первыхъ, гонимые, укрывавшіеся въ лѣсахъ и катакомбахъ христіане были бѣдны. Во-вторыхъ, юная Церковь не успѣла выработать и установить одежды для высшихъ священнослужителей, а въ третьихъ, наконецъ, и это едва ли не самое главное: христіанъ тогда была горсточка, всѣ они знали другъ друга, знали своихъ пастырей и всѣ одинаково пламенѣли вѣрою, готовые пріять за нее мучениче-

скій вѣнецъ... Теперь же христіанъ не сотни и не тысячи, а многіе милліоны... Подвижничество — удѣлъ избранныхъ. Вся же масса частью темная, частью грѣшная, вѣрнѣе, и то и другое вмѣстѣ. Очень мало духовная и очень много матеріалистическая... Она требуетъ отъ князей церкви внѣшнихъ отличій. Иначе она не будетъ относиться къ нимъ съ подобающимъ почтеніемъ и не будетъ вѣрить въ ихъ авторитетъ надъ собою... Ты въ одномъ правъ: Господу Богу не нужны эти кареты, эти облаченія и красивая, торжественная, быть можетъ порою даже декоративная обрядность... Но ты не скажь по недомыслію, или по чему-нибудь другому, что все это необходимо, необходимо, какъ пища и вода, многомилліонной паствѣ!.. Не хорошо, очень не хорошо, Тадичъ... — и круто повернувшись инспекторъ удалился.

Это былъ первый чувствительный ударъ для самолюбія Воина. Первый. Не раскаяніе овладѣло имъ, нѣтъ, а онъ испугался двухъ вещей: чего добраго инспекторъ „взболтнетъ“ что нибудь въ педагогическомъ совѣтѣ и можетъ напортить Воину, какъ примѣрному ученику. Второе — Воинъ успѣлъ замѣтить, что товарищи, до сихъ поръ всегда безпрекословно внимавшіе ему, теперь, послѣ отповѣди инспектора, какъ будто заколебались и засомнѣвались. А для Воина, привыкшаго играть всегда первую роль и быть маленькимъ оракуломъ, это было ножомъ острымъ.

Онъ возненавидѣлъ инспектора, еще больше замкнулся въ себѣ и тщательно избѣгалъ бесѣдъ, которыя могли бы повлечь

за собою хотя бы малѣйшій упрекъ въ вольнодумствѣ, вносящемъ смятеніе въ юныхъ, неискушенныхъ умахъ.

Имѣть свои карманныя деньги было всегда завѣтнымъ желаніемъ Воина. Имѣть столько, чтобы пріодѣться и сшить себѣ что нибудь поприличнѣе и посвѣжѣе, чѣмъ заштопанный лоснящійся сюртучекъ.

Правда, отецъ иногда присылалъ, но такіе гроши, о которыхъ даже и говорить не стоить.

Но вотъ счастье повернулось лицомъ къ Воину, убившему сразу двухъ зайцевъ. Явились карманныя деньги, о какихъ онъ раньше не смѣлъ и мечтать. Вмѣстѣ съ этимъ онъ попалъ, хотя и чуждымъ пришельцемъ, но все же попалъ, въ такое общество, куда доступъ былъ закрытъ и не такимъ, какъ онъ, а и лучше рожденнымъ, и лучше поставленнымъ.

Вся столица знала барскій двухъ-этажный особнякъ богатаго сановника Милана Джорджовича, дважды бывшаго премьеръ-министромъ. А до этого четверть вѣка занималъ онъ высокіе дипломатическіе посты въ нѣсколькихъ великодержавныхъ государствахъ. Домъ свой онъ велъ на европейскую ногу. Въ этомъ домѣ жили его сыновья и дочери со своими сыновьями и дочерьми. Все это было упитанное, холеное, умѣвшее держаться въ самомъ изысканномъ обществѣ, отлично говорившее по французски.

Одному изъ внуковъ Милана Джорджовича понадобился учитель по родному языку, ариѳметикѣ и закону Божьему. Отецъ мальчика обратился къ ректору семинаріи,

съ которымъ былъ хорошо знакомъ, а ректоръ семинаріи указаль на воспитанника предпоследняго класса Воина Тадича, отмѣннаго въ наукахъ и благопристойномъ поведеніи.

И вотъ Воинъ Тадичъ попалъ въ большой сановный домъ съ паркетными полами, массивными, тяжелыми люстрами, картинами въ золотыхъ рамахъ, старинной мебелью, громадными зеркалами. Послѣ казеннаго семинарскаго общежитія это была неописуемая роскошь.

Первое время Воинъ чувствовалъ себя на скользкомъ паркетѣ, какъ на ледяномъ каткѣ. Вотъ, вотъ шлепнется. Но потомъ ничего—привыкъ.

Ежедневно, самымъ добросовѣстнымъ образомъ отсиживаль онъ въ классной комнатѣ два часа съ хрупкимъ, тоненькимъ, блѣднымъ мальчикомъ. Длинные вьющіеся волосы были ровно подрѣзаны спереди, какъ у средневѣковаго паженка.

Относились къ Воину хорошо. Никто не третироваль свысока. По воскресеніямъ звали обѣдать, и онъ садился со всѣми за широкій чудно сервированный столъ. Этотъ новый, волшебный міръ изысканно одѣтыхъ людей, изысканно державшихся близкихъ ко Двору и говорившихъ о дѣлахъ государственной важности съ великолѣпной простотою, пьянилъ Воина, заставляя учащенно биться его тщеславное, честолюбивое сердце.

Онъ замиралъ, слушая, какъ старый Джорджовичъ, подагрикъ, выходившій къ обѣду въ бархатныхъ сапогахъ, весь такой вельможный, величественный, рассказываль

свои впечатлѣнія о жизни въ Петербургѣ, Вѣнѣ, Константинополѣ. Джорджовичъ во всѣхъ этихъ трехъ столицахъ былъ посланникомъ и зналъ Русскаго Императора Александра II, австрійскаго монарха Франца-Иосифа и султана Абдуль-Гамида.

Въ такія минуты Воинъ и думать не хотѣлъ о своемъ уже не далекомъ священствѣ. Оно казалось ему тусклымъ, мизернымъ, скучнымъ. Совсѣмъ другое дѣло — карьера дипломатическая! Какія знакомства, встрѣчи, какой мѣръ изящныхъ породистыхъ мужчинъ, красивыхъ нарядныхъ женщинъ, женщинъ, дергающихъ миниатюрными ручками своими политическія нити, иногда прямо таки мірового значенія...

Но послѣ недолгаго витанья въ заоблачныхъ высяхъ, Воинъ опускался на землю и, юноша не глупый, самъ же отрезвлялъ себя. Ну, какой же онъ дипломатъ съ его бѣдностью, съ внѣшнимъ видомъ, съ его незнаніемъ иностранныхъ языковъ. А пойти въ маленькіе чиновники и въ такихъ законсервироваться навсегда — не стоитъ игра свѣчей!.. Да и во фракъ онъ будетъ каррикатурень, смѣшонъ... Ряса же, іерейская ряса сгладитъ всѣ недочеты. Даже съ его лицомъ улыбающимся на половину, съ его чертами буряцко-китайскаго болванчика онъ будетъ еще загадочнѣй въ священническихъ одеждахъ...

Хотя Воинъ съ довольно таки рѣдкой для его лѣтъ безпощадностью окачивалъ холоднымъ ушатомъ свои горделиво-свѣтскія мечты, однако же вскорѣ онъ прямо съ изумительно-страстной фантазіей вернулся

къ притягательнымъ грезамъ о дипломатической карьерѣ.

Это совпало съ прїездомъ старшей дочери Милана Джорджовича, жившей постоянно въ Константинополь. Она была замужемъ тамъ за богатѣйшимъ греческимъ банкиромъ Власари. Жили Власари очень открыто, и обильные тонкіе завтраки и обѣды ихъ собирали всю знать европейской колоніи.

Говорили, что Бранка Власари несчастна въ супружествѣ, но сама Бранка никому не говорила объ этомъ, даже въ родной семьѣ. Ей было за тридцать лѣтъ, но можно было дать не болѣе двадцати четырехъ, такъ она была свѣжа и прекрасна. Высокая, стройная, съ тонкимъ профилемъ и съ длинной шеей, съ гордо посаженной головкою. Одѣтая у лучшихъ парижскихъ портнихъ, очаровательная банкиресса даже въ барскую атмосферу отцовскаго особняка внесла какую то исключительную, ей одной свойственную изысканность. Эта изысканность была и въ ароматѣ ея духовъ, и въ букетикѣ фіалокъ, приколотыхъ либо у пояса, либо на груди, въ ея простыхъ, но дорогихъ платьяхъ, которыя она умѣла такъ носить, какъ никто изъ дамъ не носилъ въ столицѣ.

И при этомъ печальные, какъ бы слегка затуманенные глаза, никого не замѣчавшіе, и такая же немного печальная, немного надменная улыбка.

Бранка Власари около трехъ недѣль прогостила въ отцовскомъ домѣ; но за все это время такъ и не удостоила замѣтить пухленькаго семинариста, дававшего уроки

одному изъ ея племянниковъ. Такъ и уѣхала восточнымъ экспрессомъ въ Константинополь назадъ къ себѣ, не подозрѣвая о существованіи коротенькаго, толстенькаго, съ монголо-славянскимъ лицомъ Воина Тадича.

А Воинъ Тадичъ муками ада терзался, со всей безнадежностью самого безумнаго отчаянія влюбленный въ Бранку Власари, казавшуюся ему необыкновеннымъ, высшимъ существомъ...

Реалистъ и практикъ, не по возрасту холодный и трезвый, онъ впервые позволилъ себѣ роскошь фантазировать, фантазировать безъ конца краю и безо всякаго чувства мѣры, ибо и каждой фантазіи полагается „чувство мѣры“...

И пространство, и время, и сверхъчеловѣческое, — все спутывалось въ какой то противорѣчивый, хаотическій клубокъ..

Воинъ переносился въ Константинополь, убивалъ греческаго банкира Власари, и молодая прекрасная вдова бросалась ему, Воину, въ объятія. Онъ предлагалъ ей руку и сердце. Она съ наслажденіемъ брала и то и другое.

Къ этому времени Воинъ Тадичъ былъ уже молсдымъ, многообѣщающимъ дипломатомъ и носилъ въ глазу круглое стеклышко. Передъ нимъ раскрывались всѣ двери...

Балы. Рауты. Все такое блестящее, парадное. И вотъ они входятъ вдвоемъ, а кругомъ шопоть:

— Кто этотъ молодой человѣкъ и кто эта красавица?

И такимъ же шопотомъ проносится по нарядной толпѣ:

— Это дипломатъ Воинъ Тадичъ... Говорятъ, онъ скоро будетъ посланникомъ...

...Кто этотъ молодой человекъ, и кто эта красавица?..

А эта дама, по которой вздыхаютъ все мужчины—его жена...

Такъ фантазировалъ по ночамъ Воинъ, то обливая горячими слезами подушку, то

въ бѣшенствѣ грызя ее и не находя покоя на своей узенькой, жесткой кровати...

Нѣсколько дней такъ сходилъ онъ съ ума, а потомъ, потомъ успокоился и самъ же надъ собою смѣялся... Надъ своей влюбленностью...

7. Воинъ расправляетъ крылья.

Захолустье далекое, родное, оставшееся въ горахъ, не тянуло къ себѣ Воина и не было обвѣяно манящими призраками, воспоминаніями дѣтства, яркими, солнечными. Мы говорили, что онъ любилъ свою мать, но ужъ какъ то ее по своему любилъ. Такъ снисходятъ высшіе къ низшимъ, умные къ глупымъ, большіе къ маленькимъ.

— Повидаться съ матерью—отчего же? Но ѣхать ради этого, ѣхать долго и нудно, ѣхать туда, откуда онъ съ такимъ удовольствіемъ вырвался—нѣтъ, пусть себѣ ѣздить другіе, а онъ предпочитаетъ оставаться въ городѣ.

И, что удивительнѣй всего: для остальныхъ немногихъ, правда, бездомныхъ сиротъ было величайшимъ несчастьемъ промаяться въ семинарскихъ стѣнахъ три долгихъ, безконечныхъ мѣсяца лѣтнихъ каникулъ.

Воинъ же не понималъ этихъ мальчиковъ, томившихся, изнывавшихъ, не находившихъ себѣ мѣста, жадно такъ стремившихся къ природѣ, лѣсамъ, полямъ и быстро бѣгущимъ въ горныхъ долинахъ рѣкамъ.

Воинъ жилъ своей собственной жизнью, своимъ собственнымъ міркомъ, тщательно

оберегая и то и другое отъ „чужихъ“. А ему всё были чужіе.

Не спѣша, вскрываль онъ письма, приходившія изъ дому, и холодно читаль крупно выведенныя отцомъ строки, съ обычной припискою робкихъ, несмѣлыхъ материнскихъ каракулекъ. Эти милыя наивныя каракули могли бы растрогать какого угодно сына. Какое угодно—только не Воина.

Ему были неприятны и самодѣльные, грубые конверты съ расползающимся, изъ экономіи разведенными водой чернилами и сѣрыя четвертушки бумаги, покрытыя скучнымъ текстомъ скучныхъ переживаній отца и матери.

Не такіе конверты и не такую бумагу видѣль онъ сначала въ магазинахъ, потомъ въ особнякѣ сановнаго Милана Джорджовича. О, эти твердые, продолговатые, надушенные конверты, хранящіе въ себѣ такое—при одной мысли захватываетъ духъ и пышные миражи встаютъ передъ глазами...

А то — не угодно ли?.. Написали ему однажды, что скончался отецъ Семень. Тамъ для нихъ — это событіе первостепенной важности. Все письмо было закапано материнскими слезами..

Умеръ — пора было. Зажился старикъ на бѣломъ свѣтѣ. Что ему, Воину, этотъ подслѣповатый, ветхій деревенскій священникъ, служившій въ ветхихъ лиловыхъ ризахъ?..

Нѣтъ, онъ, Воинъ, и они, родители, никогда не поймутъ другъ друга. Если въ бытность его маленькимъ мальчикомъ они говорили между собою на разныхъ языкахъ,

то теперь, когда онъ узналъ и жизнь и свѣтъ, взаимное непониманіе обострилось еще больше.

Въ письмахъ Воина— время отъ времени и онъ писалъ домой, снисходилъ—звучали уже прямо таки покровительственныя ноты. Пусть онъ только самъ выйдетъ въ люди, пусть, а тогда ему легко будетъ устроить отца дьякономъ гдѣ-нибудь...

Эти небрежныя обмолвки производили такую сенсацію, о которой даже не подозрѣвалъ ихъ юный авторъ. Письмо читалось и перечитывалось десятки разъ не только всѣмъ своимъ сельчанамъ, но и сосѣдямъ изъ окрестныхъ деревень. Сколько умиленія, родительской гордости! Сколько радостныхъ упованій...

Дьякономъ? Шутка ли сказать—дьякономъ? Изъ вѣчныхъ безнадежныхъ псаломщиковъ—въ дьяконы!..

Да, вѣдь это же такая карьера, такое повышение—можно съ ума сойти! Но не надо сходить съ ума. Надо запастись мудрымъ терпѣніемъ и ждать, ждать день за днемъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, пока сынъ расправитъ свои могучія крылья... Только бы не забылъ о своемъ бѣдномъ, смиренномъ отцѣ... Только бы не забылъ...

Четыре года проводилъ Воинъ лѣтнія каникулы свои въ стѣнахъ семинаріи. На пятый годъ онъ приглашенъ былъ на все лѣто въ имѣніе Джорджовича заниматься съ его внукомъ. Это была жизнь! Благоустроенная усадьба съ бѣлымъ, свѣтлымъ двухэтажнымъ домомъ. Воину отведена была большая, чистая комната съ металличе-

ской пружинной кроватью, тонкимъ бѣльемъ и такимъ массивнымъ умывальнымъ приборомъ, что Воинъ еле приподнималъ тяжелый фаянсовый кувшинъ съ водою.

Стоило нажать кнопку электрическаго звонка, являлся бритый лакей въ бѣлой курткѣ съ плоскими пуговицами и — чего только твоя душа просить! Хочешь кофе, шоколаду, чаю, холоднаго мяса, сыру, хлѣба и масла — все принесетъ тебѣ на громадномъ подносѣ, красиво сервированное, аккуратно и аппетитно наръзанное.

Устраивались пикники въ лѣсу. Ёздили туда, кто верхомъ, кто въ открытыхъ коляскахъ. Время проводили шумно, боззаботно. И всѣ такіе нарядные, и женщины и мужчины...

Разговоръ пересыпался французскими фразами. Ахъ, этотъ французскій языкъ! Хотя онъ давался Воину безъ труда, но произношеніе, произношеніе! Вотъ надѣчьмъ онъ бился съ упрямымъ, холоднымъ отчаяніемъ... О, какъ онъ завидовалъ тѣмъ дѣтямъ богатыхъ и знатныхъ людей, которымъ чуть не съ пеленокъ нанимають гувернеровъ и гувернантокъ.

Старый, лоснящійся по всѣмъ швамъ сюртучекъ съ презрѣніемъ былъ заброшенъ. Воинъ обзавелся новенькой пиджачной парюю, не особенно темной и не особенно свѣтлой. Берегъ ее, какъ зѣницу ока. Ложась спать, клалъ брюки между тюфякомъ и пружиннымъ матрацомъ. Этому искусству всегда сохранять свѣжую складку научился онъ у гувернера-француза.

За этимъ волшебнымъ лѣтомъ послѣ-

довало другое, такое же волшебное и опять у Джорджовичей. А черезъ годъ у генерала, состоявшаго при особѣ короля. Тоже барская усадьба и тоже холеный капризный мальчикъ, съ которымъ надо было заниматься по общимъ предметамъ.

У Воина завелись деньги, свои собственные деньги, но никогда ему и въ голову не пришла даже случайная мысль послать хотя бы нѣсколько динаровъ въ далекую родную глушь отцу съ матерью. Онъ покупалъ себѣ твердые крахмальные воротнички, галстухи, перчатки, одеколонъ. Онъ забывалъ, что въ штатскомъ онъ неуклюжъ и смѣшонъ и что единственно ряса могла затушевать всѣ недочеты его пухлой фигуры и такого же пухлаго лица, наполовину загадочно непроницаемаго, наполовину такъ же загадочно улыбающагося...

8. Воинъ надѣваетъ маску.

Самовлюбленный тщеславный Воинъ, попавъ въ общество, которое не было его обществомъ, хотѣлъ удержаться, закрѣпиться въ немъ.

Легко сказать удержаться... но какъ? Въ самомъ дѣлѣ, какой интересъ въ этомъ кругу могъ возбуждать некрасивый, несуразный юноша, если даже отъ природы способный и умный, то все же далеко не до такой степени, чтобы удивить этихъ избалованныхъ людей и обратить на себя ихъ вниманіе? А вотъ именно хотѣлось, страшно хотѣлось обратить на себя ихъ вниманіе...

Воинъ шевельнулъ мозгами...

Если со своимъ дешевымъ костюмчикомъ, со своей непривлекательной внѣшностью и со своими манерами бѣднаго семинариста онъ будетъ играть въ свѣтскость, онъ будетъ жалокъ. А показаться жалкимъ — Воинъ пуще всего боялся. Нѣтъ, чтобы имѣть успѣхъ среди этихъ пресыщенныхъ людей, женщинъ въ особенности, надобно нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ другое..

Не поддѣлываться подъ нихъ вызывающей оскорбительную улыбку карриатурою будетъ онъ, а какъ разъ наоборотъ. Онъ выдѣлится рѣзкимъ пятномъ, занявъ свою

собственную, не могущую не привлечь ихъ вниманіе, позицію.

Онъ будетъ играть въ смиреннаго святошу, религіознаго, кроткаго, всепрощающаго. Да, святошу и какъ на святого должно смотрѣть на него все это общество, богатое и праздное, до чертиковъ надоѣвшее другъ другу.

Необходимо надѣть маску. Необходимо притворяться, лгать. И онъ надѣнетъ ее, эту маску и будетъ лицемѣрить, притворяться и лгать...

Первымъ дебютомъ его и дебютомъ весьма удачнымъ было второе лѣто, проведенное въ имѣніи Джорджовичей. Село находилось въ пяти километрахъ отъ усадьбы. Въ этомъ селѣ была церковь. Воинъ Тадичъ, не взирая ни на какую погоду, пѣшкомъ отправлялся каждую субботу къ вечернѣ, а каждое воскресенье—къ обѣднѣ.

Иногда кто нибудь изъ многочисленной семьи Джорджовичей нагонялъ его въ коляскѣ, предлагалъ подвезти.

Воинъ вѣжливо, но твердо отказывался.

— Но почему же вы не хотите?—спрашивали его, по большей части, дамы и барышни.

Въ такіе моменты даже улыбающаяся половина его лица переставала улыбаться. Онъ отвѣчалъ тихо раздѣльно, внушительно:

— Передъ молитвою въ храмѣ Божьемъ я хочу уйти въ себя. Не хочу отвлекаться. Я долженъ быть наединѣ со своими помыслами, наединѣ съ самимъ собою. Сердечно благодарю васъ за вашу любезность, но я

пойду пѣшкомъ...—и, учтиво поклонившись, онъ продолжалъ свой путь, посѣявъ въ женскихъ душахъ и смятеніе и любопытство къ своей скромной, до сихъ поръ такой незамѣтной особѣ.

... Воинъ Тадичъ, не взирая ни на какую погоду, пѣшкомъ отправлялся каждую субботу къ вечернѣ, а каждое воскресенье — къ обѣднѣ...

Подъ стукъ колесъ и щелканье бича обгонявшія Воина дамы говорили между собой:

— Какая высокая религіозность въ

этомъ юношѣ! Какъ должна быть чиста его вѣра!..

— Да, это будетъ священникъ по призванію! Побольше бы такихъ!

По средамъ и пятницамъ Воинъ постничалъ и строго постничалъ, не касаясь даже рыбы и ограничиваясь хлѣбомъ и овощами. И это было извѣстно въ домѣ и когда за обѣдомъ лакеи обносили всѣхъ супомъ, жаркимъ, Воину подавали редиску, огурцы, салатъ.

Ни одна живая душа и не подозрѣвала, что постничающій Воинъ, запершись въ своей комнатѣ, съ лихвою вознаграждаетъ себя за демонстративное воздержаніе на людяхъ. Обыкновенно передъ пятницей и средой онъ дѣлалъ нѣкоторый запасъ изъ холоднаго мяса, которое лакей подавалъ ему къ раннему завтраку. Этимъ семинаристъ напоминалъ языческихъ жрецовъ и шамановъ, обжирающихся тайкомъ, чтобы передъ легковѣрной толпою играть роль одержимаго голодными галлюцинаціями. Воинъ не только не прочь былъ вкусно и сытно поѣсть, но чревоугодьѣ возводилось имъ въ культъ. Когда онъ плотоядно жевалъ сочный ростбифъ, ломтикъ жирной ветчины, или кусочекъ пулярды, глаза его начинали свѣтиться какимъ то особеннымъ животнымъ блескомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ тѣмъ аскетическимъ выраженіемъ, какое онъ придавалъ имъ, отказываясь отъ предложенія подвезти его въ церковь, или сидя за общимъ обѣденнымъ столомъ въ постные дни надъ тарелкою съ огурцами и салатомъ...

Такое твердое соблюденіе постовъ не только не могло пройти незамѣченнымъ, а и мало по малу создавало послѣдовательницъ. Одна изъ замужнихъ дочерей Джорджовича отказалась отъ мяса въ постные дни и уже не ѣздила въ церковь, а ходила.

Молва о праведномъ семинаристѣ вышла за предѣлы усадьбы. Уже заговорило о немъ и окрестное селячество.

Въ церкви многіе прихожане глазъ не спускали съ Воина, половину обѣдни выстаивавшаго на колѣняхъ, а другую половину вдохновенно смотрѣвшаго передъ собою никогда и ничего не видящимъ взглядомъ...

Съ напускнымъ смиреніемъ принималъ Воинъ всѣ знаки вниманія, которое день ото дня становилось все больше и больше. Но главное торжество его было впереди. Это, когда пріѣхавшая къ отцу Бранка Власари, великолѣпная банкиресса, зимою въ теченіе мѣсяца не замѣчавшая репетитора-семинариста, занимавшагося съ ея племянникомъ, теперь лѣтомъ съ видимымъ удовольствіемъ искала общества этого самаго семинариста.

Несчастливая въ семейной жизни, печальная Бранка готова была удариться въ мистицизмъ и ей казалось, что Воинъ можетъ дать отвѣты на волнующіе ее вопросы. Никакихъ отвѣтовъ онъ дать не могъ, отдѣлываясь неопредѣленными, туманными полунамекками, претендующими на нѣкоторую глубину. Большаго и не надо было. Чуткая фантазія женщины сама вышивала узоры на этомъ неясномъ и смутномъ фонѣ.

Въ бесѣдахъ съ Бранкою семинаристъ проходилъ чудесную школу умѣнья владѣть

собою. Давнишняя влюбленность въ эту прекрасную женщину поднималась въ немъ съ новой бунтующей силою. Но онъ держалъ себя въ стальныхъ тискахъ. Малѣйшій намекъ на признаніе вспугнетъ Бранку, и ея уваженіе къ нему смѣнится отвращеніемъ, котораго не погасить никогда...

О, это были настоящія мученія... Хотѣлось, безумно хотѣлось броситься къ ней, цѣловать, а онъ ограничился пожатіемъ руки, даже безъ прикосновенія губъ. Вообще, онъ усвоилъ манеру не цѣловать дамамъ руки. Зачѣмъ? Во-первыхъ, это будетъ выдѣлять его, къ его же собственной выгодѣ, а во-вторыхъ, черезъ какихъ нибудь десять лѣтъ онѣ, эти самыя дамы будутъ цѣловать ему руки и будутъ смотрѣть на него, какъ на святого.

9. Это — не для него!..

Попавъ, хотя и въ качествѣ репетитора въ замкнутый кругъ сановниковъ, генераловъ и, вообще, богатыхъ и знатныхъ, Воинъ съ восхищеніемъ убѣдился въ магической силѣ знакомствъ и связей.

Знакомство и связи — это все! Безъ нихъ и шагу не ступишь и, наоборотъ, онѣ вездѣ и повсюду открываютъ двери. Въ этомъ Воинъ убѣждался на каждомъ шагу и убѣдился на себѣ самомъ, въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе, на своемъ отцѣ, затерянномъ въ далекой безпросвѣтной глуши псаломщикѣ.

Бранка Власари дѣлала все, чтобы вызвать на откровенность замкнутого, хранящаго какую то „вѣчную тайну“, семинариста.

Ей казалось, что если она проявитъ участіе въ судьбѣ этого вдохновенно-вѣрующаго юноши, то и онъ не забудетъ ее въ своихъ молитвахъ... А его молитвы должны быть угодны Всевышнему...

И вотъ однажды, бесѣдуя съ Воиномъ въ чудесномъ усадебномъ паркѣ, прекрасная банкиресса задала ему вопросъ:

— Воинъ, отчего вы никогда не говорите о своей семьѣ? Какъ живетъ вашимъ родителямъ? Гдѣ они? Я была-бы счастлива,

—если это, конечно, въ моихъ силахъ... по-содѣйствовать имъ...

Какой-нибудь годъ назадъ Воинъ, охваченный ложнымъ стыдомъ, покраснѣлъ бы, отдѣлавшись какой-нибудь ложью. Не хватило бы мужества сознаться, что его отецъ — „ничтожный“ псаломщикъ.

Теперь же, теперь — совсѣмъ другое дѣло. Теперь онъ чувствуетъ подъ собою твердую почву. Теперь онъ уже нѣкоторая величина среди этихъ людей и главное этихъ дамъ, жаждущихъ отъ него откровеній... Теперь, какъ сказалъ Наполеонъ про себя, семинаристъ Воинъ Тадичъ „самъ свой предокъ“ и то обстоятельство, что отецъ его псаломщикъ, это уже не унизительно теперь, а почтенно.

И Воинъ съ вдумчивой важностью отвѣтилъ:

— Мои отецъ и мать — люди очень бѣдные... Вся жизнь ихъ — незамѣтный подвигъ маленькихъ сѣрыхъ, но честныхъ богобоязненныхъ людей. Отецъ мой псаломщикъ въ такомъ дикомъ захолустьѣ, о которомъ вы врядъ ли когданибудь слышали, и которое, пожалуй, и вовсе не обозначено на картѣ...

— Вѣроятно, они очень хорошіе, достойные люди, разъ сумѣли воспитать такого сына, какъ вы, — съ чувствомъ молвила Бранка — поэтому я съ особеннымъ удовольствіемъ сдѣлаю все, чтобы облегчить ихъ неприглядное существованіе. Скажите, что я могу сдѣлать? Можетъ быть необходима какая-нибудь матеріальная помощь? — робко заикнулась она.

Воинъ принялъ скромный, но гордый, слегка обиженный видъ, полный достоинства.

— Благодарю... Господь наградить васъ за ваше доброе сердце, но какъ ни бѣдны мои старики, денежная помощь оскорбила бы ихъ... Нѣтъ, если ваше человѣколюбивое сердце заинтересовалось съ такимъ трогательнымъ участіемъ судьбою моихъ стариковъ, то вы можете сдѣлать имъ добро совсѣмъ въ иной формѣ.

— А именно? Говорите, говорите-же, Воинъ!..

— Завѣтная мечта моего отца получить когда-нибудь на самомъ склонѣ лѣтъ, хотя бы скромный санъ дьякона.

— Только то,—обрадовалась печальная банкиресса — Воинъ, это будетъ сдѣлано... Обѣщаю вамъ. На дняхъ мой отецъ посѣтитъ Владыку-Митрополита и, вы понимаете... одно слово... Да, вы составьте краткую записочку для памяти, я ее дамъ отцу и... я ни на минуту не сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ.

Увѣренность Бранки Власари блестяще оправдалась. Псаломщикъ Тадичъ вскорѣ назначенъ былъ соборнымъ дьякономъ въ одномъ изъ крупныхъ областныхъ городовъ.

Это, казалось бы, такое незамѣтное повышение незамѣтнаго человѣка произвело сенсацію не только въ забытомъ людьми и Богомъ селѣ, но и въ широкихъ кругахъ духовенства.

Ректоръ семинаріи внимательнѣй началъ относиться къ Воину. Говорилъ всѣмъ:

— Этот тихоня Тадичъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ... Далекo поидеть... Если не споткнется... Далекo... Помяните мое слово!.. У него такіе ходы у мальчишки этого, какіе намъ и не снились даже... Будемъ живы, будемъ еще не разъ удивляться и головами покачивать...

Если псаломщикъ Тадичъ раньше боялся сына, то теперъ къ этой боязни еще присоединилось положительно какое то суровѣе преклоненіе... Сынъ чудился ему едва ли не сверхъестественнымъ существомъ, для котораго нѣтъ ничего невозможнаго.. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ не совершилъ невозможное, шутя, однимъ словомъ своимъ такъ сказочно облагодѣтельствовалъ смиреннаго отца своего?..

И полетѣли въ столицу, къ Воину благодарственныя письма, несвязныя, обильно закапанныя слезами счастья. Письма, которыя сынъ разсѣяннo пробѣгалъ со скучающей миною...

Ему было не до отца съ матерью... Передъ нимъ вставалъ вопросъ уже своей собственной карьеры. Пробилъ часъ выпускныхъ экзаменовъ...

Но уже задолго до этихъ экзаменовъ Воинъ твердо зналъ, какъ онъ распорядится своей особою. Священство, женитьба—ни за что на свѣтѣ! Ни за что...

Онъ все обдумалъ, взвѣсилъ, обсудилъ... Это связало бы его, принизило бы и развѣяло бы весь тотъ ореолъ, все то обаяніе, сладость которыхъ онъ уже успѣлъ вкусить... Нѣтъ, онъ поидеть въ монахи. Черная ряса и черный клобукъ помогутъ за-

крѣпить и расширить уже достигнутыя завоеванія. Вокругъ него создадутся легенды. Жадно устремлены будутъ къ нему ищущія сердца и души... Молодымъ іеромонахомъ онъ будетъ сильнѣе, замѣтнѣй, значительнѣй, и главное, загадочнѣе любого заслуженнаго протоіерея...

Черная ряса и клобукъ раскроютъ передъ нимъ прямо головокружительныя возможности... Пусть другіе его товарищи идутъ въ священники, женятся на тусклыхъ дѣвушкахъ и, размѣниваясь на мелочи повседневныхъ заботъ, плодятъ дѣтей...

Пусть... Это не для него...

10. Монастырь — сказка.

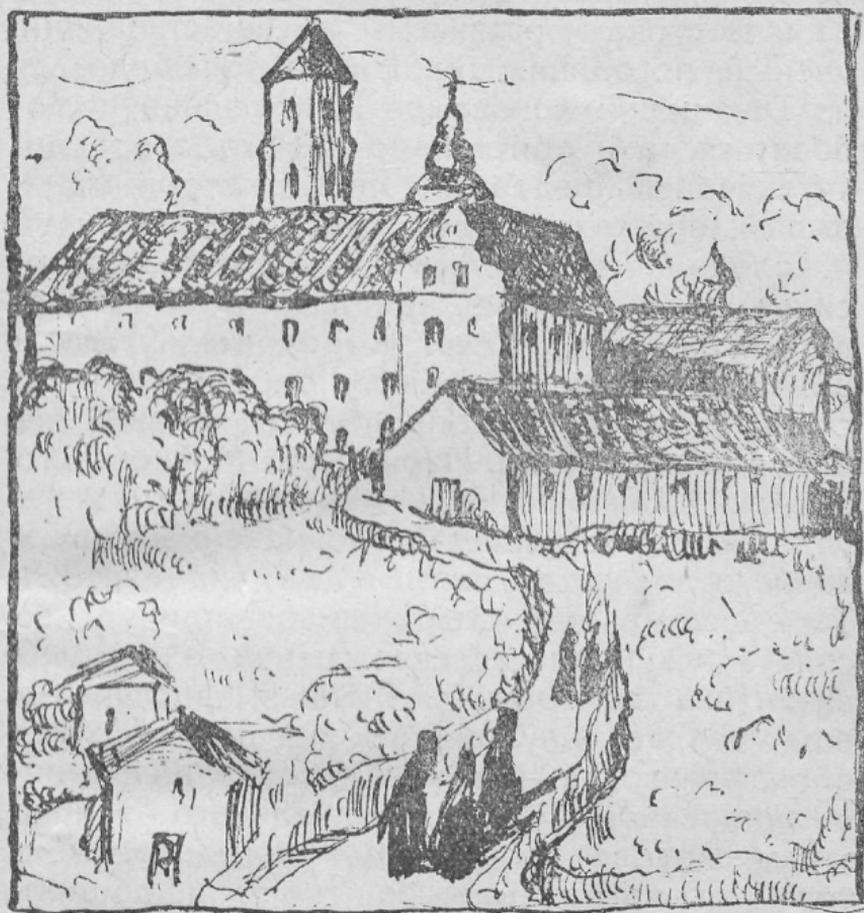
Тачаницкій монастырь извѣстенъ былъ, — да что извѣстенъ, славился на все королевство...

Это была древняя, древняя святыня. Это была гордость многомилліонной славянской страны. Создавался Тачаницкій монастырь въ 12 вѣкѣ. Никто не могъ назвать имя творившаго это чудо. Жаль, что не передалось потомству имя геніальнаго зодчаго.

Минуло восемь столѣтій. Цѣлыхъ пять вѣковъ былъ монастырь вмѣстѣ съ прилегающей землею подъ ярмомъ турокъ. И всѣ эти пять вѣковъ былъ онъ въ страшномъ запустѣніи. Мало — въ запустѣніи, а еще и поруганы были варварски мусульманами христіанскія святыни. Нѣкоторыя чудеснаго византійскаго письма иконы были замазаны бѣлой краскою... У большинства же иконъ, написанныхъ фресковой манерою на стѣнахъ, побуравлены были очи, а къ женскимъ ликамъ Богоматери и Великомученицъ пририсованы были кощунственной рукою усы и бороды...

Мозаичный полъ храма, являвшій восточное великолѣпіе подборомъ и цвѣтомъ камешковъ, былъ вынутъ и вывезенъ въ

Константинополь, дабы украсить тронный залъ султанскаго дворца.

... Тачаницкій монастырь извѣстенъ былъ на все королевство...

Король Миланъ отвоевалъ у турокъ заглохшій, запущенный, разоренный, обезлюдѣвшій Тачаницкій монастырь. И вотъ мало по малу обновленъ былъ храмъ и соотвѣтственно приведены были въ жилой видъ кельи и службы. Воскресъ и затрепеталъ

жизнью Тачаницкій монастырь. И не только изъ самыхъ дальнихъ концовъ королевства, но даже изъ совсѣмъ чужихъ земель Запада и Востока прїѣзжали путешественники, ученые, историки, художники полюбоваться на Тачаницкій монастырь. Не только полюбоваться, а и пристально изучить этотъ архитектурный шедевръ. Легкій, стройный и бѣлый, возносился онъ куполами, башнями и колокольнями своими къ небесамъ, возносился, какъ видѣніе, средь плоской, благодатной равнины. Равнина вся въ лугахъ и цвѣтахъ. И нельзя было опредѣлить его стиль, какъ нельзя опредѣлить таковой же Венеціанскаго Санъ-Марко, или Московскаго Василія Блаженнаго. И какъ въ этихъ нетлѣнныхъ памятникахъ вдохновеннаго церковнаго зодчества, такъ и въ знаменитомъ Тачаницкомъ монастырѣ дивно причудливо сплетались и мистическая готика и суровая византика и горячій, знойный востокъ и еще что то неуловимое, не поддающееся опредѣленію, но чарующее, говорящее о необыкновенной фантазіи геніальнаго творца этихъ сводовъ, выступовъ, оконъ, орнаментовъ, осьмигранныхъ башенокъ и общихъ пропорцій, дававшихъ впечатлѣніе какой-то каменной, кружевной, воздушной и въ тоже время грандіозной мечты, одного страстнаго религіознаго порыва, гармоничнаго стройнаго порыва къ Богу, къ вѣчности и къ далекимъ бирюзовымъ небесамъ...

Туристы и художники, зарисовывавшіе въ свои альбомы Тачаницкій монастырь, видѣли, какъ сквозь смытую бѣлую краску глянули суровые византійскіе лики Угодни-

ковъ, бывшихъ полъ тысячи лѣтъ въ плѣну у турокъ. Монахи рассказывали гостямъ преданія, которыми обвѣянъ былъ весь монастырь еще съ тѣхъ временъ, когда не былъ онъ подъ чуждой властью.

Давно, очень давно, передъ той рѣшающей битвою, несчастный исходъ которой отдалъ монастырь врагамъ христіанства, сорокъ монаховъ въ теченіе мѣсяца и днемъ и ночью исповѣдывали трехсоттысячную армію, всю, начиная съ короля и кончая послѣднимъ бойцомъ.

Воображеніе слушателей дополняло картину: необозримый лагерь изъ бѣлыхъ шатровъ. Лѣсъ цвѣтныхъ, шелестящихъ знаменъ. Лязгъ оружія и бодрое, веселое ржаніе лошадей многочисленной конницы...

На этой же самой равнинѣ сошлись грудь съ грудью славянскіе полки съ турецкими таборами. Три дня и двѣ ночи бились въ жестокой сѣчѣ, бились христіанскія хоругви съ бѣлымъ полумѣсяцемъ на зеленомъ знамени Магомета. Бились по колѣно въ крови и въ этой крови, какъ по вздувшейся алой рѣкѣ, густо, густо плавали трупы...

Прошли вѣка съ тѣхъ поръ... Тачаницкая равнина удобренная полумилліономъ человѣческихъ тѣлъ, покрылась и расцвѣтилась неслыханно-буйной и пышной растительностью.

Поколѣніе вороновъ, вскормленныхъ человѣчиной, дало новыя поколѣнія такихъ крупныхъ, большихъ вороновъ, какихъ нѣтъ нигдѣ во всемъ свѣтѣ...

Осенними предзакатными вечерами, когда небеса рдѣли пепельно-холоднымъ ба-

грянцемъ, черными точками унизывали громадные вороны кресты колоколенъ и куполовъ и по равнинѣ далеко, далеко несло неприятное рѣзкое карканье этихъ недобрыхъ птицъ, живущихъ втрое и даже вчетверо больше, нежели человѣкъ....

11. Воинъ на войнѣ.

Не удивительно, что Воинъ — теперь уже въ схимѣ Мардарій, а не Воинъ, — выбралъ Тачаницкій монастырь. Святая обитель эта въ силу историческихъ заслугъ пользовалась исключительнымъ вниманіемъ и простыхъ людей и занимавшихъ высокое положеніе.

Въ Тачаницы дважды въ годъ жаловала королевская семья. Въ Тачаницахъ говѣли жены и матери сановниковъ, генераловъ, министровъ. Тачаницы, не взирая на удаленность свою отъ центра, были куда болѣе на виду, чѣмъ всѣ остальные обители, находившіяся въ большихъ городахъ.

Ко всему этому еще и дивный, чистый воздухъ всей Тачаницкой равнины превращалъ монастырь въ климатическую станцію, гдѣ не было суровой холодной зимы и дождливой пронизывающей осени. Все это вмѣстѣ взятое какъ слѣдуетъ оцѣнилъ Тадичъ и безъ колебаній остановился онъ въ своемъ выборѣ.

Отдаленность отъ столицы, гдѣ налажены были у него такія завидныя знакомства, нисколько не смущала Тадича. Ряса и клобукъ нужны ему для „фирмы“. Онъ во все не собирается хоронить себя на вѣки

вѣчные въ этой милой, живописной глуши. Онъ будетъ наѣзжать въ монастырь. Главное же поле дѣятельности его — тамъ, гдѣ кишитъ яркая шумная жизнь, гдѣ у него много послѣдовательницъ и гдѣ создаются репутаціи, богатства, карьеры, политическія назначенія, гдѣ, вообще, полнымъ полно всяческихъ матеріальныхъ благъ...

Такъ онъ мечталъ, такъ и осуществлялись его мечты.

Въ обители братъ Мардарій бывалъ залетнымъ гостемъ, приурочивая наѣзды свои главнымъ образомъ къ великому посту, когда собирался въ Тачаницахъ кое-кто изъ говѣющей знати.

Въ своей аскетической кельѣ братъ Мардарій принималъ важныхъ и склонныхъ къ ханжеству барынь и молодыхъ и старыхъ, сплошь богатыхъ, сплошь влятельныхъ. Допускалъ онъ къ себѣ и поклонницъ попроче, но внутренно морщась, исключительно одной только популярности ради.

Для виду питался монахъ Мардарій чаемъ и просфорами, съ удовольствіемъ предвкушая, какъ, вырвавшись изъ этихъ скучныхъ стѣнъ, онъ отдастся чревоугодію, безъ котораго уже не могъ обойтись и къ которому приученъ былъ тонкой обильной кухнею богатыхъ аристократическихъ домовъ.

Не прошло и года со дня постриженія, какъ вспыхнула война съ турками. Почуялъ Мардарій въ этой войнѣ выгоду, выгоду въ томъ смыслѣ, чтобы заставить говорить о себѣ.

Въ салонахъ Мардарій произносилъ патріотическія рѣчи. Говорилъ онъ красиво, съ актерскимъ подъемомъ и пафосомъ и порою съ такимъ увлеченіемъ — самъ увлекался звуками своего голоса и построеніемъ фразъ, — что слушатели забывали неприглядность его лица, одной половиной улыбавагося, другой хранившаго загадочную неподвижность.

Дамы образовали благотворительный комитетъ снабженія арміи табакомъ, сахаромъ, теплымъ бѣльемъ и праздничными гостинцами. Душою этого комитета былъ Мардарій. Къ нему широкой волною стекались пожертвованія. Онъ завѣдывалъ ими, распредѣлялъ, направлялъ. Ему слѣпо вѣрили и никому и въ голову не могло придти, чтобы онъ польстился на подарки для тѣхъ, кто въ окопахъ и на позиціяхъ отдастъ свою кровь и свою жизнь за отечество.

Мардарій часть пожертвованій дешево уступалъ спекулянтамъ и хищникамъ, часть же шла на фронтъ.

Дѣлалось это не для христолюбиваго воинства, а для собственнаго прославленія.

Вскорѣ узнали его не только въ штабахъ дивизій, полковъ, но и на всей линіи фронта.

Немногіе въ военныхъ кругахъ, скептически къ нему относившіеся, дали ему прозвище „монаха-кавалериста“. Громадное же большинство умилялось чистосердечнѣйшимъ образомъ.

— Вотъ подвижникъ!.. Вотъ настоящій пастырь и другъ нашихъ сѣрыхъ героев!..

Въ штабахъ онъ имѣлъ большую силу черезъ военнаго министра и генераловъ, командующихъ арміями, поэтому и въ ближайшемъ тылу и на позиціяхъ двадцати двухъ лѣтняго монаха встрѣчали, какъ важную особу, какъ князя Церкви.

„Монахъ-кавалеристъ“.

Онъ пріѣзжалъ въ помещеніе штаба, а за нимъ на грузовикѣ — цѣлая пирамида ящиковъ со всякой всячиной, такой желанной въ окопномъ обиходѣ.

Одинъ изъ ящиковъ, наиболѣе изысканный по своему содержимому, открывался

для чиновъ штаба. Мардарій надѣлялъ офицеровъ папиросами изъ лучшаго табаку, хорошо пахнувшимъ туалетнымъ мыломъ, одеколономъ.

Офицеры не знали, гдѣ посадить Мардарія и какъ его чествовать.

Онъ требовалъ себѣ верховую лошадь, самую смирную, — бей, не побѣжитъ рысью, требовалъ сѣдло съ большими помѣстительными кобурами. Эти кобуры набивалъ онъ до отказа плитками шоколада, коробочками папиросъ, пачками иголокъ, катушками нитокъ, кубиками дешеваго мыла.

И вотъ верхомъ, въ клобукѣ и рясѣ, съ серебряннымъ крестомъ на груди, выѣзжалъ Мардарій на тыловыя позиціи, а за нимъ слѣдовала двуколка, вся сплошь наполненная въ изобиліи и всѣмъ тѣмъ, что онъ имѣлъ въ кобурахъ своего сѣдла, и еще теплымъ бѣльемъ — шерстяными носками, рубахами, фуфайками ..

Солдаты, завидя Мардарія, бѣжали къ нему подъ благословеніе. Онъ съ коня благословлялъ ихъ, они ловили и цѣловали его руки. Этими руками чистыми, бѣлыми, холеными онъ раздавалъ шоколадъ, папиросы, иголки, нитки, мыло.

А когда приближалась двуколка, начиналъ дарить бѣлье.

Иногда привозилъ съ собой Мардарій кожаный мѣшочекъ съ образками и крестиками. Начальство выкликало солдатъ, наиболее отличившихся въ бояхъ, и Мардарій, десятками рукъ бережно снятый съ лошади, благословлялъ героевъ и лично вѣшалъ имъ

на грудь снабженные цѣпочками образки и крестики.

И такъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ объѣзжалъ онъ полкъ за полкомъ, дивизію за дивизіей, армію за арміей. Ѣздилъ съ нимъ и фотографъ. Снимки монаха-кавалериста, раздающаго солдатамъ содержимое кобуръ и двуколокъ, появлялись не только въ своихъ, но и въ заграничныхъ журналахъ.

Такъ росла популярность Мардарія и росъ вмѣстѣ съ нею притокъ пожертвованій. На позиціяхъ человѣколюбець-монахъ воодушевлялъ солдатъ патріотическими рѣчами и звалъ къ полной побѣдѣ надъ угнетателями вѣры христіанской.

Въ концѣ концовъ одно появленіе конной фигуры монаха вызывало горячій энтузіазмъ солдатъ. Мардарій умѣлъ искусно подогрѣвать этотъ энтузіазмъ. Онъ часто бесѣдовалъ съ отдѣльными солдатами, интересовался ихъ домашней жизнью, семьей, просилъ кланяться въ родное село отцамъ, матерямъ, женамъ, дѣтямъ и тутъ-же какъ бы невзначай солдатъ получалъ изъ рукъ сестры милосердія, добровольно прикомандировавшей себя къ Мардарію, открытку съ изображеніемъ коннаго монаха, то одѣляющаго подарками сѣрыхъ героевъ, то благословляющаго ихъ...

Сотни и тысячи открытокъ заканчивали въ глухой провинціи то, что было начато на позиціяхъ.

Не прошло и двухъ-трехъ мѣсяцевъ —

рѣдкій человекъ во всемъ королевствѣ не повторялъ имя Мардарія съ какимъ то особеннымъ, близкимъ къ благоговѣнію чувствомъ.

12. Искушаемый Мардарій.

Мардарій вплотную соприкоснулся съ войною. И хотя самъ на себѣ всѣхъ тяготъ ея не испыталъ и была она ему не только не мачехою, а всякой родной матери лучше, но изнанку войны, ея тѣневя стороны, весь ея ужасъ онъ уразумѣлъ и постигъ.

Онъ видѣлъ на позиціяхъ горы человѣческихъ труповъ послѣ атаки. Труповъ, зимою одеревянѣвшихъ, лѣтомъ издающихъ тяжелый, какой-то приторно-мутящій запахъ...

На перевязочныхъ пунктахъ онъ видѣлъ раненыхъ съ оторванными руками, ногами и съ копошившимися въ ранахъ червями.

Онъ видѣлъ разбросанныя по землѣ окровавленныя лохмотья мяса и костей, вызывающихъ брезгливый страхъ.

Эти лохмотья за минуту были красивой и видной молодежью въ шинеляхъ и мундирахъ. И вотъ разорвавшійся снарядъ, или удачно описавшая дугу ручная граната и, — нѣтъ человѣка, есть его обрывки, частью на травѣ, частью застрявшія въ листьѣ ближайшихъ деревьевъ...

Сначала Мардарій, ежась, съ холодомъ въ спинѣ, отворачиваясь, проходилъ мимо всѣхъ этихъ кошмаровъ. А потомъ, потомъ

привыкъ, какъ, вообще, привыкають люди ко всему на свѣтѣ.

Война всегда сопровождается переоцѣнкою, если и не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, очень многихъ цѣнностей. Меньше всего цѣнится на войнѣ человѣческая жизнь, въ мирное время такъ заботливо оберегаемая... Жизнь, за отнятіе которой, отнявшій несетъ по суду чувствительное суровое возмездіе... Въ мирное, спокойное время...

А на войнѣ тотъ, кто больше уничтожилъ непріятельскихъ бойцовъ, награждается слѣдующимъ чиномъ, орденомъ, почетнымъ званіемъ героя и не этимъ-ли самымъ героямъ вѣшалъ на грудь Мардарій крестики и образки?..

Война воспитываетъ въ человѣкѣ доблесть и мужество, укрѣпляетъ любовь къ родной землѣ, но въ то же самое время ожесточаетъ душу, растлѣваетъ ее...

Не избѣжалъ этого растлѣнія и Мардарій. Не избѣжалъ, но и къ положительнымъ сторонамъ войны нисколько не пріобщился. Уже послѣ перваго мѣсяца ловилъ себя на желаніи убить кого-нибудь изъ непріятелей. Сдѣлать то, что ежедневно, ежечасно совершается по всему фронту..

— Возьми и убей! — искушающе самъ себѣ и своей совѣсти нашептывалъ Мардарій.

Въ самомъ дѣлѣ: такъ просто, такъ безнаказанно и въ то же время въ этомъ какая то жуткая, притягивающая сила.

Легкій, еле ощутимый нажимъ пальцемъ и человѣкъ, мыслившій, любившій, не

навидѣвшій, тѣ или иные поступки совершавшій — перестаетъ существовать.

Весь этотъ хаосъ новыхъ мыслей и желаній не давалъ покоя Мардарію. Только нерѣшительность, особая трусость глубоко штатскаго, никогда не прикасавшагося къ оружію, мѣшала ему до поры до времени сдѣлаться физическимъ убійцею. Убійцей же духовнымъ онъ уже сдѣлался... Такъ какъ въ умѣ своемъ переступилъ грань, рѣшилъ, что „это“ не грѣхъ и что убить онъ можетъ и хочетъ...

Этотъ волнующій, неотступно преслѣдующій вопросъ, не хватало выдержки таить въ себѣ. И словно заранѣе становясь своимъ адвокатомъ, защищая то, чего еще нѣтъ, но что произойдетъ, Мардарій при всякомъ удобномъ случаѣ, иногда самъ этотъ случай выискивая, заводилъ разговоръ на тему — совмѣстимо ли убійство на войнѣ съ духовнымъ саномъ? И можетъ ли священникъ, или монахъ убить непріятельскаго воина, этимъ дѣяніемъ своимъ не противорѣча завѣтамъ христіанской морали?..

Однажды вечеромъ въ землянкѣ одного полкового командира при свѣтѣ мигающей керосиновой лампочки на грубомъ сколоченномъ изъ досокъ столѣ, зашелъ споръ между Мардаріемъ и старымъ полковымъ священникомъ отцомъ Саввою.

Сѣдой, въ очкахъ отецъ Савва, награжденный двумя боевыми отличіями, говорилъ съ осужденіемъ:

— Есть въ шестомъ кавалерійскомъ полку молодой священникъ Турбановичъ... Онъ совершилъ великій грѣхъ и впалъ въ

великій соблазнъ. Вмѣстѣ съ полкомъ онъ бросился въ атаку и зарубилъ саблею вражескаго солдата.

Мардарій, пытливо уставившись на священника и улыбаясь половиною лица, спросилъ.

— Такъ вы, отецъ Савва, осуждаете этого Турбановича!

— Осуждаю безусловно! Если бы отъ меня зависѣло, я отозвалъ бы его съ фронта и наложилъ покаяніе. Убіиство несовмѣстимо съ пастырскимъ званіемъ, несовмѣстимо со священническою рясою...

— И это вы говорите, отецъ Савва, вы? — съ лукавой настойчивостью, словно готовя какой то подвохъ, переспросилъ Мардарій.

— Да, говорю! И буду говорить съ полнымъ сознаниемъ собственной правоты.

— Хорошо. . . А не вы ли, отецъ Савва, дважды, если не ошибаюсь—это было отмѣчено въ приказѣ по арміи, — водили своихъ солдатъ въ атаку?..

— Водилъ, но не изъ молодечества, а когда всѣ офицеры были въ полку выбиты и полкъ, лишившись начальниковъ, дрогнулъ въ окопахъ... И тогда я вышелъ изъ окоповъ и солдаты бросились за мною. . . Я же лично и не помышлялъ никого убивать. И все мое оружіе — былъ высоко поднятый крестъ.

— Такъ... — протянулъ ухмыльнувшійся Мардарій.—Отъ вашей собственной руки не палъ никто, но сами вы не только благословляли на убійство, но повели на него весь полкъ...

— Не на убійство, а на защиту родины! Я только исполнилъ пастырскій долгъ — возразилъ отецъ Савва.

— Защита родины... — пожалъ плечами съ насмѣшливой улыбкой Мардарій. — Но вѣдь, азбука военнаго дѣла не мыслить иначе защиту родины, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и цѣною физическаго уничтоженія противника?..

— Что вамъ этимъ угодно сказать? — съ неудовольствіемъ перебилъ отецъ Савва. — Что жизнь никакъ не уложишь въ рамки заветовъ Христа и вопіющія противорѣчія на каждомъ шагу неизбежны? Это старо... Война — неизбежное зло, съ которымъ съ болью въ сердцѣ надобно примириться... Но никакъ нельзя примириться съ тѣмъ, чтобы священникъ, носитель „заповѣдей Господнихъ“ и въ числѣ ихъ — заповѣди „не убей“, самъ же личнымъ примѣромъ своимъ нарушилъ ее..

— Значитъ, вы осуждаете священниковъ нашихъ, которые вмѣстѣ съ партизанскими четами ходили на турокъ въ былое время съ кинжаломъ въ рукѣ, а не съ крестомъ?

— Рѣшительнѣйшимъ образомъ! Не пастырское дѣло! Человѣколюбецъ, — а каждый изъ насъ долженъ быть таковымъ, — не смѣетъ поднять руку на ближняго, будь это даже не единовѣрный врагъ отечества.

Слушавшій этотъ споръ пожилой бравый полковникъ, видимо сочувствовавшій Мардарію, съ легкой ироніей на сухомъ обвѣтренномъ лицѣ спросилъ стараго священника:

— Знаете, уважаемый отецъ Савва, этакъ легко дойти и до Толстовскаго „непротивленчества“?..

— На это скажу вамъ, господинъ полковникъ, что за двѣ тысячи лѣтъ до Толстого другой Пророкъ, учениемъ своимъ охватившій весь міръ, поучаль именно этому же самому „непротивленчеству“...

— Какъ идея, отчего же... — снисходительно допустилъ Мардарій. — Но, какъ претвореніе въ жизни этой самой идеи... Обратимся къ личнымъ примѣрамъ... Взять хотя бы васъ, отецъ Савва... Допустимъ, нападетъ на васъ разбойникъ съ ножомъ? Что жъ вы дадите ему себя умертвить не защищаясь?

— Отчего же, буду защищаться! Буду вырывать у него ножъ. Постараюсь одолѣть его, но не посягая на его жизнь... Обезвредить — да. Убить — ни за что!

— А если бы этотъ самый разбойникъ посягалъ на чистоту вашей горячо любимой дочери, вашъ образъ дѣйствій былъ бы точно такой же?..

— Точно такой же, — твердо, съ глубокимъ убѣжденіемъ произнесъ отецъ Савва.

— Ну, тогда вы дѣйствительно необыкновенный священникъ! — развелъ руками молодой монахъ, поощряемый сочувственнымъ взглядомъ полковника.

— Именно самый обыкновенный! Такой, какими должны быть всѣ мы, носящіе рясу — протестовала отецъ Савва.

— Дальше... — не унимался Мардарій. — Возьмемъ примѣры хотя бы изъ русской исторіи. Помните, Куликовскую битву, какъ

наканунѣ ея преподобный Сергій благословлялъ на ратный подвигъ иноковъ Ослябю и Пересвѣта?..

— Помню этотъ фактъ, но не помню, чтобы преподобный Сергій благословлялъ ихъ на ратный подвигъ. Своимъ присутствіемъ на полѣ брани оба эти инока должны были вдохновлять ряды войскъ, подобно тому, какъ дѣлаемъ это мы...

— Хорошо, пусть будетъ по вашему — снисходительно усмѣхнулся Мардарій. — Шагнемъ отъ Куликовской битвы на парочку столѣтій впередъ. Вспомните осаду поляками этой же самой Троицко-Сергіевской Лавры, давшей и основателя ея Преподобнаго Сергія и богатырей—иноковъ Ослябю и Пересвѣта? Развѣ въ эту годину лихолѣтія монахи не отбивались отъ врага? Не отбивались камнями, топорами, кипящей водою? Не заряжали пушекъ? Хватить развѣ у васъ, отецъ Савва, осудить доблестныхъ иноковъ, защищавшихъ святыни свои отъ поруганій, защищавшихъ мірянъ, которые нашли прибѣжище въ Лаврѣ отъ насилія?

— Не осуждаю, но и не одобряю. Вы можете нарисовать мнѣ всѣ ужасы, которые свершились бы, не возмись монахи Троицко Сергіевской Лавры за топоры и за пушки. Можете, но я, ничуть непоколебленный, останусь при своемъ мнѣніи. Да и, вообще, этотъ нашъ споръ, какъ и большинство споровъ, я считаю бесполезнымъ. Не переубѣдить намъ другъ друга! На разныхъ языкахъ говоримъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія смотримъ... Я ничуть не удивляюсь полковнику. Человѣкъ свѣтскій, во-первыхъ, и

воинъ, во-вторыхъ, онъ по природѣ своей, по воспитанію, по чувству долга и по данной присягѣ обязанъ мыслить и поступать съ чистой совѣстью. Наша же съ вами пастырская совѣсть должна быть другая, а если не можетъ быть другою, необходимо обладать мужествомъ сознаться въ своей іерейской несостоятельности и...

— И снять рясу? — подхватилъ Мардарій.

— И снять рясу, — повторилъ отецъ Савва.

— Ну нѣтъ! Я не согласенъ!—какъ бы защищаясь, запротестовалъ энергично Мардарій, остро почувствовавшій сейчасъ, что именно въ рясу и только въ ней вся его сила, все его обаяніе — согласенъ же съ вами только въ одномъ: дѣйствительно, всякій споръ одна изъ бесполезнѣйшихъ вещей на свѣтѣ... Такое же самое пустое занятіе, какъ и игра въ карты. Хотя, нѣтъ, въ карты можно выиграть. Спорщики же неизмѣнно проигрываютъ, особенно, если горячій споръ доводитъ до потери голоса и до хрипоты...

И съ этими словами, откланявшись, Мардарій, отправился ночевать въ штабъ, гдѣ въ чистой комнатѣ ждала его мягкая, удобная постель.

13. Искушеніе.

Споръ съ отцомъ Саввою оставилъ непріятный осадокъ у Мардарія. И не потому вовсе, чтобы молодой монахъ былъ поколебленъ отповѣдью отца Саввы и какъ всегда въ такихъ случаяхъ — затаилъ бы непріязнь.

О, нѣтъ! Поколебать самовлюбленнаго Мардарія не только трудно было, а прямо таки невозможно. Слишкомъ вѣрилъ себѣ и въ себя и слишкомъ высоко смотрѣлъ на людей, особенно же на не сумѣвшихъ себѣ создать блестящее положеніе.

Къ таковымъ относилъ онъ и стараго полкового священника.

Причина неудовольствія была другая. Избалованный поклонницами своими, такъ горячо вѣрившими въ его святость, какъ откровенію внимавшими каждому его слову, Мардарій не выносилъ противорѣчій. Онъ свыкъ съ такой лестной, пріятно щекочущей ролью салоннаго оракула. Да и не только салоннаго. Портили Мардарія заискиваніемъ своимъ нѣкоторые изъ священнослужителей, которыхъ изумляла и восхищала прямо головокружительная карьера молодого монаха.

Карьера — въ смыслѣ знакомствъ, вліянія, связи. Та именно карьера, чуждая іерархическихъ ступеней, при которой еле еле опущенный усиками и бороною монахъ могъ сдѣлать и добиться того, чего не могли сдѣлать и добиться многие заслуженные епископы.

Отецъ Савва рѣзкій, прямой былъ не изъ числа мягкихъ, покладистыхъ священниковъ, видѣвшихъ въ Мардаріи восходящую яркую звѣзду. И вотъ именно за эту прямолинейную рѣзкость не взлюбилъ Мардарій отца Савву.

Какъ смѣлъ? Какъ онъ смѣлъ перечить ему, этотъ провинціальный батюшка?.. Министры, важные генералы выслушивали Мардарія, почти всегда соглашаясь и никогда не перебивая... А этотъ...

И долго еще не могъ успокоиться и долго ворочался на штабной постели Мардарій.

И попутно все прочнѣй и прочнѣй вселялся въ него бѣсъ, бѣсъ жестокости и гордыни, съ самага начала военныхъ дѣйствій нашептывавшій:

— Попробуй... Попробуй, и ты увидишь, съ какимъ чудеснымъ волненіемъ переступишь грань такую запретную для сѣрыхъ, обыденныхъ и малодушныхъ... Попробуй!..

И на утро Мардарій всталъ уже съ твердымъ желаніемъ „попробовать“. Это будетъ вызовъ, вызовъ всѣмъ такимъ „непротивленцамъ“, какъ этотъ, въ заоблачныхъ высяхъ витающій Савва.

Изъѣздившій вдоль и поперекъ весь фронтъ „монахъ-кавалеристъ“ зналъ каждый

участокъ. Особенно запомнился ему одинъ такой участокъ, гдѣ свои и непріятельскіе окопы подошли другъ къ другу шаговъ на 250. И такъ держались лицомъ къ лицу, уйдя въ землю, очень долго въ такой взаимной выжидательной позиціи. Одна линія пострѣливала изрѣдка, нехотя. Другая такъ же

... По глубокимъ ходамъ сообщенія онъ проникалъ уже въ передовые окопы...

нехотя отвѣчала. И установилось какъ то само собою, что ни турки, ни свои не открывали огня по отдѣльнымъ солдатамъ, вынужденнымъ подняться надъ окопомъ, что-

бы пойти за водою, или по какой-нибудь другой нуждѣ.

Подѣхать верхомъ нечего было и думать. „Монахъ-кавалеристъ“ слѣзалъ съ коня, вѣрнѣе снимали его далеко позади, подѣ прикрытіемъ лѣса у резервныхъ окоповъ и по глубокимъ ходамъ сообщенія онъ проникъ уже въ передовые окопы, гдѣ пахло человѣческимъ тѣломъ, табакомъ, свѣжимъ хлѣбомъ и гдѣ валялись перепрѣлыя онучи и жестянки изъ подѣ консервовъ. И уже тамъ раздавалъ монахъ мыло, папиросы, бумагу, карандаши, иголки, нитки.

Все это въ мѣшкѣ тащилъ за нимъ штабной солдатъ.

Мардарій вспомнилъ эти окопы... Вспомнилъ желѣзные щиты съ глазкомъ. Этотъ „глазокъ“ въ одно и то же время и амбразура для винтовки и наблюдательный пунктъ. Сощуривъ одинъ глазъ, другимъ смотришь, что дѣлается у противника.

Повинуясь уже неотступно овладѣвшему соблазну, Мардарій на слѣдующій день послѣ бесѣды въ землянкѣ полкового командира, направился въ эти окопы, находившіеся въ нѣсколькихъ десяткахъ километровъ. Быстроходная машина стремительно покрыла это разстояніе и опять знакомый лѣсокъ, знакомые ходы сообщенія, знакомый запахъ, знакомые онучи, жестянки и опять штабной солдатъ волочилъ мѣшокъ съ подарками.

„Окопные жители“ обрадовались гостинцамъ. Еще бы, завшивѣть успѣли. Мѣсяцъ бѣлья не мѣняли, а тутъ — большіе, твердые куски мыла и новенькія фланелевыя рубахи... Мардарій съ его четырехпудо-

вымъ мѣшкомъ встрѣченъ былъ, какъ ниспосланный высшей силою „кудесникъ-благодѣтель“.

„Кудесникъ-благодѣтель“ разсѣяннo отвѣчалъ на вопросы, разсѣяннo благословлялъ солдаль, ловившихъ его руку.

Машинально повторялъ онъ давнымъ давно заученное:

— Ничего... Ничего... Потерпите, братцы. Потерпите, воины Христовы... Господь Богъ Всевышній воздасть и вамъ и семьямъ вашимъ за то, что грудью защищаете отечество дорогое отъ невѣрныхъ угнетателей православія... А дабы усладить героическое житье-бытье ваше, духовный отецъ вашъ захватилъ съ собой полезные и необходимые гостинцы.

Все это было сказано механически съ участіемъ голоса и губъ, но безъ участія сердца. Но вотъ заговорилъ Мардарій новое для себя и вышло оно живо и даже съ темпераментомъ.

Это новое — было:

— Братцы мои, и до чего кипить во мнѣ лютой гнѣвъ къ проклятымъ врагамъ отчизны! Если бъ только не иноческій санъ мой, такъ бы, кажется, взялъ бы ружье и самъ выпалилъ бы прямо въ лобъ какому-нибудь поганому турку...

Солдаты, не знавшіе, какъ угодить монаху-человѣколюбцу, со всѣхъ сторонъ давай:

— А вы попробуйте, отецъ Мардарій, честное слово...

— Что вы, что вы, братцы? Упаси Богъ! Ряса на мнѣ... Грѣхъ великій!.. Да и ружья въ рукахъ отродясь не держалъ.

— Ничего, отецъ Мардарій, ничего! Штука не хитрая... Близко. Не будетъ промаха! Все готово... Приложиться только, да пальцемъ дернуть...

14. Первый выстрѣлъ.

Подоспѣлъ на это офицеръ, графъ Бакичъ, сумѣвшій и здѣсь въ окопахъ сохранить щеголеватый видъ. Онъ ежедневно брился, подражая англичанамъ, и форма его была новенькая, съ иголочки.

Бакичъ зналъ Мардарія не только по театру военныхъ дѣйствій, а и по столичному обществу, гдѣ онъ съ нимъ встрѣчался, а слѣдовательно не могъ не знать, какія у него связи и какъ полезно быть въ тѣснѣйшей пріязни съ этимъ моднымъ, такъ быстро идущимъ въ гору молодымъ человекомъ.

Ловкій карьеристъ графъ Бакичъ, все это взвѣсивая и учитывая, весьма лебезилъ передъ Мардаріемъ. Вотъ и сейчасъ, изогнувшись для благословенія и горячо облобызавъ его руку, онъ пошелъ разсыпаться мелкимъ бѣсомъ:

— Ахъ, отецъ Мардарій! Вы наше солнце ясное. Нѣтъ, правда, правда... Стоитъ вамъ появиться въ нашихъ будничныхъ, скучныхъ окопахъ, все кругомъ начинаетъ сіять. Посмотрите на лица солдатъ? Они васъ обожаютъ... Ну, да развѣ мыслимо не обожать васъ? Вы нашъ ангель-хранитель...

— Полно, полно вамъ, графъ... Вы меня балуете не по заслугамъ, меня, смиреннаго мниха, малаго изъ малыхъ раба Господняго — таяль отъ удовольствія „смиранный мнихъ“, расцвѣтая и улыбаясь одной половиною лица.

— Безмѣрная скромность, — одна изъ вашихъ многочисленныхъ добродѣтелей, — нашелся Бакичъ съ повадкою профессиональнаго подхалимы. — А, вотъ что, отецъ Мардарій, они въ своихъ безхитростныхъ душахъ — правы. Вамъ слѣдовало бы дать хоть одинъ выстрѣлъ. Это будетъ красиво, эффектно и будетъ имѣть для солдатъ воспитательное значеніе. Пулкимъ эхомъ прокатится онъ по всей арміи отъ фланга до фланга, прокатится по всей странѣ... Клянусь Богомъ, выстрѣлъ этотъ будетъ историческимъ!..

Хитрый, не глупый, умѣющій распознавать и угадывать людей, Мардарій поддавался однако самой грубой лести. Она была для него вареньемъ изъ розовыхъ лепестковъ, къ слову сказать излюбленнымъ его лакомствомъ.

Его некрасивое, землисто сѣрое лицо даже замаслилось отъ щедрыхъ, неумѣренныхъ комплиментовъ Бакича.

Послѣднее, хотя и лицемѣрное сопротивленіе было сломлено.

— Что жъ, если это необходимо и, какъ вы говорите, будетъ имѣть воспитательное значеніе...

Бакичъ прильнулъ глазомъ къ отверстію желѣзнаго щита и, не отрываясь, помянулъ монаха.

— Скорѣй, скорѣй, отецъ Мардарій! Вамъ повезло... Разстояніе близкое. Промаха быть не можетъ...

Мардарій почувствовалъ у подбородка дерево грубаго приклада винтовки и увидѣлъ въ отверстіе „глазка“, точно въ овальной рамкѣ надъ непріятельскимъ окопомъ — рослую фигуру турецкаго солдата.

Турокъ въ защитно-зеленоватой формѣ и въ такой-же защитной фескѣ поднялся надъ землею съ самой что ни на есть мирной цѣлью. На медленномъ ходу медленно разстегивалъ свои шаровары. Дѣлать то, что онъ собирался продѣлать, Коранъ запрящаетъ на людяхъ и поэтому здоровенный молодой аскеръ хотѣлъ скромно удалиться въ тылъ на сотню другую шаговъ.

Но Аллахъ рѣшилъ иначе. Отрывистый и сухой, какъ ударъ бича, щелкнулъ выстрѣлъ и, несуразно взмахнувъ руками, аскеръ грузно шлепнулся навзничь.

— Браво, браво, отецъ Мардарій! — зааплодировалъ Бакичъ. — Я же говорилъ, это будетъ историческій выстрѣлъ! И вы никогда не держали въ рукахъ винтовки?..

— Никогда! Это впервые.

— Великолѣпно, великолѣпно! Поздравляю!.. Однако, эти каналы всполошились, загудѣли, какъ пчелы и...

Турки, взбѣшенные этимъ вѣроломнымъ выстрѣломъ въ день глубокаго затишья, открыли бѣглый огонь изъ винтовокъ и пулеметовъ по непріятельскимъ окопамъ. Пули съ пѣвучимъ свистомъ проносились надъ головами.

Бакичъ изъ искательно улыбающагося сталъ вдругъ серьезнымъ.

— Отецъ Мардарій, вамъ опасно здѣсь оставаться, эти шальные черти могутъ броситься въ штыковую атаку. Вамъ надо сейчасъ же уходить. Пригибайтесь ниже, чтобы, сохрани Богъ, не задѣло...

Монахъ не заставилъ себя уговаривать. Перспектива штыковой атаки ничуть не прельщала его. Еще попадешь въ такую кашу—головы не унести. А голову свою онъ цѣнилъ очень высоко.

И, подобравъ полы рясы, Мардарій исчезъ въ ходахъ сообщенія.

Бакичъ не ошибся. Послѣ обстрѣла, турки, выбѣжавъ съ крикомъ „Алла“,—штыки на перевѣсъ,—бросились на противника, встрѣтившаго ихъ убійственнымъ огнемъ. Въ двѣ три минуты баталіонъ турокъ на половину былъ выкошень, другая же половина успѣла добѣжать до окоповъ.

До рукопашной схватки однако не дошло. Турокъ отбили густыми залпами и тиканьемъ пулеметовъ, но и баталіонъ маіора Бакича понесъ значительный уронъ, потерявъ убитыми и ранеными около сорока человекъ.

Самъ Бакичъ раненъ былъ двумя пулями, одной въ голову, другою въ плечо. Но эти далеко не тяжкія раненія пошли Бакичу въ пр къ. Мардарій, помчавшись прямо въ штабъ корпуса, съ увлеченіемъ жив писалъ тамъ бой, очевидцемъ котораго былъ онъ самъ, якобы. По словамъ Мардарія, героическое поведеніе графа Бакича, спасшаго свой

баталіонъ, поражало своей исключительной доблестью.

Командиръ корпуса былъ почитателемъ Мардарія, но еще большей почитательницею была мать-командирша. Каждое слово Мардарія въ этой семьѣ было откровеніемъ пи-фи.

Посыпался дождь наградъ.

Мардарій получилъ боевой крестъ за то, что, какъ было объявлено въ приказѣ, „подъ самымъ дѣйствительнымъ огнемъ, личнымъ, героическимъ примѣромъ своимъ вдохновлялъ солдатъ къ отбитію непріятельской атаки“.

Это было официально въ приказѣ по арміи, а неофициально въ гостиныхъ столицы изъ устъ въ уста переходила легенда о томъ, какъ Мардарій съ винтовкой однимъ изъ первыхъ вышелъ изъ окопа, увлекая за собой солдатъ, и выстрѣломъ въ упоръ уложилъ на мѣстѣ бросившагося съ поднятымъ прикладомъ турецкаго аскера исполинскаго роста.

Легенда эта пущена была сестрой милосердія, прикомандировавшей себя къ „монаху-кавалеристу“ на время его поѣздокъ по фронту.

Бакичъ, если даже и пересолилъ, назвавъ выстрѣлъ по турку безмятежно разстегивавшему шаровары свои, историческимъ выстрѣломъ, то право же пересоль получилъ самый незначительный.

Въ газетахъ вокругъ имени Мардарія поднялся шумъ и трескъ. И въ этихъ же газетахъ замелькали портреты героя въ черномъ клобукѣ и рясѣ.

Вдовствующая старуха-королева изъявила желаніе, чтобы Мардарій былъ ей представленъ и, осчастлививъ его милостивой аудіенціей, подробно интересовалась, какъ это все произошло?..

Мардарій, потупивъ глаза, вдохновенно вралъ:

— Ваше Величество! Мнѣ въ монашескомъ санѣ моемъ не пристало лишать жизни хотя бы и заклятаго врага моей горячей любимой Родины. Но я былъ вынужденъ къ самозащитѣ...

— Да, вы не могли поступить иначе — сказала королева.

Послѣ этой аудіенціи, опять таки облетѣвшей всѣ газеты, популярность Мардарія и безъ того не малая, высоко прыгнула вверхъ. Онъ уже не возилъ гостинцы на фронтъ въ штабномъ грузовикѣ. Въ его полное распоряженіе былъ представленъ чудесно оборудованный поѣздъ имени королевы.

Мардарій, памятуя— „рука руку моетъ“, —не забылъ Бакича, устроивъ его адъютантомъ Главнокомандующаго.

Послѣ того, какъ подобравши рясу, Мардарій улепетнулъ изъ окоповъ, онъ пытался разобраться въ себѣ: съ какимъ ощущеніемъ убилъ онъ турка? Онъ поймалъ себя на мысли, что ничего волнующаго, жуткаго не было. Никакихъ сильныхъ переживаній этотъ выстрѣлъ, сваливши замертво человѣка, не далъ ему. Быть можетъ потому, что по дальности разстоянія онъ не видѣлъ лица своей жертвы и она казалась ему скорѣй игрушечной фигуркой, оловянымъ

солдатикомъ, нежели человѣкомъ. Онъ былъ разочарованъ, хотя въ душѣ испыталъ удовольствіе. Онъ никакъ не ожидалъ такихъ выгодныхъ и почетныхъ для себя послѣдствій. А о томъ, что выстрѣлъ повлекъ за собою нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ сыновей „горячо любимой Родины“ — объ этомъ Мардарій старался не думать.

... Мардарій вышелъ изъ салонъ-вагона съ двумя кокетливо одѣтыми сестрами милосердія...

Пустяки! Каждый день гибнуть они тысячами. Немного больше, немного меньше, — не все ли равно?..

Онъ и безъ того не былъ чувствительнымъ, война же приучила его не цѣнить ни во что человѣческую жизнь и кровь.

Послѣ своего „подвига“ Мардарій встрѣтилъ какъ то отца Савву. Это было на желѣзнодорожной станціи, куда „монахъ-кавалеристъ“ прибылъ со своимъ поѣздомъ на пути къ фронту.

Мардарій послѣ утренняго кофе вышелъ изъ своего салонъ-вагона съ двумя кокетливо одѣтыми хорошенькими сестрами милосердія — обѣ дамы великосвѣтскаго общества. Глаза его встрѣтились съ глазами отца Саввы, физически огрубѣвшаго на передовыхъ позиціяхъ, съ давно не стриженной бородою и въ простомъ полушубкѣ — это было поздней осенью.

Мардарій, выхоленный, въ теплой, новенькой, надушенной рясѣ, уставился на отца Савву, ожидая поклона и такъ и не дождался. Отецъ Савва, отвернувшись, сдѣлалъ видъ, что ищетъ кого-то.

Уязвленный Мардарій презрительно пожалъ плечами и двинулся дальше, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ своими поклонницами въ костюмахъ сестеръ милосердія.

15. Два лагеря.

Поклонницъ своихъ, количество коихъ росло едва ли не съ каждымъ днемъ, „монахъ кавалеристъ“ держаль не только въ строгости, въ дисциплинѣ, доходившей до слѣпого повиновенія, а и на весьма внушительномъ разстояніи.

Это было ему необходимо. Необходимо, чтобы укрѣпить легенду о его святости и подвижнической жизни.

А среди томящихся, праздныхъ барышень и дамъ было не мало охотницъ затѣять романъ съ Мардаріемъ. Во-первыхъ, — это человѣкъ въ рясѣ и романъ съ нимъ уже самъ по себѣ — нѣчто пряное, щекочущее нервы и болѣе грѣшное, чѣмъ романъ съ мужчиной свѣтскаго круга. Во-вторыхъ, загадочный монахъ этотъ — едва ли не самый популярный и модный человѣкъ во всей странѣ. А кто же не знаетъ, какъ падки женщины до знаменитостей?

Онѣ могутъ простить безобразіе, горбъ, какую угодно внѣшность, самую непривлекательную, только бѣ это выкупалось громкимъ именемъ, которое у всѣхъ на устахъ и мелькаетъ въ печати.

Спеціальность, или профессія — безразличны. Это можетъ быть актеръ, писатель, опе-

речотный баритонъ, атлетъ, клоунъ, инженеръ, построившій необыкновенный мостъ— чудо техники, желѣза и воздушности, адвокатъ, священникъ, прославившійся краснорѣ-

Мардарій въ свѣтскомъ обществѣ.

чіемъ своихъ проповѣдей. Наконецъ, это можетъ быть какой нибудь всесвѣтный искатель приключеній, или еще хуже — геніальный мошенникъ. За послѣднее время побили рекордъ и всѣхъ оставили за собой кинема-

тографическіе артисты, ибо кто можетъ конкурировать съ этими неотразимыми красавцами, боксерами, наѣздниками, которыхъ видятъ всѣ на любомъ экранѣ на любой точкѣ земного шара?

Итакъ, нами указаны двѣ причины особеннаго желанія скучающихъ барышень и дамъ уловить въ свои шелковыя сѣти инока Тачаницкаго монастыря. Но былъ еще и третій поводъ. Этотъ поводъ — суетное женское тщеславіе. Хотѣлось быть „первой“ въ жизни Мардарія. Первой соблазнить его на грѣхъ. Первой, такъ какъ никто не сомнѣвался въ его аскетизмѣ.

Было ли это на самомъ дѣлѣ? Было ли? Дѣйствительно ли Мардарій, этотъ въ сущности праздный бездѣльникъ, втихомолку объѣдавшійся жирнымъ, мучнымъ и сладкимъ, такъ уже былъ равнодушенъ къ женскимъ чарамъ и прелестямъ?..

Опредѣленно никто не могъ ничего сказать, но разъ примѣрно такъ въ два мѣсяца, Мардарій исчезалъ на нѣсколько дней. Исчезалъ основательно, какъ брошенный въ воду камень. И —хоть бы одна живая душа могла сказать, гдѣ именно пропадалъ молодой монахъ и въ чемъ заключалось въ эти дни его времяпрепровожденіе? Возвращался онъ изъ своихъ загадочныхъ отлучекъ похудѣвшій, обновленный и съ какимъ то особенно томнымъ выраженіемъ глазъ и лица.

Мнѣнія по поводу этихъ періодическихъ исчезновеній рѣзко дѣлились на два лагеря. Лагерь поклонницъ увѣрялъ, что въ эти дни Мардарій всецѣло и яростно отдавался умерщвленію плоти. Онъ якобы надѣвалъ на свое

нагое тѣло грубую власяницу и, питаясь водою и сухарями, бичеваль себя, то лежа, распростертый ниць въ экзальтированномъ стремленіи къ Богу, то по цѣлымъ ночамъ выстаивая на колѣняхъ, причемъ грезились ему видѣнія и чудились „голоса“.

Лагерь недоброжелателей впадалъ совершенно въ другую крайность. Этотъ лагерь готовъ былъ показать подъ присягою, что Мардарій во время своихъ безвѣстныхъ отлучекъ, не только не умерщвлялъ плоть, а, наоборотъ, тѣшилъ и ублажалъ ее самымъ непотребнымъ и непристойнымъ образомъ.

Но—опять таки, ни первые, ни вторые, ни лагерь обожателей, ни лагерь хулителей не могъ ничего установить и указать, хотя бы съ мало мальской, хотя бы съ условной точностью.

А жизнь текла, какъ все течетъ на свѣтѣ.

Съ окончаніемъ войны Мардарій, „чистившійся“ въ Тачаницахъ, попрежнему—бывалъ залетнымъ гостемъ въ этомъ живописномъ монастырѣ, неуклонно пріурочивая свои налеты ко времени съѣзда столичной знати: его „родная“ стихія, въ которой онъ чувствовалъ себя, какъ сыръ въ маслѣ и внѣ которой не мыслилъ своего благополучія.

Все остальное—будничное, сѣренькое—не интересовало его, хотя мучимый жаждою славы и поклоненія, Мардарій снисходилъ къ простымъ, бѣднымъ людямъ, помогая однимъ, обнадеживая другихъ, „тепло и задушевно“ бесѣдуя съ третьими и наставляя ихъ на путь истины.

И простой людъ вѣрилъ ему, не видѣлъ фальшивой лицемѣрной маски и готовъ былъ ждать отъ ловкаго монаха чудесъ и исцѣленій.

Отдать ему справедливость—онъ умѣлъ носить маску. Вѣрнѣе, у него были двѣ маски. Для высшаго общества, для историческихъ поклонницъ—одна, для вѣрующей толпы—другая.

Въ первомъ случаѣ онъ бралъ вдохновеннымъ краснорѣчіемъ, эффектной фразою, начитанностью и не столько въ духовной области, сколько въ свѣтской. Это нравилось, это удивляло.

— Монахъ, а послушайте, какъ онъ говоритъ о политикѣ, общественной жизни, объ искусствѣ?..

Съ простыми людьми онъ усвоилъ совсѣмъ иной приемъ.

Онъ шаржировалъ „простецкія“ словечки, стараясь въ этихъ словечкахъ казаться болѣе мужикомъ, чѣмъ сами мужики. Говорилъ отрывисто, лаконически, туманно. Не говорилъ, а бросалъ коротенькія куцыя фразы, не дѣлая никакихъ выводовъ, а представляя слушателямъ дѣлать таковыя.

Безхитростныя души, ищущія откровений, сами наивнымъ умомъ своимъ дополняли и округляли то, чего Мардарій сознательно не желалъ округлить и дополнить.

И выходило, что какъ будто онъ прорицалъ и вѣщалъ. Это имѣло успѣхъ, ибо каждый по своему толковалъ его „прорицанія“.

У богомольныхъ бабъ твердо складывалось убѣжденіе, что Мардарій, угоденъ

Богу и ему дано то, чего не дано другимъ—слышать голосъ Господень.

Матери пытались приносить Мардарію для исцѣленія больныхъ дѣтей своихъ. Но монахъ не давалъ вовлечь себя въ эту опасную игру, могущую навсегда погубить его репутацію.

... Не искушай! Не искушай, сестра!..

Такимъ, требующимъ отъ него чудесъ матерямъ онъ говорилъ, дѣлая руками смиренно-отстраняющее движеніе:

— Не искушай! Не искушай, сестра, ма-
лаго изъ малыхъ, недостойнѣйшаго изъ не-
достойныхъ.. Еще не пришло мое время..
Еще я не приблизился къ Господу.

Этимъ дипломатическимъ маневромъ
онъ, уклоняясь отъ чудесъ, однако, обѣщаль
ихъ въ послѣдствіи. Необходимо, молъ, ждать,
запастись терпѣніемъ, когда придетъ его
время и онъ приблизится къ Господу..

О онѣ ждали терпѣливо, покорно и
вѣра въ Тачаницкаго схимника не угасала
въ ихъ душахъ...

16. Слустя много лѣтъ.

Прошло лѣтъ четырнадцать...

За это время небывалымъ, неслыханнымъ ураганомъ пронесся надъ человѣчествомъ кровавый вихрь...

За это время успѣла произойти чудовищная, длившаяся около пяти лѣтъ бойня, вовлекшая только со стороны „антанты“ цѣлыхъ 28 государствъ и унесшая болѣе 15 милліоновъ жертвъ...

На поляхъ Россіи, Бельгіи, Франціи, въ гористыхъ ущельяхъ Балканскаго полуострова, въ пустыняхъ Месопотаміи, умирали бѣлые, цвѣтные и черные бойцы, умирали, гонимые на смерть грозными, не знающими никакой пищи апокалипсическими всадниками.

И напITYвалась до отказа человѣческой кровью земля, напITYвалась морями пролитой крови и застилалась небеса багровымъ пламенемъ и чернымъ густымъ дымомъ пожаровъ...

И некому было остановить это истребленіе и разрушеніе. Некому...

Наоборотъ, лучшіе умы, которые благодѣтельнымъ взлетомъ генія своего могли бы вознести міровую культуру, эти самые созидательныя умы въ тиши лабораторій и

на грохочущихъ заводахъ, соперничая другъ съ другомъ, создавали такія пушки, такіе газы и такія машины, съ помощью которыхъ можно было бы истребить, уничтожить возможно большее количество людей и не только бойцовъ съ оружіемъ въ рукахъ, но и слабыхъ дѣтей, стариковъ, женщинъ...

Обезумѣль міръ, отвернувшійся отъ Бога и послѣдовавшій за дьяволомъ...

Но какъ ни кошмарна была великая война съ ея милліонами труповъ, изъ коихъ можно было бы воздвигнуть многія сотни и тысячи Хеопсовыхъ пирамидъ, съ ея подводными лодками, удушливыми газами, ослѣпляющими лучами и цѣлымъ необъятнымъ флотомъ, мирнымъ, не воюющимъ, погребеннымъ въ пучинѣ океановъ и морей, она все же поблѣднѣла передъ тѣмъ, что было потомъ, что пришло ей на смѣну.

Пусть это парадоксъ, но великая война, война народовъ, схватившихся грудь съ грудью за первенство на этой грѣшной землѣ, не знала ненависти, или, по крайней мѣрѣ, той ненависти, которая ожесточила сердца во дни междоусобицы въ Россіи, когда расплаемые классовой злобой, самой страшной, самой непримиримой изъ всѣхъ, — свой поднялся на своего, братъ поднялся на брата...

За семь лѣтъ большевизма въ Россіи, — на плацдармахъ гражданской войны, въ чрезвычайкахъ, въ тюрьмахъ, въ лѣсахъ, на большихъ и малыхъ дорогахъ, вездѣ, гдѣ только можно было мучить и убивать — въ одной Россіи погибло больше народу, чѣмъ во всей великой войнѣ.

И это еще лишь — смерть физическая. А сколько было морально искалѣчено и убито? За семь лѣтъ торжества Дьявола, справлявшаго сатанинскій пиръ свой на необъятномъ протяженіи русской земли отъ лѣсовъ Волини до Владивостока и отъ вѣчной зимы дальняго Сѣвера, до цвѣтущаго Севастополя, жемчужины теплыхъ морей?

Дьяволъ черезъ слугъ своихъ, черезъ этотъ интернаціональный сбродъ, воспитываль цѣлыя поколѣнія преступниковъ, безбожниковъ, отцеубійцъ, грабителей, для которыхъ самыя завѣтныя святыя слова стали самыми ненавистными, не вызывавшими ничего, кромѣ глумленія.

Этотъ растлѣвающій ядъ, этотъ зловонный гнойникъ не могъ ограничиться одной Россіей. Удушливыми парами расползалась по всему свѣту проклятая зараза. Не могло быть иначе! Во первыхъ, ученіе грѣха и порока всегда находитъ благодарную почву въ темныхъ низахъ и толщахъ, а во вторыхъ, дабы отравить и прослоить гніеніемъ эти низы и толщи чужихъ народовъ, засѣвшая въ Кремлѣ нечисть бросала безъ счету окровавленное, добытое насиліемъ и убійствомъ золото...

Отечество Мардарія не было исключеніемъ. Проникла и туда тлетворная, пагубная зараза. Смущались умы слабыхъ, нестойкихъ и склонныхъ къ пороку, — такъ заманчивы были лозунги, проникавшіе изъ Москвы, проникавшіе всѣми путями. И устной агитаціей и подкупомъ газетъ и пропагандою въ селахъ, на фабрикахъ и заводахъ...

Къ этому времени нашему герою было тридцать пять лѣтъ. Внѣшне измѣнился онъ мало. Пополнѣлъ только развѣ, да еще болѣе округлымъ сталъ. Въ лицѣ же, почти безбородомъ, безусомъ, землисто-сѣромъ, одутловатомъ—никакихъ перемѣнъ.

По прежнему напоминало оно китайскаго или бурятскаго божка-болванчика и по прежнему улыбалось одной только половиною, другая же хранила жуткую неподвижность. Въ смыслѣ іерархическо служебномъ Мардарій не особенно преуспѣлъ. Онъ былъ уже архимандритомъ, но архимандритомъ не у дѣлъ и, какъ 14 лѣтъ назадъ, „числился при Тачаницкомъ монастырѣ“.

Высшія духовныя власти, зная Мардарія лучше, нежели его свѣтскіе друзья, относились къ нему отрицательно и, не взирая на заступниковъ и заступницъ изъ сильныхъ міра сего, не давали ему движенія. Это было самымъ больнымъ, самымъ уязвимымъ мѣстомъ Мардарія, ненасытнаго честолюбца, жадно мечтавшаго увѣнчать свою жидковолосую голову епископской митрой. А, между тѣмъ, она, эта епископская митра не давалась ему, какъ заколдованная. Только ея и не хватало Мардарію. Все же остальное имѣлось въ избыткѣ. Денегъ—сколько хочешь! Пожертвованія для бѣдныхъ, „его“ бѣдныхъ, стекались къ нему отовсюду. О контролѣ не могло быть и рѣчи. Пользуясь этимъ, „монахъ-кавалеристъ“ львиную долю оставлялъ себѣ и только часть раздавалъ, чтобы неугасимо подогрѣвать свою популярность въ широкихъ простонародныхъ кругахъ...

Видя стойкое, непримиримое отноше-
ніе къ себѣ князей церкви, давно раскусив-
шихъ его „святость“ и непристойный карье-
ризмъ, Мардарій, злопамятный, мститель-
ный, возненавидѣлъ своихъ „враговъ“ и
больше всѣхъ — Митрополита Варнаву...

17. У великаго человѣколюбца.

Въ митрополитѣ Варнавѣ было замѣчательно все, начиная съ внѣшности.

Кто хоть разъ видѣлъ Варнаву, никогда уже не могъ забыть его черты, глаза, всю фигуру, весь его обликъ.

Высокій ростомъ, онъ былъ сильно и крѣпко, но ничуть не массивно сложенъ. Сухой, безъ малѣйшаго признака полноты, Варнава, однако, производилъ впечатлѣніе мощности.

Волосы, густые, черные, впадавшіе въ синеву вороньяго крыла, и такая же густая, черная борода, не окладистая, а на европейскій ладъ подстриженная лопаточкою.

И эта плотная борода въ завиткахъ, и матовое лицо съ легкимъ румянцемъ, и довольно рѣзкія черты съ крупнымъ носомъ и жгучіе, молодые глаза, молодые, несмотря на шестой десятокъ лѣтъ, — все это сообщало Варнавѣ сходство съ какимъ нибудь восточнымъ патріархомъ.

Видный, эффектный, онъ бывалъ особенно декоративенъ и блестящъ, прямо великолѣпенъ, опять-таки по восточному великолѣпенъ въ пышномъ митрополичьемъ облаченіи.

Образованіе. какъ семинарское, такъ и академическое, Варнава получилъ въ Россіи. Во время великой войны митрополитъ находился въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ съ добровольно взятой на себя важно-политической миссіей.

Митрополитъ Варнава.

Онъ жилъ въ Александро-Невской Лаврѣ въ отведенныхъ ему покояхъ. Тамъ же, въ Петербургѣ застала его и революція и

лишь спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ прихода большевиковъ къ власти, удалось ему не безъ труда и не безъ хлопотъ выбраться изъ Совдепіи. Ознакомившись собственнымъ опытомъ со всѣми кровавыми ужасами большевицкой тираніи, митрополитъ Варнава, по возвращеніи на родину, объявилъ себя горячимъ противникомъ совѣтской деспотіи съ ея неслыханнымъ жестокимъ терроромъ.

Ему обязана была страна тѣмъ, что колебавшееся правительство, уже склонное признать большевиковъ, признанныхъ нѣкоторыми великими державами Запада, въ концѣ концовъ взяло трезвый курсъ, отклоняя всякія заигрыванія красной Москвы.

Эта славянская страна, крѣпкая здоровымъ національнымъ чувствомъ и такой же здоровой православной вѣрою, была предметомъ особеннаго вниманія, особенныхъ заботъ красной Москвы.

На пропаганду отпущены были крупныя деньги, брошены были лучшіе агитаторы. И, не взирая на это, — явный неуспѣхъ. Красная Москва въ бѣшенствѣ метала громы и молніи. Особенно же доставалось Варнава.

Кремлевскія гіены щелкали зубами въ безсильной ярости своей.

— Если бъ мы знали! О, если бъ мы знали, мы поставили бы къ стѣнкѣ этого черносотеннаго пса Варнаву, когда онъ былъ въ нашей власти! Не выпустили бы живымъ!

За невозможностью расправиться съ живымъ Варнавою, совѣтскіе заплечныхъ дѣлъ мастера отводили окаянную душу свою вотъ на чемъ: состряпана была гигантская кукла Варнавы въ шутовскомъ обла-

чени и даже съ портретнымъ сходствомъ. Кукла поставлена была на Кремлевской площади и „комсомольцы“, эта смердящая накипь большевизма, всячески глумились надъ изображеніемъ неугоднаго краснымъ самодержцамъ митрополита. Плевали въ лицо и били, совершая еще горшія паскуднѣйшія непотребства.

Чернь гоготала, улюлюкала. Вѣрующіе, загнанные, забитые, обезличенные, съ ужасомъ въ остановившихся глазахъ, наблюдали всѣ эти гнусности.

Шнырявшіе въ толпѣ коммунисты съ безстыжными физіономіями орали во всю глотку:

— Смерть Варнавѣ, этой поповской собацѣ! Смерть душителю братскихъ намъ товарищей рабочихъ!..

Эти площадные выкрики были отголоскомъ тайнаго приговора, вынесеннаго краснымъ синедріономъ за высокими зубчатыми стѣнами Кремля.

Политическое убійство въ сосѣдней странѣ было рѣшено, обдумано и, отдать справедливость, обдумано съ дьявольской хитростью.

Ни въ коемъ случаѣ Варнава не долженъ пасть, сраженный коммунистической рукой. Это была бы грубая кустарная работа, и, вмѣсто пользы, принесла бы вредъ. Нѣтъ, сильный, опасный человѣкъ этотъ долженъ быть „изъятъ“ совсѣмъ иначе!

И вотъ, выгодную и въ то же время весьма отвѣтственную командировку получаетъ товарищ Бендерскій, — специалистъ

такъ сказать по ликвидаціи всѣхъ, стоящихъ поперекъ дороги Третьему интернаціоналу.

Самъ лично Бендерскій никого не убивалъ. Для этого онъ былъ большимъ трусомъ, а главное слишкомъ цѣнимъ былъ начальствомъ. Его голова, его изворотливость были нужнѣе, чѣмъ его руки.

Подъ фальшивымъ паспортомъ, самъ весь съ головы до ногъ фальшивый, приѣхалъ онъ въ столицу сосѣдней страны. Приглядываясь, осматриваясь, нанимая агентовъ, началъ приняховаться...

Этотъ нюхъ отчаяннаго пройдохи, сидѣвшаго въ каторжныхъ тюрьмахъ, грабившаго „при кровавомъ царизмѣ“ казначейства и поѣзда, руководившаго грабежами — такъ вѣрнѣе будетъ — не обманулъ Бендерскаго.

Уже черезъ недѣлю другую онъ безошибочно зналъ, куда и въ какія двери надобно стучаться.

Находясь въ городѣ, а находился онъ въ немъ, по крайней мѣрѣ десять мѣсяцевъ въ году, Мардарій занималъ большую комфортабельную квартиру вдовы-генеральши, одной изъ своихъ поклонницъ. Генеральша почти безвыѣздно жила въ Ниццѣ, и Мардарій пользовался безграничной свободой въ шести богато обставленныхъ комнатахъ.

Одна изъ этихъ комнатъ являла собою нѣчто въ родѣ молельни съ кіотомъ до потолка — все сплошь старинная, художественнаго письма иконы.

У Мардарія былъ заведенъ обычай: старый лакей вводилъ посѣтительницъ и посѣтителей въ приѣмную, бывшую рядомъ съ

молельней. Колѣнопреклоненный передъ кіотомъ, Мардарій весь „уходилъ“ въ себя, въ молитвенный экстазъ свой. У посѣтителей, наблюдавшихъ это, создавалось необходимое Мардарію настроеніе.

Такъ проходило минутъ двадцать, а то и цѣлыхъ полъ часа.

Тогда только іеромонахъ поднимался съ колѣнъ и, немного шатающейся походкою, съ блуждающимъ взглядомъ, какъ бы не успѣвшимъ еще освоиться съ дѣйствительностью, медленно выходилъ въ приемную къ ожидавшимъ его умиленнымъ, просвѣтленнымъ, готовымъ признать въ Мардаріи мученика-аскета.

Такъ было и съ Бендерскимъ. Терпѣливо ожидая въ приемной минутъ 25, онъ видѣлъ громадный кіотъ, видѣлъ округлую въ черной рясѣ фигуру монаха, видѣлъ покрытый жидкими волосами затылокъ, нагибавшійся, когда этого требовали земные поклоны.

Но Бендерскій, эта прошедшая огонь и воду и мѣдныя трубы каналья, не былъ ни умиленъ, ни растроганъ.

Во всякомъ случаѣ, однако же онъ былъ восхищенъ. И это восхищеніе выразилось въ промелькнувшемъ у него:

— А, съ тобой пріятно имѣть дѣло. Мы живо найдемъ общій языкъ. Ну и лукавый же ты монахъ!

Такъ онъ подумалъ. Повелъ же себя совсѣмъ иначе. Этотъ негодяй, первый плюнувшій на Кремлевской площади въ лицо изображенію Варнавы, сейчасъ смиренно подошелъ къ Мардарію подъ благословеніе

и поцѣловаль нѣсколько разъ, мокрыми губами обѣ его руки.

— Отець Мардарій, слава о васъ, какъ о великомъ, можно сказать, челоуѣколюбцѣ, бѣжить далеко, далеко. Ей, этой славѣ, тѣсно, да, да, тѣсно, въ предѣлахъ вашей страны... Страны, я бы сказалъ не особенно умѣющей цѣнить такого замѣчательнаго челоуѣка... Замѣчательнаго!

— Что вы, что вы.. Я недостоинъ такихъ похвалъ. Ничтожный ревнитель и рабъ Господа моего...—лицемѣрно запротестоваль Мардарій.—Не искушайте меня, дабы не возгордился... Не искушайте... господинъ... господинъ... виновать, не имѣю чести...

— Красноперовъ, — моя фамилія, отецъ Мардарій.—Красноперовъ. Это скромное имя вамъ ничего не скажетъ.

— Нѣтъ, отчего же... Я какъ будто слышалъ — возразилъ Мардарій изъ вѣжливости и прибавилъ: — пожаловали за дѣломъ какимъ, или такъ?

— И за дѣломъ, отецъ Мардарій, и такъ... Во-первыхъ, считаю за большую... за большое счастье для себя лицезрѣть великаго челоуѣколюбца, а во вторыхъ, я осмѣлился принести маленькую скромную сумму для вашихъ бѣдныхъ, которымъ вы такъ широко благотворите отъ всего вашего любвеобильнаго пастырскаго сердца.

— Господинъ Красноперовъ, я правоже... я убѣдительно прошу васъ не создавать изъ меня какого то необыкновеннаго челоуѣка... Я самый обыкновенный, самый недостойный, самый грѣшный... А если я помогаю по мѣрѣ силъ изъ доброхотныхъ да-

яній бѣднымъ, убогимъ и сирымъ, такъ это мой долгъ, долгъ человѣка и пастыря...

Гость положилъ на столъ продолговатую плотную пачку, туго и аккуратно оклеенную бумажнымъ пояскомъ.

— Не откажите принять, отецъ Мардарій. Здѣсь тысяча долларовъ съ точностью до одного цента. Соблаговолите пересчитать.

— Что вы! Что вы! Господь съ вами... Зачѣмъ же. Я и такъ... — молвилъ Мардарій, весьма пріятно изумленный, что „маленькая, скромная“ сумма оказалась чуть-ли не цѣлымъ капиталомъ въ тысячу долларовъ.

Черномазый, съ козлиной бороденкой Красноперовъ-Бендерскій, заглядывая бѣгающими пронирыливыми глазами въ самое нутро монаха, какъ бы нащупывая его душу, произнесъ:

— А теперь, отецъ Мардарій, соблаговолите для порядка выдать мнѣ росписочку?

— Какую росписку? Зачѣмъ росписку? — съ неудовольствіемъ спросилъ „великій человѣколюбецъ“, никогда, никому въ такихъ случаяхъ росписокъ не дававшій.

— А это, извольте видѣть—вотъ почему. Будь это мое личное даяніе, помилуйте, какіе же разговоры? Но это есть пожертвованіе цѣлой группы лицъ, которой я долженъ дать отчетъ... Положеніе мое щекотливое, сами понимаете...

— Понимаю...—нерѣшительно отозвался Мардарій.—Что же написать?..

— А, очень просто... Ничего особеннаго... Такую то сумму отъ гражданина Кра-

сноперова получилъ. Такой-то. Подпись готова?

— Вотъ и все — улыбнулся Бендерскій, какъ ярмарочный шарлатанъ, показывающій одинъ изъ своихъ фокусовъ.

18. Хищникъ выпускаетъ ногти.

Этимъ ограничился для перваго раза Бендерскій, опытный хищникъ, научившійся спокойно, не возбуждая подозрѣній, охаживать намѣченную жертву, чтобы, когда пробьетъ часъ, вцѣпиться въ нее мертвой хваткою.

Было еще двѣ три такихъ же встрѣчи, но Красноперовъ-Бендерскій все еще не открывалъ своихъ картъ. Онъ искусно прикидывался поклонникомъ Мардарія, тѣшилъ этимъ поклоненіемъ ненасытное тщеславіе „монаха-кавалериста“, завоевывая шагъ за шагомъ его довѣріе и симпатіи, если, вообще, Мардарій могъ кому-нибудь искренно симпатизировать.

Какъ демонъ-соблазнитель Бендерскій старался быть угоднымъ и пріятнымъ Мардарію не только путемъ приторной лести, не только путемъ замаскированныхъ матеріальныхъ подачекъ, но и угождая, — это цѣнилось очень высоко, — чревоугодію Мардарія.

Бендерскій присылалъ ему громадныя корзины съ тончайшими закусками, фруктами, рѣдкостной дичью, ликерами, винами. А вслѣдъ за корзинкою самъ являлся.

И оба—инокъ-человѣколюбецъ и представитель республики трудящихся медленно,

съ чувствомъ и съ толкомъ предавались обжорству и смакованію дорогихъ заграничныхъ винъ и ликеровъ.

Словомъ, создавалась почва наиболѣе сближающая такихъ людей, какъ,— съ одной стороны Бендерскій, а съ другой—Мардарій.

Мало по малу Мардарій очутился во власти Бендерскаго и хотя эта власть была почти неосязаемая, какъ воздушное кружево паутины, однако, все же была.

Мардарій и Бендерскій.

А когда товарищъ Красноперовъ убѣдился, скорѣй психологически, чѣмъ реально убѣдился, что Мардарій уже находится отъ него въ нѣкоторой зависимости, тогда только онъ выпустилъ свои когти и то для начала едва-едва, такъ, дабы онѣ могли спрятаться въ любой моментъ въ мякоти хищническихъ лапъ...

Разъ какъ-то, поужинавъ зернистой икрою и холоднымъ фазаномъ и запивая все это густымъ ароматнымъ кофе вмѣстѣ съ бенедиктиномъ, зеленоватой желтизной своею напоминающимъ тигровый глазъ, Мардарій и Бендерскій разговорились „по душамъ“.

— Скажите, отецъ Мардарій, что представляетъ собою митрополитъ Варнава? Что онъ за человѣкъ? Я понятія не имѣю о немъ. Видѣлъ мелькомъ и одно могу сказать, — красивый, эффектный мужчина! Эти жгучіе глаза, тотъ прекрасный цвѣтъ лица и эта черная борода... Могу себѣ представить какой онъ долженъ имѣть успѣхъ?..

Бендерскій сознательно царапнулъ коготкомъ по больной струнѣ. Мардарій ненавидѣлъ Варнаву не только за презрѣніе его Варнавы къ себѣ Мардарію, но и за то, чѣмъ сейчасъ восхищался Бендерскій: за жгучіе, пронизывающіе человѣческую душу глаза, за красивое лицо, высокій ростъ, величественныя манеры, за все, чего не хватало Мардарію и что было предметомъ его постоянныхъ мученій.

Облизнувъ свои пухлыя губы, влажныя отъ ликера, нехорошо улыбаясь одной половиной лица, отвѣтилъ архимандритъ:

— Хмм... даа... Митрополитъ Варнава тонкій политикъ. Тонкій... Кажется, чего ему? Всѣмъ, какъ говорится взялъ. Ннѣтъ! Зависть! Не переноситъ чужого успѣха. Вы думаете, за что онъ меня терпѣть не можетъ и всячески затираетъ?.. За мою широкую популярность. За то, что мой портретъ

вы найдете въ любой сельской хатѣ, тамъ, гдѣ не найдете его портрета — Варнавы... Властный человѣкъ! Своенравный человѣкъ. Говорилъ же онъ во всеуслышаніе и еще ударяя посохомъ: „Пока я у власти, пока я живъ, не бывать Мардарію епископомъ!“ Слышите? Какъ вамъ это нравится? За что? Я же не виноватъ, что меня знаютъ больше, чѣмъ его? Видитъ Господь, для этого я и пальцемъ никогда не шевельнулъ... Скажите на милость?—искалъ Мардарій сочувствія у своего собутыльника.

Бендерскій укоризненно покачалъ головой.

— Да, отецъ Мардарій, вы глубоко правы! Мнѣ вчужѣ обидно и больно за васъ. Ей Богу! Вообще, я давно собирался съ вами поговорить на эту тему. Вотъ у васъ большія связи въ обществѣ, а что сдѣлало общество въ смыслѣ вашей карьеры? Ничего! Такой служитель церкви давно долженъ получить епископскій санъ... Давно. А что же мы видимъ? Всѣ эти сановники, генералы, министры, всѣ они безсильны передъ, извините меня, такимъ самодуромъ, какъ этотъ Варнава, который, публично, какъ вы сами говорите, стуча посохомъ, дискредитируетъ ваше почтенное, всѣми уважаемое имя... Нѣтъ, отецъ Мардарій, я не знаю вашихъ политическихъ убѣжденій, но даю вамъ слово, слово друга, надѣюсь, испытаннаго, что при демократическомъ строѣ вы заняли бы навѣрняка подобающій вамъ постъ и жили бы въ тѣхъ самыхъ митрополичьихъ покояхъ, которые сейчасъ занимаетъ Варнава...—и какъ то особенно пытливо,

глазами сообщника смотрѣлъ Бендерскій на Мардарія, слушавшаго съ затаеннымъ дыханіемъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, Мардарій повторилъ, какъ бы думая вслухъ.

— При демократическомъ строе... Я, вѣдь, самъ демократъ... Я сынъ псаломщика. И вотъ этимъ скромнымъ происхожденіемъ и тычетъ меня Варнава, при всякомъ удобномъ и не удобномъ случаѣ. Я вѣдь знаю... У меня вездѣ имѣются свои уши... Да... Но—ничего не подѣлаешь...

— Напрасно вы такъ легко сдаете позиціи,—похватилъ Бендерскій.—Я признаться не ожидалъ отъ васъ, отецъ Мардарій. Вы человѣкъ большой, очень большой, а такіе люди обязаны умѣть желать, дерзать и — достигать! Отецъ Мардарій, я такой же человѣколюбецъ, какъ и вы, только въ иной плоскости. Ваша основа — христіанская мораль, моя—соціальное равенство. И, хотя бы съ виду на разныхъ языкахъ, но въ дѣйствительности мы молимся одному и тому же Богу... Наши идеалы почти совпадаютъ... Давайте же, давайте работать вмѣстѣ во имя этихъ идеаловъ и торжества правды на землѣ. Здѣсь мѣшаетъ намъ обоимъ Варнава — нашъ врагъ. Онъ является главнымъ столбомъ реакціи, главнымъ ненавистникомъ демократіи. Это важная помѣха и для успѣшнаго достиженія цѣли его надо убрать съ нашего пути. А когда рухнетъ главный оплотъ, уже легко рухнетъ и все остальное. Понимаете ли вы меня, отецъ Мардарій?

— Боюсь понимать, боюсь — прошепталъ Мардарій—опасная, очень опасная игра...

— Слово нѣтъ—опасная, отецъ Мардарій. Но вы знаете, говорятъ французы: кто ничѣмъ не рискуетъ, тотъ ничего не имѣетъ. Правильно, вѣдь? Да и рискъ, собственно говоря, не особенно такой уже. Понимаю, тяжело рискнуть собственной головой, въ данномъ же случаѣ голова останется на плечахъ. А, разъ такъ, все остальное—въ концѣ концовъ пустяки... Согласитесь же, что я не фантазирую, а остаюсь въ совершенно трезвыхъ рамкахъ? Тѣмъ болѣе, мы пока ничего не предпрѣшаемъ... Мы ищемъ, ищемъ, отецъ Мардарій... И вотъ за эти наши исканія, за ихъ успѣхъ, за нашу совмѣстную работу на благо человѣчеству, я предлагаю до дна осушить наши рюмки... Пусть этотъ густой маслянистый ликеръ спаяетъ насъ, какъ если бы онъ спаялъ насъ нашей кровью... Лѣтъ двѣсти триста назадъ мы бы такъ и сдѣлали. Выпустивъ каждый нѣсколько капель своей крови, и смѣшавъ ее. Но теперь это показалось бы театральнымъ, да и къ тому же, зачѣмъ проливать свою кровь, хотя бы и въ аптекарскихъ дозахъ, когда существуетъ чужая?.. Ха—ха! и Бендерскій разсмѣялся подленькимъ, сатанинскимъ смѣшкомъ, такимъ, что даже его собесѣдникъ вздрогнулъ, охваченный неприятнымъ и жуткимъ чувствомъ.

— Выпьемъ же! — настаивалъ Бендерскій, и друзья чокнулись.

19. О чемъ думали и тотъ и другой.

Бендерскій былъ очень доволенъ своими первыми шагами. Болѣе, чѣмъ доволенъ. Еще бы, онъ сразу достигъ колоссальнаго успѣха! Это ли не успѣхъ? Онъ думалъ, что обрабатывать тщеславнаго монаха придется долго, долго и хорошо еще, если не „впустую“. И вдругъ не угодно ли? Сразу успѣхъ, успѣхъ, давшійся такъ легко...

Бендерскій, самъ тертый калачъ, живо раскусилъ Мардарія. Онъ увидѣлъ передъ собою человѣка безъ какихъ бы то ни было принциповъ, безъ какой бы то ни было морали. Да и вправду, для „монаха-кавалериста“ не было понятій — хорошо и плохо. Добро и зло. Вѣрнѣе, пожалуй, понятіе хорошо и плохо онъ узко эгоистически примѣнялъ къ своей собственной персонѣ. Выгодно что-нибудь ему лично—значить хорошо, не выгодно—плохо, даже, если это „плохое“ всѣми порядочными людьми считалось хорошимъ.

Бендерскій правильно опредѣлилъ сомнѣнія и колебанія Мардарія. Источникъ этихъ колебаній—трусость, но никакъ не что-либо иное, болѣе возвышенное, чистое.

Не сознаніе, какое готовится онъ совершить чудовищное злодѣйство, пугало

Мардарія, а боязнь расплаты. Убить человека, еще къ тому же князя церкви—это не пугало его. Убиваль же онъ на фронтѣ вражескихъ солдатъ и никогда ни на одинъ мигъ не испыталь угрызений совѣсти.

Задуманному преступленію Бендерскій придаваль большое политическое значеніе. Настолько большое, что, вернувшись къ себѣ въ гостинницу, разумѣется, первоклассную, лучшую въ городѣ, вернувшись въ полночь, засѣль за длинное шифрованное письмо, письмо-докладъ Кремлевскимъ самодержцамъ.

Вотъ, кстати, „кусочекъ“ этого письма, особенно подчеркнутый Бендерскимъ:

„... Вы понимаете, товарищи, если бы Варнаву убилъ одинъ изъ нашихъ агентовъ, было бы не хорошо. Убийца—обыкновенный свѣтскій человекъ не партіецъ, это было бы хорошо, вѣрнѣе — такъ себѣ. Но монахъ, поднявшій руку на своего митрополита, человекъ въ рясѣ, пролившій кровь самага высокаго священнослужителя въ государствѣ — это, это будетъ полно громадныхъ выгодъ и возможностей для насъ. Это внесетъ смятеніе въ умы и души. Варнава вмѣстѣ съ жизнью утратитъ и своей ореоль. Почему знать, можетъ быть, къ счастью, это дѣйствіе явится сигналомъ къ потрясающимъ событіямъ, могущимъ вызвать переворотъ. А если это будетъ именно такъ, мы раздуемъ эту ничтожную фитюльку Мардарія въ идейную пророческую фигуру и въ нашихъ рукахъ снѣ, популярный и безъ того, будетъ послушной маріонеткой“.

Бендерскій провель безсонную ночь, занятый дѣломъ. Собутыльникъ же его Мардарій не могъ уснуть, обуреваемый цѣлымъ хаосомъ заманчивыхъ и горделивыхъ мечтаній.

Лишенный чувства, которое люди зовутъ признательностью, онъ мысленно уже наплеваль на общество, въ ослѣпленіи своемъ,—это во-первыхъ и отъ празднаго бездѣлья,—это во-вторыхъ, сдѣлавшее изъ него знаменитость съ далеко бѣгущей репутаціей, если и не святого даже, то, во всякомъ случаѣ, аскета праведной жизни.

Но все же эти богатые и знатные поклонники и поклонницы, сильные, вліятельные, но не всемогущіе, не смогли его возвеличить именно такъ, какъ жаждалъ этого самъ Мардарій. Не могли... Тѣмъ хуже для нихъ! Онъ пойдетъ съ другими, новыми людьми, смѣлыми, дерзкими и съ ихъ помощью достигнетъ уже не епископской, а митрополичьей, пышной, тяжелой митры. Пусть ради этого онъ перешагнетъ черезъ трупъ Варнавы. Пусть! Новая церковь не будетъ считаться съ предразсудками, это будетъ революціонная церковь.

И чтобы успокоить себя, главное не такъ успокоить, какъ обнадежить, Мардарій съ боку на бокъ ворочаясь въ мягкой, далеко не монашеской постели, искалъ подтвержденій и соотвѣтствующихъ примѣровъ въ исторіи. Искаль и находилъ. Можно быть княземъ церкви съ обагренными кровью руками. Можно... Развѣ четыре вѣка назадъ кардиналъ Малатеста не посылалъ соперникамъ своимъ по вліянію въ Ватиканъ отрав-

ленныхъ перчатокъ? Развѣ папа Александръ VI Борджія не былъ отравителемъ и убійцей? А современникъ его Венеціанскій архіепископъ кардиналъ Бенцони? Мало на душѣ его было человѣческихъ жизней? И всѣ они правили съ почетомъ и блескомъ и все содѣянное ими, преступное, мрачное, нисколько не отражалось на ихъ карьерѣ.

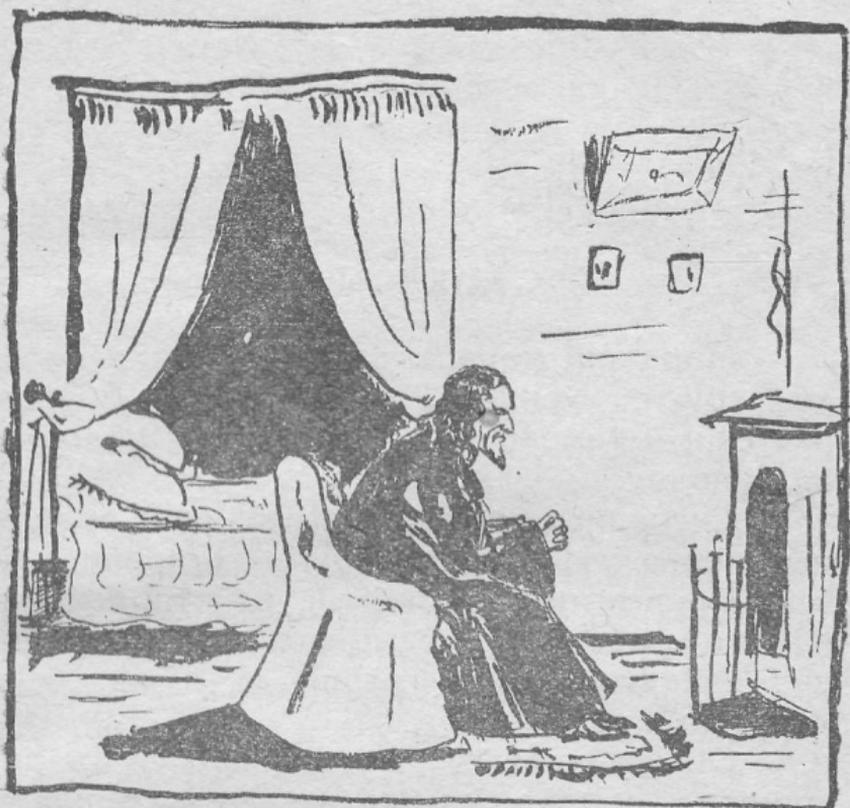
Подбадриваясь этими историческими справками, убѣждая себя въ томъ, въ чемъ онъ въ сущности былъ уже давнымъ давно убѣжденъ, Мардарій не могъ все же однако заглушить въ себѣ трусость. Нѣтъ, нѣтъ и вдругъ она, эта самая трусость напомнить о себѣ холодными, физически холодными уколами, то тамъ, то сямъ въ мягкомъ, безкостомъ, раскормленномъ тѣлѣ...

Дабы окончательно заглушить назойливое неприятное ощущеніе, Мардарій выкрикалъ отовсюду, изо всѣхъ закоулковъ души свою ненависть къ митрополиту Варнавѣ. Ненависть, давнымъ давно выношенную, созрѣвшую, искавшую выхода и только поджидавшую удобнаго случая.

Этотъ удобный случай — Красноперовъ и всѣ тѣ, кто вмѣстѣ съ нимъ. Какое ему Мардарію дѣло, кто такой Красноперовъ, что представляетъ собою этотъ таинственный, обладающій громадными деньгами человѣкъ? Какое ему дѣло? Будь онъ даже самъ дьяволъ, то и съ дьяволомъ заключилъ бы Мардарій союзъ, только бы раздавить ненавистнаго Варнаву...

И въ сумракѣ спальни разжигалъ онъ дышащее местию воображеніе свое, разжигалъ картиной, какъ гордый и величавый

митрополитъ пресмыкается у его ногъ бездыханный, поверженный въ прахъ...

„И въ сумракъ спальни разжигалъ онъ дышащее мстью воображеніе свое“...

20. Удушливые газы.

Мардарій попалъ въ „хорошія, заботливыя“ руки. Бендерскій съ чисто большевистскимъ темпераментомъ началъ готовить почву.

Скупались продажныя глотки и продажныя перья. И тѣ и другіе старались во всю! Предметомъ устной и печатной кампаніи этой, если только можно назвать кампаніей клеветническую травлю и ложь, былъ митрополитъ Варнава.

Онъ обвинялся въ стяжаніи, въ роскошномъ образѣ жизни, въ недоступности, граничащей съ высокомеріемъ и надменностью.

Грязныя руки копались въ частной жизни Владыки и на базарѣ, на улицу выносилось изъ митрополичьихъ покоевъ то, что никогда не совершалось въ этихъ чинныхъ и строгихъ покояхъ и было сляпкой мерзкой выдумкою всѣхъ тѣхъ, кого щедро оплачивалъ Красноперовъ — Бендерскій.

Но и стяжаніе и высокомеріе и еще остальные грѣхи, никакъ не вяжущіеся съ высокимъ пастырскимъ званіемъ, все это было лишь фономъ, дабы ярче отѣнить и зарисовать портретъ Варнавы — политика,

Варнавы — отчаяннаго мракобѣса и такого же отчаяннаго „реакціонера“.

Послушать подыгрывающихся къ Москвѣ горлодеровъ, почитать большевистскія и полубольшевистскія газеты, выходило, что митрополитъ Варнава — жандармъ и душитель всѣхъ существующихъ свободъ. Не будь его — страна зацвѣла бы сплошнымъ земнымъ раемъ, солнечнымъ, яркимъ и вотъ только онъ, Варнава, мѣшалъ, застилая все мракомъ и тьмою.

Гипнозъ этой чудесно организованной, остервенѣлой травли, способной бульдожьими челюстями своими истрепать въ лохмотья какую угодно бѣлоснѣжную репутацію, былъ до того великъ, что даже почтенные люди, далеко не лѣваго лагеря и къ митрополиту ничего не питавшіе, кромѣ глубокой, почтительной пріязни, и они съ недоумѣніемъ спрашивали другъ у друга:

— А что, если даже сотая часть всего этого — правда? Только всего на всего сотая? Господи, какъ это ужасно!..

Не менѣе терялся и тотъ, къ кому обращались съ вопросомъ:

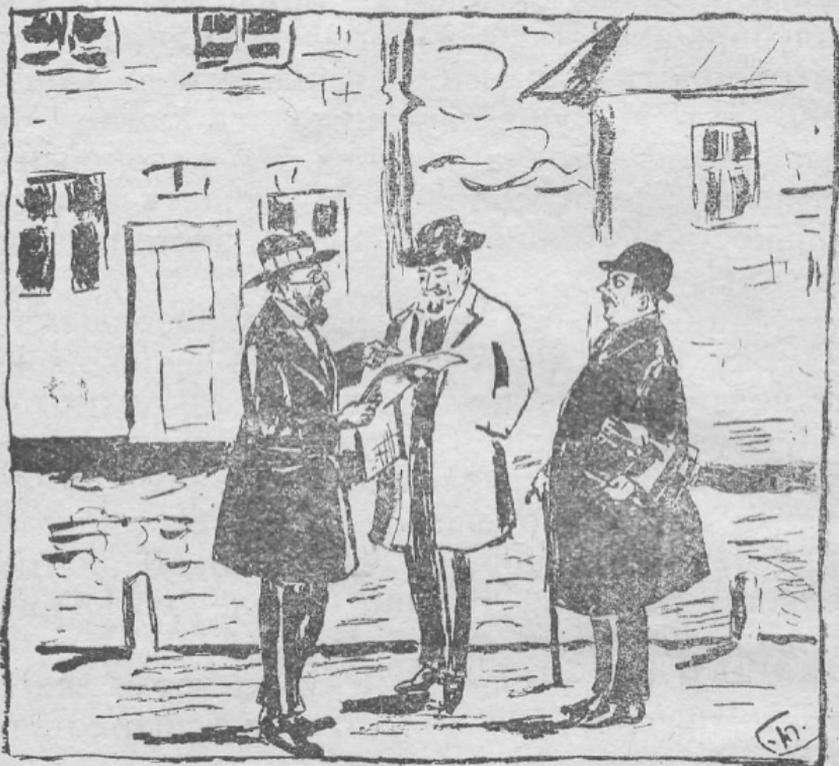
— Не знаешь, что и подумать... Говорятъ же, дыму безъ огня не бываетъ...

Такимъ малодушнымъ, легко поддающимся какому угодно вліянію, не только не мѣшало бы, а и наоборотъ, полезно было бы лишній разъ напомнить французскую поговорку:

— „Клеветайте, клеветайте! Всегда что нибудь да и останется!..“

Такъ и въ данномъ случаѣ. Если смущены были самые вѣрные, самые надежные,

то что же говорить о тѣхъ, кто никогда не былъ ни надежнымъ, ни вѣрнымъ?.. Что?

... Люди съ недоумтніемъ спрашивали другъ у друга.

И некому было вступить за Варнаву, потому что уже пошла по всему государству не малая смута. Власть, атакованная и явнымъ и подпольнымъ врагомъ, все теряла и теряла съ каждымъ днемъ твердую почву подъ ногами. Власть не только не могла взять кого нибудь, или что нибудь подъ свою защиту, а и сама нуждалась въ таковой.

Власть нуждалась въ сильной, желѣз-

ной волѣ, единой волѣ, которая, не останавливаясь передъ самыми крутыми мѣрами, навела бы порядокъ въ странѣ..

Печать, благомыслящая, трезвая? Увы, она понемногу переставала быть и благомыслящей и трезвой и тихій робкій голосъ ея тонулъ въ горластомъ шумѣ и грохотѣ социалистическихъ и коммунистическихъ газетъ.

Кричащіе о свободѣ и признающіе ее только для самихъ себя, терроризировали правую печать, забрасывая редакціи бомбами, приказывая типографіямъ бастовать, сжигая запасы бумаги, ломая наборныя машины.

Уже на улицахъ чернь оскорбляла офицеровъ. Уже вдогонку священникамъ отпускались брань и глумленія.

Какіе то хулиганы забросали камнями и кусками кирпичей митрополичью карету, выбили въ ней стекла и былъ раненъ ѣхавшій вмѣстѣ съ Варнавой провинціальный епископъ. Запуганная полиція не сдѣлала даже попытки арестовать негодяевъ, бѣжавшихъ за каретой съ улюлюканьемъ и со свистомъ.

Бендерскій—Красноперовъ весело потиралъ руки. Почва для убійства Варнавы была подготовлена. И какая благопріятная почва! Убійцу не заклеиваютъ всеобщимъ презрѣніемъ, а сдѣлаютъ изъ него героя, едва ли не мученика...

21. Уроки стрѣльбы.

Убѣдившись, что трудно болѣе мастерски подготовить почву для выступленія, чѣмъ какъ она уже подготовлена и въ смыслѣ общей политической картины и въ смыслѣ „готовности“ самого Мардарія, почтеннѣйшій товарищ Бендерскій занялся „технической“ стороною.

Онъ задалъ вопросъ монаху:

— Стрѣлять умѣете?

— То-есть какъ это?—не сразу понялъ удивленный Мардарій.

— Другъ мой, не понимаю вашего „то-есть какъ это“! Вашъ отвѣтъ долженъ быть такимъ-же простымъ и яснымъ, какимъ былъ мой вопросъ — замѣтилъ весьма нравоучительно Бендерскій, давно уже переставшій церемониться съ Мардаріемъ.— Вы должны были отвѣтить—умѣю, или не умѣю. Да или нѣтъ. Въ случаѣ—„умѣю“—надо пояснить, изъ чего именно? Револьверъ? Винтовка? Охотничье ружье? Пистолеть? Понимаете? — щеголялъ Бендерскій познаніями, которыя самъ только недавно почерпнулъ, близко соприкоснувшись съ подвалами чрезвычайки и забрызганными кровью чекистами.

— Ну, такъ вотъ, будущій митрополитъ живой церкви, приходилось-ли вамъ держать

въ вашихъ иноческихъ пухлыхъ рукахъ огнестрѣльное оружіе и если да, то... словомъ, вы меня понимаете.

— Видите-ли, господинъ Красноперовъ, долженъ сказать, что во время войны я выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ солдатской винтовки и однажды — это было какъ разъ впервые — на смерть убилъ турка. И скажу вамъ — на довольно большемъ разстояніи, — не утерпѣлъ прихвастнуть Мардарій.

Но Бендерскій тотчасъ-же поспѣшилъ окунуть его въ холодную воду.

— И хвастунишка-же вы! Вотъ несносный хвастунишка! Сами-же отлично понимаете, что это былъ случай. Послѣ этого вы могли выпустить цѣлую сотню патроновъ, съ одинаковымъ неуспѣхомъ... Ну, наконецъ то мы договорились. Стрѣлять вы не умѣете и надо учиться. Будемъ учиться. Конечно, оружіемъ будетъ не винтовка, а револьверъ. Будь, товарищъ, мы съ вами тамъ, въ совѣтской Россіи, я предоставилъ бы вамъ сколько угодно живыхъ мишеней. Учись только! Была-бы охота! Много еще недорѣзанныхъ буржуевъ! Очень много! Такъ много, что мы рѣшили къ десятилѣтнему юбилею нашей рабоче-крестьянской власти ликвидировать всю бѣлогвардейщину. Такъ ликвидировать, чтобы даже на лѣкарство не осталось. Ха, ха, — и товарищъ Бендерскій расхохотался такимъ подлымъ смѣхомъ, смѣхомъ гіены, что даже готовившемуся совершить убійство Мардарію и тому стало жутко...

— Мы возьмемся сначала за всѣхъ уцѣлѣвшихъ поповъ — продолжалъ Бендер-

скій — потомъ за уцѣлѣвшихъ помѣщиковъ, лицеистовъ, правовѣдовъ, пажей и все ниже и ниже со ступеньки на ступеньку. Такъ всѣхъ и выкосимъ... Но сейчасъ это къ слову пришлось и не въ этомъ сейчасъ дѣло... Да, такъ о чемъ-же я? О томъ, что здѣсь пока такой роскошью побаловать васъ не могу... Хотя... хотя учиться стрѣлять все-же самое лучшее — это на живыхъ людяхъ.

— Браунингъ? — любопытствовалъ Мардарій.

— Что вы? Браунингъ! Ни подъ какимъ видомъ! Съ браунингомъ надо обращаться осторожно, умѣючи, чтобы онъ былъ опасенъ для того, въ кого стрѣляютъ, а не для самого стрѣляющаго... Кромѣ того, браунингъ иногда, какъ это — заѣдаетъ патроны. Нѣтъ. Зачѣмъ, когда есть вѣрный испытанный наганъ... Тяжелый, крупнокалиберный..

Тѣмъ болѣе, его такъ не трудно спрятать въ бездонныхъ карманахъ вашего, какъ это называется, подрясника, что-ли?..

Бендерскій снималъ за городомъ уединенную виллу, обнесенную высокимъ глухимъ заборомъ. Одна изъ внутреннихъ комнатъ виллы, безъ оконъ и съ одной дверью, и днемъ и ночью освѣщенная электричествомъ, вся была затянута войлокомъ. Дѣлай, — что хочешь, вопи благимъ матомъ, — ни одинъ звукъ не вырвется! Все заглушить непроницаемый войлокъ.

Мѣстами на полу этотъ смягчавшій шаги верблюжьяго цвѣта войлокъ впиталъ въ себя большія и малыя пятна запекшейся крови. Когда Мардарій впервые очу-

тился въ этой болѣе, чѣмъ странной комнатѣ, зловѣщія пятна бросились ему въ глаза.

— Это что такое? Кровь? — какъ-то наивно спросилъ онъ и ему стало не по себѣ подъ колючимъ буравящимъ взглядомъ Бендерскаго.

— Нѣтъ, это красное вино — усмѣхнулся Бендерскій — хотя, нѣтъ, я шучу... Вы угадали, дружище. Это дѣйствительно кровь.. Вы думаете человѣческая? Ни, ни! Какіе ужасы. Я васъ сейчасъ разочарую.. Успокойте ваши нервы. Самая прозаическая, цыплячья кровь.. Да, да, мой поваръ большой чудакъ! Рѣжетъ цыплятъ не на кухнѣ, а здѣсь...

Мардарій не зналъ чему вѣрить, но зналъ, что Красноперовъ издѣвается надъ нимъ и, вообще, въ жизни его, Мардарія, начался какой-то новый періодъ, можетъ быть и сулящій ему необыкновенныя благодати пока — пугающій, тягостный.

И онъ чувствовалъ — возврата уже нѣтъ! Надо итти рука объ руку съ этимъ человекомъ, котораго Мардарій почти не знаетъ, вѣрнѣе совсѣмъ не знаетъ и который такъ отвратительно смѣется...

И въ этой комнатѣ, обитой войлокомъ, съ пятнами цыплячьей — какая же это цыплячья? — крови, Мардарія впервые за все это послѣднее время охватило сомнѣніе.

Сомнѣніе, что лучше, выгоднѣе? Такъ, какъ было до встрѣчи съ Красноперовымъ? Безмятежное спокойствіе, сытая жизнь въ достаткѣ и въ почетѣ, такомъ почетѣ — смѣ-

ло можно поступиться официальной іерархической карьерою?

Или изъ за обѣщанія этой самой карьеры, изъ-за желанія отомстить ненавистному митрополиту цѣликомъ отдаться въ руки опасному человѣку, зовущему себя Красноперовымъ, стать его игрушкою, съ которой онъ обращается все болѣе и болѣе непочтительно, хотя и обѣщая самый высокій постъ въ государствѣ?

Но нѣтъ ничего бесполезнѣй, докучливѣй праздныхъ и немощныхъ сомнѣній. Развѣ помогутъ они, когда выборъ уже сдѣланъ? Если бы Мардарій и хотѣлъ даже свернуть въ послѣдній моментъ съ намѣченнаго пути, это уже не въ его власти, потому что онъ самъ уже во власти другого и чужая воля тяготѣетъ надъ нимъ...

Нѣтъ, изъ этой обитой войлокомъ комнаты, гдѣ такъ легко свершить любое преступленіе — одинъ путь, именно тотъ, какой ему укажетъ, да и указаль уже Красноперовъ.

А Красноперовъ поднесъ къ губамъ свистокъ, и рѣзкій разбойничій свистъ пронизаль всю виллу.

На этотъ свистъ вошелъ въ единственную дверь плечистый здоровенный парень, съ широкимъ квадратнымъ плоскимъ лицомъ, лицомъ каторжника.

Онъ остановился съ покорнымъ, тупымъ видомъ. Съ этимъ-же самымъ покорнымъ и тупымъ видомъ онъ, по знаку Бендерскаго, мгновенно и какъ угодно расправился бы

...„Вошелъ въ единственную дверь плечистый здоровый парень“...

съ этимъ пухлымъ монахомъ безъ костей въ лицѣ и во всемъ тѣлѣ.

Бендерскій приказаль не глядя:

— Товарищъ, принесите сюда „фигуру“, стулъ, два нагана и коробочку съ патронами..

Черезъ минуту парень съ плоскимъ квадратнымъ лицомъ былъ тутъ, какъ тутъ и со всѣмъ тѣмъ, что ему надлежало принести. „Фигура“ оказалась человѣческимъ манекеномъ въ натуральную величину. При ближайшемъ же разсмотрѣннн этотъ манекень оказался портретомъ Варнавы, до того схожимъ, что ненавидящій Владыку монахъ невольно вздрогнулъ.

Въ самомъ дѣлѣ, и ростъ и лицо изъ воска съ матовой блѣдностью и черная боро-

да и жгучіе глаза—все это, ну совсѣмъ вылитый Варнава...

— Что, не ожидали?... Эффектець, эффектець-то каковъ!--Самодовольно заулыбался Бендерскій.—Нѣтъ, бросимъ въ сторону балаганъ! Бросимъ! Это имѣеть для васъ, я-бы сказала, психологическое значеніе.. Благодаря этой фигурѣ, вы будете привыкать къ Варнавѣ. Будете привыкать къ тому, что вы должны съ нимъ сдѣлать, и наконецъ вотъ вамъ великолѣпная мишень для практики! Дѣло пойдетъ гораздо успѣшнѣй, чѣмъ если бы вмѣсто изображенія Варнавы передъ вами былъ какой нибудь глупѣйшій картонъ съ концентрическими кругами и съ черной точкою посрединѣ..... Ну, вотъ моя роль кончена! Я ее уступаю такому опытному инструктору, какъ товарищъ Громовъ... Прошу любить и жаловать.

Товарищъ Громовъ съ неизмѣнно тупымъ выраженіемъ лица гикнулъ и что-то промямлилъ...

Мардарій отвѣтилъ смущеннымъ полупоклономъ. Бендерскій, пожелавъ успѣха, оставилъ ихъ вдвоемъ.

— Видите, перво на перво—сталь поучать Громовъ—такъ, какъ вы, товарищъ, не ахти какой значить стрѣлокъ, то упаси и васъ нелегкая стрѣлять на большой дыстанціи. И съ десяти, восьми шаговъ промажете! Оно, конечно, практиковаться мы будемъ не меньше, какъ на десять. Куда мѣтить надо, чтобы значить—наповаль въ чистую? Въ голову, либо въ сердце... А то хорошо еще въ шею. Кровью истечеть,

какъ баранъ. Это уже труднѣе, да и у вашего смѣртника борода, что твоя лопата, изволь отыщи шею, чтобы ее взять, какъ слѣдуетъ быть на мушкѣ...

Помолчавъ, пожевавъ губами, товарищъ Громовъ пообѣщаль:

— Вотъ мы сейчасъ эту самую чучелу посадимъ поближе къ стѣнкѣ. Посадимъ и начнемъ...

Громовъ, укрѣпивъ манекенъ на стулѣ, протянулъ Мардарію одинъ изъ тяжелыхъ нагановъ. Револьверъ ходуномъ заходилъ въ рукѣ монаха и казался двухъ пудовой гирею.

Громовъ презрительно свиснулъ.

— Эхе, эхе, рученьки-то ваши трясутся. Нервочки больно деликатны... Передъ чучелой трясутся, а что же будетъ передъ самимъ... Ну, да мы васъ обрабатываемъ! И не такихъ обрабатывалъ. Сначала тоже нервочки, а потомъ дѣвицы и бабъ разрывными пулями такъ дырявили, какъ воронье пугало.. Ну что ручка уже не пошаливаетъ?

— Кажется, ничего...

— Ладно, станьте-ка вотъ здѣсь... Цѣлитесь въ сердце.

Мардарій прицѣлился.

— Эхъ вы—укоризненно покачалъ головой Громовъ—съ какой стороны у человекѣка сердце?

— Съ лѣвой.

— Цѣлитесь въ правую сторону груди. Разъ человекѣкъ не спиною, а лицомъ къ намъ, надо соображать... Что для васъ налѣво, то для него направо и наоборотъ. Понимаете?...

— Конечно, понимаю, товарищъ, конечно... Только я, какъ-бы вамъ сказать... я... и Мардарій совсѣмъ растерялся, чувствуя себя такимъ глупымъ, такимъ беспомощнымъ передъ этимъ здоровеннымъ хамомъ, этимъ профессиональнымъ убійцею...

22. Успѣхи ученика и удовольствіе учителя.

Въ обитой войлокомъ „слѣпой“, безъ оконъ, и днемъ и ночью освѣщенной электричествомъ комнатѣ водворился и прочно и надолго какой-то неприятный и кислый, и въ то же время сладкій, возбуждающій тошноту пороховой запахъ. Особенно же рѣзко давалъ онъ себя знать тотчасъ же послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ.

А стрѣляли въ этой комнатѣ каждый день, стрѣляли усердно и много.

Выучка шла во всю и самымъ ускореннымъ темпомъ. Громовъ, бывшій матросъ и чекистъ, всю свою каторжную душу вкладывалъ, чтобы сдѣлать изъ Мардарія въ самый кратчайшій срокъ холоднаго, спокойнаго и опытнаго убійцу.

Будь это обыкновенный ученикъ, губошлепъ - красноармеецъ какой-нибудь, Громовъ, конечно, отнесся бы къ нему куда съ меньшей профессиональной любовью и куда съ меньшей ретивостью.

Здѣсь же, о, здѣсь совсѣмъ, совсѣмъ другое! Здѣсь „монахъ, служитель буржуазнаго Бога“ и онъ, Громовъ, глумящійся надъ религіей, не признающій „ни поповъ ни церквей“, натаскиваетъ этого самаго монаха. И шутка ли сказать, на кого натаскиваетъ?... Не на какую-нибудь бѣлогвардейскую пѣшку, а на князя Церкви. Правда, товарищъ Громовъ не зналъ, что такое князь Церкви. Для него это было слишкомъ культурно. Епископовъ, митрополитовъ онъ, этотъ выродокъ, называлъ „генералами буржуазнаго Бога“.

Мудрено-ли, что Громовъ, этотъ пытавшій и мучившій своихъ офицеровъ матросъ, съ какимъ-то глумливымъ смакованіемъ и подленькимъ смѣшкомъ „сопровождаль свои уроки“. И въ его лекціяхъ, читаемыхъ по сему предмету, были эти-же самыя глумленія и этотъ-же самый смѣшокъ.

— Надо все, товарищъ предвидѣть! Все! Потому иначе въ нашемъ дѣлѣ никакъ нельзя! Скажемъ къ примѣру: этотъ самый его высокопреосвященство, или какъ его тамъ у васъ... Скажемъ, онъ соизволитъ васъ принять по случаю хорошаго настроенія, или выпался здорово, или тамъ еще чтонибудь... И вотъ вы къ нему, значить, этакой лисой пушистой подъ благословеніе. Губы бантикомъ, ручки лодочкой... И вотъ, когда эту самую благодать чернобородое святѣйшество начнетъ изливать на васъ, товарища многогрѣшнаго, и въ ручку его цмокнете, тутъ главнымъ дѣломъ, не зѣвай! За револьверъ и вали прямо въ сердце!... Исполненіе будетъ чистое и „аккуратное“. Такую дырочку насквозь просверлите—любо—дорого!. И будетъ митрополитъ съ дыркой.. Ха, ха, занятно!..

— А если онъ подъ благословеніе не подпуститъ? — Вдумчивымъ и дѣловымъ тономъ возразилъ Мардарій.

— А не подпуститъ, и чертъ съ нимъ!. Съ трехъ четырехъ шаговъ открывайте огонь. Да такъ, чтобы засыпать выстрѣлами. До отказа, пока только, товарищъ, этихъ самыхъ пуль хватить. Парочку въ животикъ, парочку повыше, да парочку въ портретецъ его иконописный. Глядишь, и свернется ка-

лачикомъ. И тутъ уже ни бумъ бумъ! Эхъ, товарищъ-монахъ, такъ это все лакомо, ажъ зависть беретъ!... Самъ изрѣшетиль-бы Варнаву эту самую съ моимъ превеликимъ удовольствіемъ.

Заботливый Мардарій предусмотрѣлъ еще одинъ случай.

— Ну, а если онъ совсѣмъ не пожелаетъ меня видѣть? Если такъ: выйдетъ ко мнѣ келейникъ и скажетъ: Не принимаетъ владыка.

— Такъ что жъ такое. Ничего страшнаго, товарищъ. Пара пустяковъ, товарищъ. Келейника въ зубы рукояткой, да такъ, чтобы кровью умылся. Ну, а самъ впередъ напроломъ. Да чего мы будемъ тамъ загадки загадывать! Все само собою образуется. Фактъ самъ себя покажетъ, на то онъ и фактъ! — философствовалъ Громовъ.

Не прошло и двухъ недѣль, войлочные стѣны были всѣ словно въ червоточинахъ. Онѣ такъ же мягко впитывали въ себя пули, какъ и впитывали звукъ, глухой и безсильный за ихъ предѣлами.

То, что Бендерскій называлъ „фигурою“ и было изображеніемъ митрополита Варнавы, еле, еле держалось, такъ густо пронизано было пулями. Голова вотъ-вотъ отвалится, на такой она моталась ниточкѣ. Въ-сто глазъ, какъ-то нехорошо, пугающе зіяли двѣ впадины. И лобъ и щеки тоже были густо изрыты.

Мардарій настолько успѣлъ овладѣть собою и освоиться съ новой ролью, что уже не было для него никакой разницы между „фигурою“ и живымъ Варнавою. И въ живого Варнаву онъ будетъ такъ же сво-

бодно и съ легкимъ сердцемъ стрѣлять, какъ стрѣляетъ въ „фигуру“.

Иногда заглядывалъ товарищъ Бендерскій съ папирской въ зубахъ въ комнату—стрѣльбище. И тогда подтягивались и ученикъ и учитель, демонстрируя достигнутые успѣхи.

Мардарій стрѣлялъ, и цѣлясь нѣсколько секундъ, и мгновенно, какъ говорится на „вскидку“, и еще такъ: этому Громовъ научилъ его больше эффекта ради.

Монахъ стоитъ спиною къ своей жертвѣ и вдругъ, стремительно обернувшись, выпускаетъ въ него пулю за пулю,

Трюкъ этотъ Громовъ позаимствовалъ изъ кинематографическихъ драмъ съ бандитами и сыщиками, драмъ, до которыхъ онъ былъ великій охотникъ.

— А то есть еще трикъ — онъ говорилъ трикъ вмѣсто трюкъ. — Стоитъ себѣ господинъ хорошій честь честью, ручки въ брючки. И вдругъ,—бахъ ба-бахъ, трахъ тарарахъ... Это онъ значитъ изъ кармана стрѣляетъ. При Николаѣ еще плавалъ я, такъ это мнѣ въ Портъ Саидѣ рассказывали. У французскихъ значитъ апашей, хулигановъ по нашему, это практикуется—стрѣлять изъ кармана, хватить его полицейскій, думаетъ, поймалъ тебя, голубчика. Поймалъ! Анъ не тутъ-то было. Апашъ ему свинцовую пилюльку въ животъ, ну и до свиданія! Наше вамъ съ кисточкой! Это я такъ больше для разговора, вамъ, товарищъ, эти апашскіе фасоны ни къ чему..

23. Митрополичій дворець.

Хотя этотъ домъ носилъ громкое названіе митрополичьяго дворца, но дворцоваго въ немъ было немного. Вѣрнѣе, совсѣмъ ничего не было. Хотя это нисколько не мѣшало быть дому и красивымъ и какъ то по старинному, по восточному живописнымъ.

Постройка имѣла форму квадрата. И такой же квадратной формы и внутренней дворъ, вымощенный большими, гладкими гранитными плитами. Вѣка, вереница вѣковъ такъ отполировали эти плиты — получалось впечатлѣніе сіяющаго каменнаго паркета.

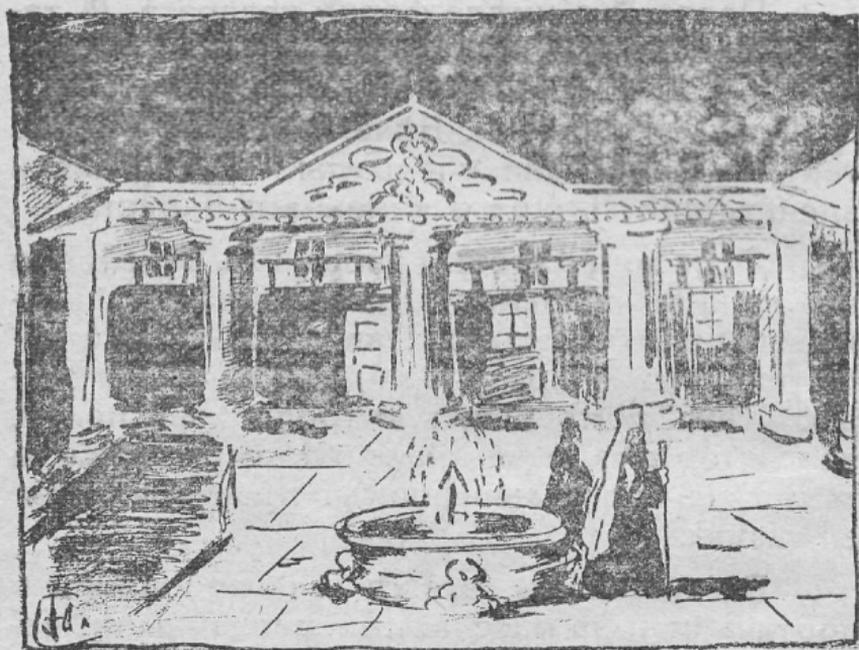
Опоясанъ этотъ дворъ былъ рядами невысокихъ приземистыхъ колоннъ, поддерживавшихъ балюстраду, на которую выходили двери квартиръ и комнатъ верхняго этажа. Тамъ помѣщались митрополичьи покои, консисторскія, еще какія-то учрежденія и тамъ же останавливались провинціальныя епископы.

Въ нижнемъ этажѣ за колоннами и портиками и за массивными окованными желѣзомъ дверями находились кладовыя, архивы и сложенъ былъ столѣтіями накапливающійся хламъ, никому не нужный, ни къ чему не примѣнимый, но все-таки дорогой по воспоминаніямъ...

И стѣны и колонны и дворъ съ фонтаномъ по срединѣ — тяжелой гранитной чашею—все это поражало своей монументальностью. Все это каждымъ камнемъ своимъ, каждой плитою, каждою завитушкою орна-

мента говорило о давно минувшемъ, когда все строилось незыблемо прочно, медленно, съ любовью и вѣрою, и какъ бы наперекоръ все разрушающему времени.

Лунными вечерами такимъ завороженнымъ казался митрополичій дворъ, когда и отъ колоннъ и журчащаго фонтана падали рѣзкія тѣни, а все остальное было въ ка-

Митрополичій дворецъ.

комъ то зеленоватомъ и трепетно нѣжномъ серебрѣ...

Лунными вечерами Владыка тихо прогуливался по двору, либо одинъ, либо съ кѣмъ-нибудь изъ приближенныхъ и такимъ эффектнымъ, четкимъ силуэтомъ выдѣлялась его фигура, вся въ черномъ и въ бѣломъ, какъ горній снѣгъ, клубукъ.

Этотъ старинный домъ находился почти въ центрѣ столицы, но городской шумъ достигалъ сюда глухо и смутно. Увы, до поры до времени. А съ тѣхъ поръ, какъ пошла кругомъ смута, уже не бывало покоя ни днемъ, ни ночью. Галдящая шумная чернь оглушительнымъ ревомъ митинговъ и революціонныхъ пѣсень, часто, слишкомъ даже часто напоминала о себѣ и разнузданный, непристойный ревъ оскорблялъ и безмолвье историческихъ стѣнъ и восточнаго окаямленнаго колоннами дворика съ плещущимъ фонтаномъ посерединѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ „это“ началось, съ тѣхъ поръ, какъ окно митрополичьей кареты было разбито камнемъ, министръ внутреннихъ дѣлъ предложилъ Варнавѣ нѣсколько жандармовъ въ видѣ охраны, чтобы дежурили во дворцѣ „на всякій случай“. Тѣмъ болѣе, что „такихъ всякихъ случаевъ“ можно было съ минуты на минуту ожидать въ любой моментъ.

Но Владыка рѣшительно отказался.

— Я весьма признателенъ вашему превосходительству за попеченіе о моей скромной особѣ, но убѣдительно прошу не беспокоиться. Отъ судьбы, уготованной Господомъ Богомъ—никому никуда не уйти и никакіе жандармы не спасутъ меня, если мнѣ суждено погибнуть. Да и помимо этого, что вполне примѣнимо къ сановнику свѣтскому, то совсѣмъ не идетъ къ духовному лицу, единственный защитникъ и покровитель котораго—одинъ Всевышній.

Министръ внутреннихъ дѣлъ долго на-

стаиваль, не сдаваль своихъ позицій и, въ концѣ концовъ, предложилъ компромиссъ:

— Владыка, ваши доводы чрезвычайно почтенны, я ихъ уважаю, но не могу съ ними вполне согласиться. Ваша безопасность, ваша жизнь слишкомъ драгоценна, что бы... — министръ такъ и не закончилъ фразы, но закончилъ свою мысль. — Надѣюсь, однако, вы позволите агентамъ политической полиціи нести наблюденіе за вашимъ дворцомъ. Я прикажу, чтобы они держались съ наибольшимъ тактомъ, тщательно избѣгая попадаться вамъ на глаза.

— Въ этомъ смыслѣ я не могу ничего ни позволить, ни не позволить. Это область, въ которой вы, ваше превосходительство, полновластный хозяинъ... Что же касается людей въ мундирахъ, то еще разъ категорически прошу не вводить ихъ въ мое жилище. Совѣсть моя чиста и передъ Богомъ и передъ людьми и бояться мнѣ некого и нечего. А если стихійное катастрофическое угрожаетъ всѣмъ, то я не хочу и не могу быть исключеніемъ. Наоборотъ, мой долгъ быть впереди всѣхъ и первымъ пріять и ниспосланныя испытанія... Таково мое глубокое убѣжденіе и никому не переубѣдить меня...

24. Какъ это произошло?

Это изъ ряду вонъ выходящее убійство вызвало прямо-таки міровую сенсацію. Да и не могло не вызвать! Не могло даже въ наши проклятые дни, когда каждый изъ нихъ приносить новую какую-нибудь кровавую „сенсацію“.

Бывали случаи убійствъ духовныхъ особъ свѣтскими людьми. Даже въ храмѣ бывали. Нѣсколько вѣковъ назадъ епископъ краковскій Станиславъ во время богослуженія въ костелѣ изрубленъ былъ саблями королевскихъ придворныхъ.

Можно еще не мало указать примѣровъ, но зачѣмъ ходить за ними такъ далеко вглубь старой и новой исторіи, когда гибли и гибнуть отъ рукъ чекистовъ сотни и тысячи епископовъ, священниковъ, монаховъ. Но даже и тамъ, въ этой несчастной странѣ, покинутой Господомъ, даже и тамъ не было случая, чтобы какой-нибудь „живоцерковникъ“, продавшійся Сатанѣ, убилъ, физически убилъ какого-нибудь изъ вѣрныхъ Богу священнослужителей.

Не было случая.

Не поднималась рука.

А у Мардарія поднялась.

Вотъ почему это злодѣяніе произвело такое ошеломляющее впечатлѣніе, подхваченное прессою обоихъ полушарій.

Увы, не было дружныхъ одинаковыхъ голосовъ въ этой „подхваченности“. Мнѣнія рѣзко дѣлились на два лагеря, такихъ враждебныхъ другъ другу. Правая печать по до-

стоинству заклеила это кошмарное убійство. Лѣвая, полу-красная, социалистическая такъ отнеслась къ преступленію, какъ если-бы ничего особеннаго не случилось. Даже больше, многія газеты поспѣшили украсить голову Мардарія мученическимъ вѣнцомъ. Тѣ газеты, гдѣ писали бомбисты, не только бомбисты въ душѣ, по призванію, но и бомбисты, сами бросавшіе бомбы.

У этихъ господъ своя собственная логика, своя собственная этика. Если убійство совершено лѣвымъ и убитъ правый—это хорошо, это демократично, это образчикъ политической зрѣлости и сознательности, это надобно всячески поощрять.

Но если случилось наоборотъ, и жертвою палъ социалистъ, палъ отъ руки чело-вѣка правыхъ убѣжденій, — это омерзительно, ужасно, это звѣрская жестокость, одичалость вырождковъ гнилой и гнусной реакціи.

Такъ было и въ данномъ случаѣ.

На столбцахъ лѣвыхъ газетъ Мардарій выросъ въ героическую фигуру, въ мученика за идею. Сочувствіе было на его сторонѣ. Въ пользу его собирались пожертвованія. И параллельно съ этимъ митрополитъ Варнава, убитый двумя выстрѣлами въ сердце и въ шею, изображался какимъ-то мрачнымъ инквизиторомъ, гасителемъ свободы, какимъ-то средневѣковымъ изувѣромъ.

Здѣсь социалистами созданъ былъ единый фронтъ съ большевиками, въ глазахъ коихъ Мардарій тоже былъ свѣтлымъ героемъ, а Варнава—чудовищемъ реакціи, палачомъ свободы и „тираномъ демократическихъ массъ“.

Какъ это произошло?

Гораздо проще, нежели рисовали себѣ и самъ убійца и тѣ, кто подтолкнули его на это убійство.

Раннимъ солнечнымъ утромъ выслушалъ Варнава докладъ своего секретаря и, только что его отпустивъ, просматривалъ оставленные для подписи бумаги.

Въ это время Мардарій очутился уже въ приѣмной. Келейникъ заявилъ, что Владыка занятъ и, вообще, въ эти часы никогда нѣтъ приѣма.

— Много ты понимаешь! — возразилъ Мардарій. — У меня къ Владыкѣ дѣло чрезвычайной, безотлагательной важности... Если ты сію минуту не доложишь, тебѣ же самому попадетъ отъ Владыки! Ступай! Впрочемъ, нѣтъ, не надо... я самъ... — и, отстранивъ недоумѣвающаго келейника, Мардарій быстро распахнулъ дверь митрополичьяго кабинета и такъ же быстро вошелъ въ большую, напоенную солнцемъ комнату, гдѣ со стѣнъ глядѣли изъ широкихъ золоченныхъ рамъ портреты многихъ предшественниковъ Владыки.

Митрополитъ, сидѣвшій за столомъ, гнѣвно-изумленнымъ взглядомъ встрѣтилъ монаха, который, нагло ворвавшись въ кабинетъ, нарушилъ обычные часы работы главы церкви.

И черные, жгучіе глаза Варнавы встрѣтились съ безцвѣтными, косоватыми, азіатскаго разрѣза „глядѣлками“ Мардарія.

Мардарій, вопреки своему ожиданію, испытывалъ какое-то странное спокойствіе.

Онъ до того разсудочно былъ спокоенъ, что вспомнилъ наставленія учителя-матроса.

— Въ шею не совѣтую, чтобъ... Шея у него густой бородищею закрыта.

Но, вопреки совѣту, монахъ рѣшилъ первый выстрѣлъ сдѣлать именно въ шею. Черная борода дѣйствовала на него какъ-то неотразимо-притягивающе...

Вбѣжали секретарь и келейникъ... Комната начала наполняться людьми.

И самъ себѣ мысленно сказалъ:

— А вторую въ сердце!..

И при этомъ было опасеніе, какъ бы вторая пуля не попала въ крестъ, висѣвшій на груди Владыки, и не сплющилась бы.

Вотъ они уже близко. Ихъ разделяетъ столъ. Въ этотъ моментъ Варнава поднялся во весь свой внушительный ростъ и этилъ облегчилъ осуществленіе монахомъ злоуи-скаго умысла.

Выхвативъ свой браунингъ, Мардаріи выстрѣлилъ сначала въ шею, а потомъ въ грудь, цѣлясь правѣе и выше, — онъ помнилъ, что надо правѣе и выше, — отъ креста.

Кабинетъ, благоухавшій цвѣтами на подоконникѣ, наполнился тѣмъ приторно-кисловатымъ, кружащимъ голову запахомъ, который былъ уже такъ знакомъ Мардарію по комнатѣ, обитой войлокомъ, гдѣ онъ цѣлый мѣсяць упражнялся въ стрѣльбѣ подъ наблюденіемъ чекиста.

Варнава упалъ въ кресло, пораженный на смерть. Кровь обильно хлынула горломъ, заливая черную бороду...

Вбѣжали секретарь и келейникъ. За ними топотъ ногъ, вбѣжали еще люди и въ числѣ ихъ агенты тайной полиціи, дежурившіе у воротъ. Всѣ бросились къ Мардарію съ искаженными лицами.

Онъ положилъ свой браунингъ, какъ прессъ-папье, на грудь бумагъ, за минуту лежавшихъ передъ Варнавою, и блѣдный, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ сказалъ:

— Вяжите меня, арестуйте... Я убилъ, сознательно убилъ врага народа и церкви...

25. Что видѣлъ Бендерскій.

Бендерскій, пожалуй, гораздо больше нервничалъ и волновался, чѣмъ самъ убійца.

Бендерскій нетерпѣливо ждалъ, какъ и чѣмъ кончится задуманное имъ преступленіе. Онъ сидѣлъ въ кафе наискосокъ отъ митрополичьяго дворца, но ему не сидѣлось. Онъ потребовалъ стаканъ чаю, но не притронулся къ нему. Онъ вставалъ, подходилъ къ большому зеркальному окну, возвращался...

Изъ кафе видна была тяжелая, сводчатая арка митрополичьяго дома. Нѣсколько минутъ назадъ — Бендерскій уже былъ въ кафе — арка эта поглотила неуклюжую раздобрѣвшую фигуру монаха съ безкостымъ лицомъ.

Нѣсколько минутъ назадъ, а Бендерскому казалось, что уплывали одинъ за другимъ и такъ тянуще, медленно уплывали цѣлые часы. И еще казалось ему, что если онъ не будетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, время побѣжитъ гораздо быстрее.

Но, какъ ни подкарауливалъ онъ „это самое“, оно застало его врасплохъ.

Кто-то выбѣжалъ изъ воротъ съ крикомъ, кто-то вбѣжалъ, тоже крича. И хотя улица въ это раннее время была почти пустынная, мигомъ, неизвѣстно изъ кого и откуда, накопилась толпа, возбужденная, жестикулирующая, пылающая прорваться въ глубину воротъ...

Но, опять таки, неизвѣстно откуда, словно изъ подъ земли, выросло шесть,

семь полицейскихъ въ формѣ. Двое изъ нихъ бросилось подъ арку, а остальные, занявъ позицію, отгоняли отъ воротъ жадную до зрѣлищъ толпу.

А еще черезъ нѣсколько минутъ подѣхалъ автомобиль съ высшей судейской властью.

Стаканъ чаю остался не выпитымъ, но Бендерскій успѣлъ выкурить, вѣрнѣе сжечь пять папиросъ.

Въ кафе онъ остался одинъ-одинешенекъ. Всѣ посѣтители, забывъ расплатиться, уже были тамъ, увеличивая собою толпу. Туда же кинулись и всѣ слуги и только тучная хозяйка, словно монументъ, продолжала выситься за буфетомъ.

Тянуло, мучительно тянуло туда и Бендерскаго, но благоразуміе взяло верхъ и онъ остался, удовлетворяясь окномъ, откуда все было видно, какъ на ладони.

Видно было, какъ простоволосый безъ клобука, вышелъ Мардарій въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ. Его усадили въ машину и увезли. Тогда только рѣшился Бендерскій покинуть свое прикрытіе и смѣшаться съ толпою.

— Что случилось, господа? Что случилось?

Ему отвѣчали всѣ вмѣстѣ и отвѣчали разное. Одни искренно, горячо негодовали. Въ тонѣ другихъ слышалось едва ли не удовольствіе. И у этихъ другихъ были такія же тупыя каторжныя фізіономіи, какихъ Бендерскій видѣлъ тьму-тьмушую у себя въ Совдепіи.

Эти откровенно, видимо уже никого и ничего не боясь, заявляли:

— Да что-жь Мардарій. Онъ правильный человекъ... Онъ за народъ!

— Митрополита мы тоже знаемъ... Сладко пожилъ въ своихъ хоромахъ, пора и на покой...—и лица дышали злобой и ненавистью.

Этимъ другимъ возражали первые:

— А вы чего хотѣли? Чтобы митрополитъ въ курной хатѣ жилъ?

— А вы знаете, какъ Мардарій живетъ? Одинъ въ шести комнатахъ. На серебрянѣсть и пьетъ.

— Враки, товарищи! Для него народъ—прежде всего... И сближались вплотную однимъ и тѣмъ же искаженныя лица, сжимались кулаки, крѣпла брань и уже кое-гдѣ начались потасовки. Страсти искали выхода и находили его въ рукоприкладствѣ и зуботычинахъ.

Понюхавъ настроеніе, Бендерскій помчался къ себѣ и составилъ въ Москву шифрованную телеграмму.

Не ограничиваясь этимъ, онъ позвонилъ маленькому кругленькому адвокату, сдѣлавшему себѣ имя и капиталецъ защитою коммунистовъ.

Не прошло и четверти часа, Бендерскій уже сидѣлъ въ его богатомъ безвкусномъ кабинетѣ. Адвокатъ, играя массивной золотой цѣпочкою съ брилліантовой висюлькой въ видѣ „сердца“, внимательно слушалъ Бендерскаго.

— Вы понимаете, товарищъ... Во что

бы то ни стало необходимо спасти этого молодого человѣка...

— Гм... Этому молодому человѣку сорокъ лѣтъ уже...

— Развѣ? Но не все ли равно, товарищъ? Онъ молодъ душой, а душа его ищетъ новыхъ путей, новой правды. Я его знаю отлично, это идеалистъ чистѣйшей воды! Мечтатель! Да, онъ убилъ Варнаву, но изъ-за какихъ высокихъ побуждений? Столкнулись два міра, старый, отжившій и новый, только начинающій жить... Политическая молодость побѣдила политическую старость... этотъ выстрѣлъ...

Бендерскій у адвоката.

— Два выстрѣла—поправиль адвокатъ, любившій точность.

— Пусть, два. Все равно... Эти два выстрѣла—вспыхнувшая на горизонтѣ заря, переоцѣнка всѣхъ цѣнностей.. И, по моему, вашъ долгъ, морально-гражданскій долгъ, употребить всю силу, весь пламень вашего краснорѣчія, чтобы Мардарій съ гордо поднятой головою, оправданный, вышелъ изъ залы буржуазнаго суда.

Кругленькій адвокатъ бурaviaщимъ взглядомъ справиваль:

— Сколько?

Бендерскій поняль этотъ взглядъ.

— Конечно, жизнь трудна, дорогой товарищъ... Идеи — идеями, но ради прекрасныхъ глазъ ничто не дѣлается... Этотъ громкій процессъ отниметь у васъ много времени, много нервовъ и я предоставляю вамъ самому назначить гонораръ.

У адвоката былъ уже готовъ отвѣтъ и поэтому—ни промедленія, ни паузы.

— Тридцать тысячъ долларовъ въ случаѣ оправданія и двадцать, если мнѣ повезеть сохранить на его плечахъ голову и все ограничится тюремнымъ заключеніемъ. Десятитысячный авансъ сейчасъ-же.

— Я согласенъ... Вотъ вамъ чекъ...

26. Въ буржуазномъ застѣнкѣ.

Мардарія посадили въ тюрьму.

Соціалистическія и большевистскія газеты вопили на весь міръ, что „кровожадное реакціонное правительство“ держитъ несчастнаго монаха едва ли не въ какомъ то мрачномъ застѣнкѣ, гдѣ узнику холодно, сыро и гдѣ его впроголодь кормятъ такой дрянью, отъ которой отвернулся бы и дворовый бродячій песъ.

Такъ писалось изъ агитаціонныхъ соображеній, а на самомъ дѣлѣ все обстояло совсѣмъ иначе.

„Кровожадная“ реакціонная власть можетъ быть и была таковой когда-нибудь, можетъ быть, но теперь, теперь это была блѣдная тѣнь власти.

Вышіе сановники до того растерялись, до того напуганы были тревожной волною послѣднихъ событій, что готовы были смотрѣть сквозь пальцы на чудовищное злодѣяніе, совершенное Мардаріемъ.

Тюремныя, судебныя и административныя власти получали однѣ и тѣ же директивы:

— Никакихъ нажимовъ! О репрессіяхъ нечего и думать! Не такое время! Нельзя вооружать противъ себя демократію...

Режимъ по отношенію къ узнику долженъ быть гуманнѣй и мягкѣй.

И дѣйствительно, тюрьма оказалась для преступника лѣтнимъ курортомъ какимъ то, а не тюрьмою. Большая свѣтлая комната, не камера, а именно комната. Окно большое, настоящее окно не было забрано рѣшеткою.

Арестантъ цѣлый день, гуляя взадъ и впередъ, провѣтривалъ комнату, держа настежь окно и выглядывая внизъ на улицу съ третьяго этажа. Подъ окномъ собирались толпою мужчины и женщины, поклонники и поклонницы Мардарія. Полицейскіе не смѣли разгонять ихъ. Они устраивали шумныя оваціи своему кумиру. А онъ, этотъ убійца, еще не высохшей, окровавленной рукою благословлялъ ихъ...

Въ тюрьмѣ, гдѣ онъ хотя и пользовался немалой свободою, но былъ сравнительно мало въ движеніи, монахъ пополнѣлъ и еще больше округлились его фигура и лицо.

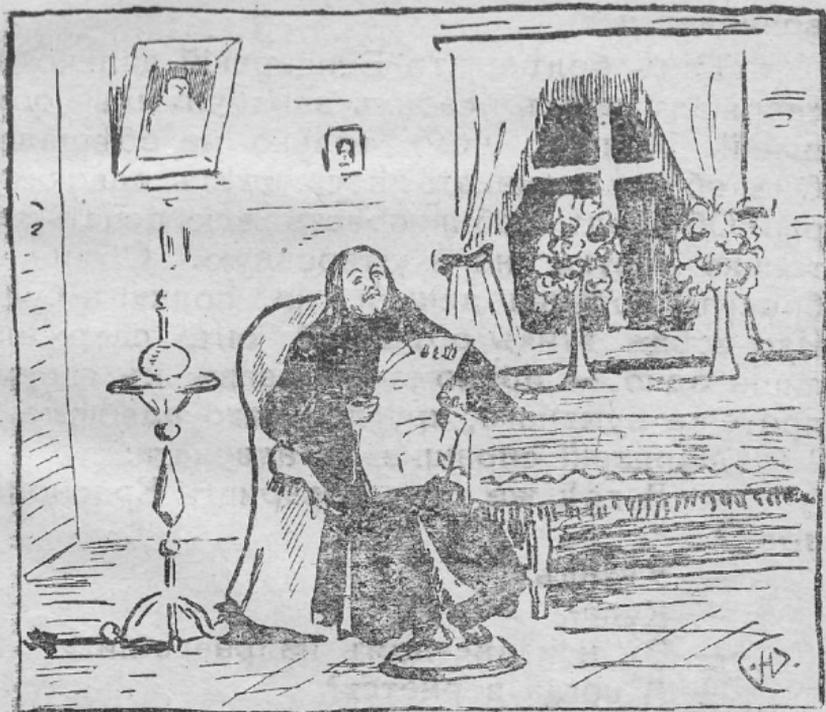
Начальникъ тюрьмы, предусмотрительно заглядывавшій впередъ, что съ нимъ будетъ, если власть возьмутъ лѣвые — уже обезпечивалъ себѣ выгодныя позиціи, „страховалъ“ себя и семью. Онъ отпускалъ Мардарію обѣды со своего собственнаго сытнаго и вкуснаго стола. Это былъ политическій жестъ, но это не было вызвано необходимостью.

Мардарія буквально забрасывали ежедневно со всей столицы корзиночками, пакетами, кульками съ холодной дичью, фруктами, виномъ, вареньемъ, сладкими пирогами,

конфетами. Въ щегольскихъ термосахъ доставляли ему горячее молоко, кофе, какао.

Прожорливый сластена, Мардарій не могъ съѣсть и выпить даже и десятой доли всѣхъ этихъ щедрыхъ приношеній и почти все раздавалъ сидѣвшимъ въ этой же самой тюрьмѣ коммунистамъ.

Заботы объ немъ не ограничивались съѣдобными и питьевыми благами. Въ нѣсколько дней комната его, казенная, скучная, превратилась въ будуаръ, вся украшенная занавѣсками, портьерами, подушечками, кружевными вышивками. Желѣзная узкая

Мардарій въ тюрьмѣ.

кровать замѣнена была широкимъ турецкимъ диваномъ.

Узникъ получалъ съ воли газеты, журналы, книги. Его корреспонденція почти не просматривалась.

Единственное, что ему было запрещено, да и то до поры до времени только развѣ — это принимать посѣтителей. Зато ежедневно съ глазу на глазъ нѣсколько часовъ проводилъ въ его обществѣ адвокатъ, сдѣлавшій карьеру и капиталъ на защитѣ коммунистовъ.

Какъ ни увѣренъ былъ въ своей неувязимости Мардарій, въ томъ, что отдѣляется въ концѣ концовъ пустяками, онъ все же волновался.

Тѣмъ болѣе, что Бендерскій далеко не сдержалъ всѣхъ своихъ заманчивыхъ обѣщаній. А чего, чего только не обѣщаль? Онъ обѣщаль нанять весь цвѣтъ адвокатуры. Обѣщаль мобилизовать всю печать, не только лѣвую, но и умѣренную. Обѣщаль бросить большія деньги на подкупъ суда. Изъ всѣхъ этихъ обѣщаній онъ сдержалъ лишь одно — прикомандировавъ къ своему протеже румянаго, кругленькаго адвоката.

Мардарій спрашивалъ адвоката:

— А гдѣ же самъ товарищъ Красноперовъ?

— Уѣхалъ...

— Куда?

— Въ неизвѣстномъ направленіи...

— А когда вернется?

— Это неизвѣстно.

На самомъ же дѣлѣ „направленіе“ Бендерскаго было извѣстно адвокату.

Не желая подвергать себя случайностямъ, Бендерскій уѣхалъ въ сосѣднюю страну и, поселившись на границѣ, выжидалъ событій. Если они развернутся въ желательномъ ему направленіи и вспыхнетъ революція, онъ уже черезъ нѣсколько часовъ будетъ въ столицѣ, чтобы однимъ росчеркомъ пера присоединить охваченное пожаромъ государство къ „союзу совѣтскихъ социалистическихъ республикъ“.

Самъ Мардарій какъ таковой уже больше не интересовалъ его. Это былъ для него отработанный паръ, выжатый лимонъ. Это былъ „мавръ, который сдѣлалъ свое дѣло и который можетъ уйти“...

Достигнуто самое главное. Убить митрополита опасный и сильный врагъ сов. власти. Въ народѣ пссѣяна смута. Чего же еще? Мардарій являлся не только не нужнымъ, а прямо таки лишнимъ даже. Если бъ на допросахъ взялись за него хорошенько, онъ, трусь, боящійся за свою шкуру, могъ бы выболтать многое во вредъ, какъ совѣтской власти, вообще, такъ и самому Красноперову, въ частности.

Бендерскому не разъ приходила мысль: хорошо бы ликвидировать Мардарія, чтобы заставить его умолкнуть на вѣки вѣчные. Не будь это очень сложнымъ предпріятіемъ, Бендерскій осуществилъ бы его...

27. Передъ судомъ.

Процессъ обѣщаль быть изъ ряду вонъ выдающійся. Такимъ, какого не запомнятъ и старожилы, только для того и существующіе, впрочемъ, чтобы никогда ничего не запомнить.

Жаждавшихъ попасть въ маленькій, низкій и подслѣповатый залъ окружного суда было такое множество, такое, что не только этотъ залъ, а и самый большой манежъ въ столицѣ не вмѣстилъ бы всѣхъ.

Входные билеты раздавались съ исключительнымъ разборомъ. Пришлось отказать даже многимъ заграничнымъ корреспондентамъ, которыхъ понаѣхала тьма-тьмущая. Лишь представители самыхъ вліятельныхъ французскихъ, англійскихъ и американскихъ газетъ получили мѣста.

Площадь передъ зданіемъ суда усѣяна тысячной толпою. Наряды пѣшей и конной полиціи не могутъ справиться съ этой буйной человѣческой гущей и она шумитъ и волнуется, какъ море.

А отовсюду изъ болѣе глухихъ кварталовъ, съ отдаленныхъ окраинъ и даже изъ сосѣднихъ деревень напираютъ все новыя и новыя группы людей.

Площадь передъ зданіемъ суда устьяна тысячной толпою.

Нужно ли говорить, что большевики и вѣрные во всемъ ихъ друзья социалисты не могли упустить такого удобнаго случая.

Они сѣяли панику, разжигали классовую ненависть, забрасывали грязью убитаго Варнаву, превозносили убійцу.

Зычныя наемныя глотки повсюду дѣлали свое дѣло. И при этомъ — звѣрскія, изступленные лица, митинговые выкрики, митинговая жестикуляція.

— Товарищи, неужели мы допустимъ, чтобы свершился этотъ судъ буржуазныхъ палачей надъ идейнымъ демократомъ-монахомъ, представителемъ новой церкви, чело-

вѣкомъ, который нашъ, нашъ и по духу и по плоти-крови!..

Это подхватывалось, какъ брошенный мячъ.

— Правильно, товарищъ, правильно! Мардарій нашъ, нашъ! Это первая ласточка, первая кровавая заря пролетарскаго разсвѣта. Онъ за трудящихся, онъ за рабоче-крестьянскую власть!..

И все дальше и дальше подхватывался подброшенный мячъ.

— Этотъ первый освободительный выстрѣлъ да не будетъ послѣднимъ!.. Пусть онъ будетъ сигналомъ, пусть онъ будетъ нашимъ боевымъ кличемъ!.. Этотъ кличъ — жестокая, карающая рука народа, рвущаго на себѣ свои капиталистическія, генеральскія и помѣщичьи цѣпи! Смерть банкирамъ! Смерть попамъ! Смерть генераламъ!

Чей то новый голосъ рѣжуще, хрипло, брызгая ядовитой слюною, выкрикивалъ:

— Не дадимъ въ обиду нашего Мардарія! Освободимъ его, а подлыхъ палачей перебьемъ, какъ бѣшенныхъ псовъ.

Конечно, всѣмъ этимъ купленнымъ канальямъ было въ высокой степени наплевать на Мардарія. Для нихъ онъ былъ только поводъ, предлогъ взвинтить чернь, разбудить въ ней дремлющаго кровожаднаго звѣря.

Но было много въ этой громадной толдѣ, много и совсѣмъ, совсѣмъ другихъ людей. Немудренныя, темныя души ихъ, легко поддающіяся обману, искренно вѣрили въ „святость“ Мардарія. Святость, не взирая даже на руки, обогрѣнныя кровью. Это были главнымъ образомъ пришельцы изъ дере-

вень, въ подавляющемъ количествѣ женщины.

Монахъ-лицемѣръ, монахъ шарлатанъ, съ успѣхомъ игравшій въ трескучую, дешевую популярность и такую же дешевую благотворительность, загипнотизировалъ эту бѣдную, дѣтски наивную деревенщину. И такъ же наивно, съ упрямствомъ дикарей не сомнѣвалась она, деревенщина, въ его непогрѣшимости. Разъ касалось Мардарія, эти бабы и старухи не вдавались въ критику, что хорошо и что плохо. Все отъ Мардарія исходящее—хорошо и справедливо. Все, что не онъ — плохо и несправедливо. И если Мардарій, этотъ „аскетъ“, жизнь котораго была у всѣхъ на виду, убилъ митрополита, значитъ такъ и надо было, значитъ митрополитъ былъ не только недостойнымъ чело-вѣкомъ, но и дурнымъ, вреднымъ для вѣрующихъ пастыремъ церкви.

Получалось уже нѣчто близкое къ слѣ-пому, средневѣковому фанатизму.

Правда, эти люди не выкрикивали за-жигательныхъ лозунговъ, которые были чужды имъ, не требовали въ яростномъ из-ступленіи генеральскихъ, судейскихъ и бан-кирскихъ „череповъ“. Но во имя спасенія Мардарія они были готовы, не колеблясь, принести самихъ себя въ жертву. Если на-до, они, подставляя себя подъ выстрѣлы жандармовъ и конвоя, массою своихъ тѣлъ сметутъ и конвой и жандармовъ и, разло-мавъ въ щепы карету, освободятъ своего божка.

Напряженіе достигало крайнихъ предѣ-ловъ. Уже слышались истерическіе вопли и

крики. Уже нѣсколько женщинъ билось на землѣ, какъ въ падучей.

Дрожа за свою собственную жизнь, боясь быть узванными, пробирались судьи туда, гдѣ они должны засѣдать черезъ какихънибудь полъ-часа.

Но вотъ отъ примыкающихъ къ площади улицъ донесся сначала глухой, подобно прибою волны, тягучій, длительный гулъ.

Онъ растетъ, ширится, охватываетъ всю площадь отъ края до края...

И такимъ же гуломъ проносится угрожающее, тысячеголосое:

— Везуть!.. Везуть!..

Да, это везуть изъ тюрьмы убійцу. Везуть судить. Везуть въ черной, какъ продолговатый ящикъ, съ рѣшетчатыми окнами каретѣ. Она въ тѣсномъ кольцѣ всадниковъ съ обнаженными саблями.

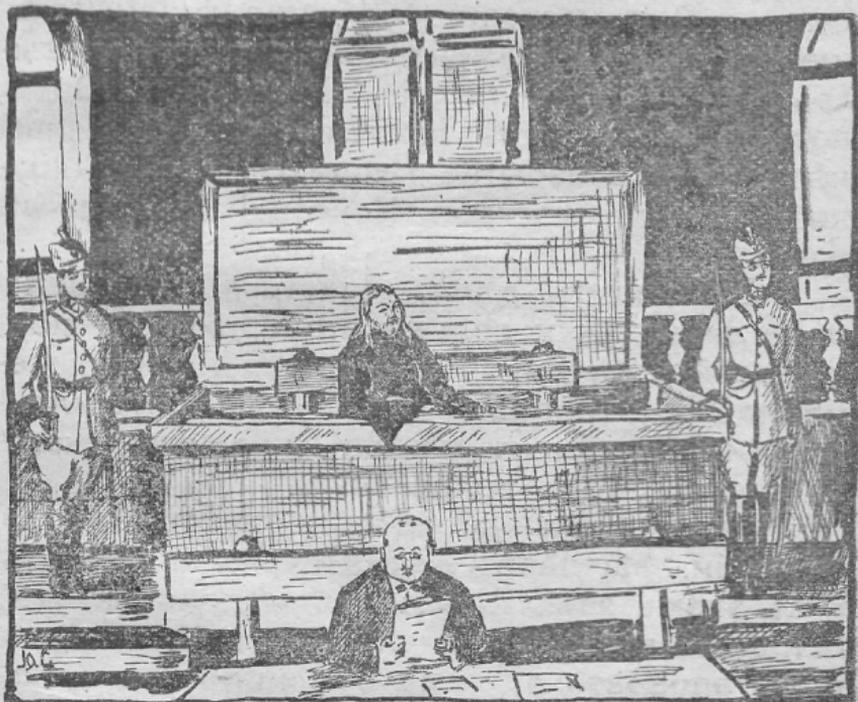
Этотъ кортежъ подвигается съ трудомъ, прокладывая себѣ путь въ густомъ, какъ сдобное тѣсто, человѣческомъ мѣсивѣ.

Это мѣсиво зловѣщее, грозное, нехотя разступается уже передъ самыми лошадиными мордами. Лица всадниковъ блѣдны, испуганы. Ихъ горсточка, а кругомъ цѣлое море головъ. И съ мужествомъ отчаянія кавалеристы, махая саблями, что то кричатъ... Видно, какъ раскрываются рты, но не слышно звуковъ... Они безсильно тонуть средь гула и рева...

Только привычка неорганизованнаго человѣческаго стада повиноваться вооруженному дисциплинированному кулаку, хотя бы этотъ кулакъ былъ и маленькій, — спасаетъ положеніе и каретка достигаетъ подъѣзда...

28. Первый день.

На скамьѣ подсудимыхъ Мардарій обращалъ на себя вниманіе своею елейностью. Да, онъ былъ необыкновенно елеень. Во всемъ: и въ улыбочкѣ, во взглядѣ, во всѣхъ своихъ неторопливыхъ движеніяхъ.

Мардарій на скамьѣ подсудимыхъ.

Онъ какъ бы заявлялъ собою, всѣмъ своимъ видомъ заявлялъ;

— Убилъ,—убилъ, не отрицаю, но, люди добрые, смотрите на меня, какой я кроткій, незлостливый... А добросердечность моя такая — даже букашку, жалкую Божью тварь—и ту пальцемъ не трону...

Враги и друзья неодинаково относились къ этой, Мардаріемъ источаемой елейности.

Друзья говорили:

— Вотъ видите, какъ онъ чистъ душой! Развѣ проступникъ могъ бы такъ ясно, такъ всепрощающе глядѣть на свѣтъ Божій? Не могъ бы!..

Враги, тѣ спѣшили подчеркнуть:

— Вотъ чудовищное лицемѣріе! Дальше некуда! Сентиментальный убійца, разыгрывающій чуть ли не пастораль... Вотъ, вотъ прослезится! Но не отъ раскаянья, нѣтъ, а отъ избытка таящихся въ его груди нѣжныхъ чувствъ... Кокетка! Кокетка въ рясѣ!..

Въ самомъ дѣлѣ, чувствуя себя центромъ вниманія и еще какого вниманія!—подсудимый кокетничаль, прихорашиваясь, жеманно вертя головой и расчесывая металлическимъ гребнемъ мягкіе, жиденькіе, какіе то грязно-сѣрые волосы.

Фотографы—корреспонденты были въ отчаяніи. На дворѣ—ясный ликующій день, а въ этомъ залѣ полумракъ и „защелкнуть“ Мардарія въ моментальномъ снимкѣ небольшого аппарата, — съ большими не пускаютъ сюда,—нечего и думать.

Гораздо въ болѣе выгодныхъ условіяхъ очутились корреспонденты—художники. Они зарисовываютъ Мардарія въ свой аль-

бомъ. И онъ позируетъ имъ, такъ позируетъ, какъ если бы это была студія живописи, а не мѣсто, гдѣ его будутъ судить за совершенное преступленіе.

Худой, какъ жердь, унылаго вида съ цѣпью на шеѣ приставъ, объявляетъ:

— Судъ идетъ!..

Весь залъ поднимается. И безъ того вытянутые конвойные вытягиваются еще больше и замираютъ съ саблями на-голо. Изъ внутреннихъ дверей гуськомъ входятъ одинъ за другимъ судьи и занимаютъ рядъ кресель съ высокими спинками.

Спереди подсудимаго расположился со своимъ туго набитымъ портфелемъ адвокатъ. Иногда онъ оборачивается къ своему кліенту, иногда кліентъ, наклоняясь къ его уху, что-то шепчетъ съ неизмѣнной елейной улыбкою.

Сѣдобородый господинъ, въ наглухо застегнутомъ черномъ сюртукѣ и съ желтымъ болѣзненнымъ лицомъ читаетъ обвинительный актъ. Читаетъ монотонной, невнятной скороговоркой, только бы кое-какъ наспѣхъ сбить съ рукъ то, что никому не интересно, не нужно, что всѣ давно знаютъ и что необходимо лишь, какъ мертвая буква закона.

У всѣхъ скучающія лица, никто не слушаетъ. Никто, за исключеніемъ подсудимаго. Онъ не только внимаетъ всему отъ слова до слова, но еще, если можно такъ выразиться, всей своей персоною „иллюстрируетъ“ обвинительный актъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одобрительно киваетъ головой, въ нѣкоторыхъ же отри-

цательно. Кое-гдѣ иронически вслушиваясь, иронически щурить свои глазки.

Мѣстами горько улыбається, мѣстами насмѣшливо. Иногда его мягкіе кулаки почти гнѣвно сжимаются, иногда въ тактъ чтенія сѣдобородаго господина, онъ машеть указательнымъ пальцемъ, словно дирижируя невидимымъ хоромъ.

Обвинительный актъ конченъ и всѣ вздыхаютъ съ облегченіемъ. За судейскимъ столомъ переходятъ изъ рукъ въ руки вещественныя доказательства. Ихъ очень мало. Едва ли не единственное—восьмизарядный пистолетъ системы Браунинга, съ шестью оставшимися въ „магазинѣ“ патронами.

Это обыкновенное оружіе сейчасъ въ рукахъ судей пріобрѣтаютъ какой-то особенный, жуткій, значительный смыслъ. Революверъ, изъ котораго совершенно убійство, всегда кажется какимъ то необыкновеннымъ, не похожимъ на всѣ остальные революверы.

Чернобородый священникъ, напоминающій и своей смуглостью и осанкой и ростомъ покойнаго Варнаву, готовится приводить свидѣтелей къ присягѣ. Надѣваетъ эпитрахиль, поправляетъ лежащіе на аналоѣ Крестъ и Евангеліе.

Свидѣтели накапливаются въ большую группу. Здѣсь и секретарь митрополита, и келейникъ, и священники, монахи и агенты политической полиціи и тѣ дамы высшаго общества, которыя хорошо знали подсудимаго на протяженіи многихъ лѣтъ и могли дать подробную его характеристику.

И всѣ эти лица, поднявъ правую руку, разными голосами, то не поспѣвая за священникомъ, то обгоняя его, повторяли:

— Обѣщаю и клянусь Всемогущимъ Богомъ...

29. Допросъ Мардарія на судѣ.

У одѣтыхъ въ красивые, золотомъ расшитые мундиры судей было двойное отношеніе къ подсудимому. Первое—вполнѣ искреннее, отъ всей души. Второе же диктовалось многими соображеніями, до политики дня включительно и поэтому не было искреннее, а было, такъ сказать, „шкурное“.

Первое,—съ большимъ трудомъ затушеванное отвращеніе, которое имъ внушалъ Мардарій, и ужасъ передъ вопіющимъ преступленіемъ, небывалымъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ государство, съ тѣхъ поръ, какъ оно сдѣлалось христіанскимъ.

Второе же, второе—нельзя ни на одинъ мигъ забывать, что Мардарій не заурядный монахъ, безъ популярности и безъ связей. Наоборотъ, онъ имѣетъ въ такомъ изобиліи и то и другое—дѣвать некуда!.. А затѣмъ, предварительное слѣдствіе, хотя и не дало никакихъ осязательныхъ уликъ, но никто изъ судей не сомнѣвался: хотя Мардарій не имѣлъ сообщниковъ, хотя это убійство, какъ разъ въ духъ этого непомѣрно честолюбиваго, жестокаго, эгоистическаго и холоднаго человѣка, но все же угадывалась направляющая рука таинственной какой то организациі.

Таинственной и сильной. А таинственныхъ и сильныхъ организацій надо бояться и вступать въ открытую борьбу съ ними не рекомендуется тѣмъ, кто цѣпляется не только за свой домашній покой и уютъ, но и за свою голову на плечахъ.

Вотъ отчего судьи, конкурируя другъ съ другомъ въ мягкости, переходившей порою въ недопустимую елейность, взяли Мардарія, хотя и въ перекрестный огонь своихъ вопросовъ, но въ огонь чрезвычайно милостивый.

Это было послѣ того, какъ Мардарій, не спѣша и ничуть не волнуясь, съ большимъ апломбомъ описалъ происшедшее яснымъ солнечнымъ утромъ въ кабинетѣ покойнаго митрополита Варнавы.

Одинъ изъ судей спросилъ:

— Такъ что это убійство совершено было вами, подсудимый, не въ состояніи запальчивости и раздраженія?

— Нѣтъ, — улыбнулся Мардарій одной половиною своего лица, — будь это минутное раздраженіе, мгновенная вспышка, чего бы я стоилъ? Этимъ я уподобился бы какому нибудь молодому офицеру. Нѣтъ, въ глубинѣ моего сознанія назрѣло давно рѣшеніе, что Варнава, какъ недостойный князь церкви, вносящій смуту въ души вѣрующихъ, не смѣетъ, не долженъ жить!

— Что ваше личное мнѣніе?

— Что именно? — прищурился Мардарій.

— Что покойный митрополитъ Варнава вносилъ смуту въ души вѣрующихъ? Или у васъ имѣются единомышленники? Если вы

ихъ укажете и если ихъ будетъ много, вы понимаете, подсудимый, это можетъ явиться однимъ изъ смягчающихъ обстоятельствъ.

Мардарій покачалъ головой все съ той же половинчатой улыбкой, только ставшей болѣе высокомерной.

— Какое мнѣ дѣло до моихъ единомышленниковъ? Какое? Будутъ ли ихъ тысячи, не будетъ ли ихъ вовсе?! Я дѣйствовалъ по своему усмотрѣнiю, по своей совѣсти... И, какъ всегда и во всемъ—одинъ, не справляясь съ тѣмъ, идетъ ли кто нибудь за мною, или не идетъ...

Эта гордыня, это отсутствiе иноческаго смиренiя, эта попытка едва ли не какого то самообожествленiя, все это, какъ вѣтромъ пронеслось и всколыхнуло весь залъ.

Поклонники и поклонницы Мардарiя были счастливы отвѣтомъ своего кумира, такъ счастливы, какъ если бы вмѣстѣ съ нимъ выросли до какихъ то заоблачныхъ высей: „Вотъ онъ какой у насъ орелъ!“

Противниковъ же весьма покорило это безгранично влюбленное въ себя высокомерiе.

Когда съ одной стороны шопоть восхищенiя, а съ другой негодующiй ропоть стихли, новый судья задалъ новый вопросъ:

— Вотъ вы сказали: „ваша совѣсть“. Но развѣ это великое слово вяжется съ убiйствомъ, да еще отъ руки духовной особы, каковою являетесь вы? Какъ отнесется къ вашему преступленiю земной человѣческiй судъ, вѣрнѣе, какъ бы онъ ни отнесся, но вѣдь Господь Богъ никогда не проститъ васъ!.. Никогда!

— Простить! — увѣренно сказала Мардарій. — А если бы и не простилъ, то мнѣ такого Бога не надо!

За минуту былъ „легкій вѣтерокъ“, теперь это уже была цѣлая буря, сплошная буря негодованія. Даже тѣ, для кого Мардарій былъ неоспоримымъ оракуломъ, даже тѣ притихли, затаивъ дыханіе, такой отвратительно кощунственный былъ отвѣтъ монаха-убійцы.

Судья обратился къ публикѣ:

— Судъ не театръ и считаетъ недопустимымъ подобныя проявленія одобреній и неодобреній. Въ слѣдующій разъ будетъ приказано очистить заль...

Мардарій сидѣлъ, въ антрактахъ между вопросами онъ садился съ презрительной усмѣшкой: „Негодуйте, моль, негодуйте, сколько вашей душенькѣ угодно! Мнѣ наплевать, потому что всѣ вы — черви ползучіе“...

Самый молодой и самый горячій изъ судей, а слѣдовательно самый смѣлый, рѣшилъ поубавить спѣси у этого монаха съ головою языческаго божка.

— Подсудимый! — какъ то вызывающе выкрикнулъ онъ.

Мардарій нехотя и далеко не торопясь началъ отдѣлять отъ скамейки свое пухлое, казавшееся безкостымъ тѣло.

— Ну! Ну! Вставайте! Вставайте! — покрикивалъ молодой судья. — Чутьчку побольше вниманія и уваженія къ высокому мѣсту, въ которомъ находитесь!.. Подсудимый, скажите, какъ и гдѣ вы, духовное лицо, обжа-

велись оружіемъ? Вотъ этимъ самымъ пистолетомъ, изъ котораго совершенно было убійство?

— Онъ оставался у меня еще отъ войны.

— Онъ оставался у васъ еще отъ войны? Развѣ вы принимали участіе на войнѣ въ качествѣ рядового бойца?

— Нѣтъ, я не былъ рядовымъ бойцомъ, но я возилъ въ окопы денежные и всякіе иные подарки, а въ прифронтной полосѣ случались нападенія...

— Вы говорите, случались?.. Я самъ три года провель на позиціяхъ, но что то не слышалъ о нападеніяхъ. Но пусть будетъ такъ. Это не важно. Гораздо важнѣе слѣдующее: когда кончилась война, попробуйте вспомнить?..

— И пробовать нечего!— обидѣлся Мардарій.— Пять лѣтъ назадъ кончилась.

— Пять лѣтъ назадъ? Великолѣпно! Господинъ экспертъ, оружейный мастеръ, ознакомившись съ пистолетомъ, изъ котораго вы совершили два выстрѣла, заявилъ и устно и письменно, что этотъ „браунингъ“ всего около двухъ лѣтъ назадъ реконструированъ, а слѣдовательно, разбиваетъ ваше утвержденіе, что данное оружіе было приобрѣтено вами на войнѣ для самообороны... Можетъ быть, вы теперь скажете правду? Можетъ быть, васъ снабдила этимъ пистолетомъ какая нибудь политическая организація?..

Взоры и судей и публики, друзей и недруговъ жадно впились въ Мардарія. Одни

съ злорадствомъ, — а ну ка вывернисы! — другіе въ упованіи едва ли не чуда...

Но Мардарій и не вздумалъ выворачиваться, считая это ниже себя, хотя и чуда не совершилъ. Онъ дерзко отвѣтилъ:

— Разъ я сказалъ такъ, значить такъ! Мнѣніе оружейнаго мастера для себя не считаю нисколько авторитетнымъ и обязательнымъ...

Оружейный мастеръ, сѣденькій старичекъ, съ голымъ, какъ колѣно черепомъ, недовольно засопѣлъ въ густые, какъ у моржа, усы.

Румяный адвокатъ, защитникъ Мардарія вначалѣ такой же спокойно самоувѣренный, какъ и его кліентъ, заволновался, увидѣвъ, что молодой судья проявляетъ излишнія рѣзвость и любознательность.

А молодой судья не унимался:

— Вотъ что, подсудимый!.. Да стойте прямѣй, не облакачивайтесь!.. Вотъ что... можетъ быть ваши слова, что преступленіе задумано и совершено вами и только вами, можетъ быть съ вашей точки зрѣнія это красивая поза не болѣе? Можетъ быть на самомъ дѣлѣ вы являетесь слѣпымъ орудіемъ какого нибудь... какой нибудь антигосударственной партіи? Сознайтесь! Это въ вашихъ же интересахъ... Судъ не оставитъ безъ вниманія всего, что покажетъ въ вашу пользу. Онъ — же, судъ, найдетъ полноту власти оградить вашу неприкосновенность, если бы эта партія, или организація вздумала вамъ отомстить... Итакъ?

Мардарій молчалъ, упорно молчалъ, глядя куда то мимо молодого судьи, уже на-

чинавшего овладѣвать симпатіями тѣхъ, кто не симпатизироваль, или даже только полусимпатизироваль Мардарію.

Румяный кругленькій адвокатъ вско-
чилъ:

— Подсудимый имѣеть право не отвѣ-
чать на нѣкоторые вопросы.

— Никто его этого права и не лиша-
етъ,—пожалъ плечами судья. — Господинъ
защитникъ, горячась, стучится въ открытую
дверь... хотя, хотя не могу не замѣтить, что
если подсудимый осмѣлился бы такъ дер-
жать себя передъ судьями въ совѣтской
Россіи, тамъ бы это кончилось для него
весьма плачевно... И вы, господинъ адво-
катъ, защищающій коммунистовъ, знаете
это очень хорошо...

30. Что говорили свидѣтели.

Пестрой вереницей проходили свидѣтели одинъ за другимъ и такъ же пестры были ихъ показанія. И всѣ они—и свидѣтели и показанія рѣзко, опредѣленно, безо всякихъ переходныхъ полутоновъ распадались на два лагеря.

Оба эти лагеря не жалѣли красокъ для характеристики Мардарія. Бѣлыхъ и черныхъ красокъ. И насколько одинъ лагерь старался облить монаха, облечь его въ свѣтло сіяющія ризы, настолько другой съ неменьшимъ усердіемъ размалевывалъ чернѣе чернаго...

Женщины — тѣ всѣ сплошь принадлежали къ лагерю „сіяющихъ, какъ горный снѣгъ, лучезарныхъ одеждъ“.

Любопытно, что здѣсь сходились въ одинаковыхъ поназаніяхъ, хотя и не въ одинаковыхъ выраженіяхъ и словахъ, какъ великосвѣтскія дамы, такъ и женщины простого званія. И тѣ и другія оспаривали права на монаха,

Дамы говорили:

— Нашъ онъ отецъ Мардарій, нашъ... Святой... святой... — и это съ закатываніемъ глазъ и весьма патетически.

Крестьянки же упрямо твердили:

— Убилъ? Такъ что же, если убилъ... Онъ святой... Онъ знаетъ, кого можно, кого нельзя убивать...

Напрасно судьи пытались вразумить бѣдныхъ темныхъ одурманенныхъ женщинъ.

— Никому не дано права убить человека. Ни святымъ, ни грѣшнымъ. Да и праведникъ, совершивъ убійство, уже не праведникъ, и съ него больше взыскивается...

Это было гласомъ вопіющаго въ пустынь, или, выражаясь менѣе высокимъ стилемъ, горохомъ объ стѣну.

Женщины въ платкахъ румяныя, молодая и старая, покрытая сѣтью морщинъ, не вѣрили, не хотѣли вѣрить. Всѣ судейскія ухищренія разбивались объ наивную первобытную вѣру этихъ женщинъ.

Одна изъ нихъ сказала съ убѣжденіемъ:

— Вы, конечно, люди ученые и вотъ на васъ сколько нашито всякаго золота... Вы все можете. И засудить невиннаго можете. А только, если надо отсидѣть за него, мы всѣ пойдемъ на каторгу, такъ и знайте: всѣ пойдемъ, сколько насъ есть. И мужей и дѣтей оставимъ"...

Здѣсь уже эти деревенскія старухи и молодицы взяли верхъ надъ „бѣлой костью“. Дамы общества, хотя и распинались за монаха, но отсиживать за него наказаніе все не собирались. Дальше театральныхъ фразъ и восклицаній дѣло не шло...

Но тѣ и другія выявляли фанатическую нетерпимость при показаніяхъ не въ пользу и не во славу Мардарія.

Аристократки, забываясь, вопили истерически:

— Долой! Вонъ! Гнусности! Клевета!..
Понадобилась нѣсколько разъ повторенная угроза очистить отъ публики залъ, чтобъ всѣ эти протесты смолкли.

... Бородатый, съ пучками бровей, съ суровымъ
иконописнымъ лицомъ монахъ...

А Мардарій, блаженно улыбаясь, когда ему пѣли хвалу, мѣнялъ улыбку на презрительное снисхожденіе, выслушивая по своему адресу отзывы далеко не лестные.

Монахи провинціального монастыря, гдѣ числился Мардарій, именно числился и куда наѣзжалъ сравнительно рѣдко, не щадили его.

Доставалось ему и за лицемѣріе, за карьеризмъ и суету суетъ, за обжорство втихомолку, за тайную слабость къ женскому полу и за многое другое.

Бородатый, съ пучками бровей и суровымъ иконописнымъ лицомъ монахъ сказалъ:
— Онъ такое дѣлалъ, что даже вспоминать противно...

— Что же онъ дѣлалъ? — жадно подхватили судьи.

— А вотъ, на примѣръ... Медомъ его не корми, а чтобъ только женщины цѣловали ему руки и вотъ онъ все выдумывалъ, какъ бы придать побольше нѣжности своимъ рукамъ... Особенно правой. И выдумалъ... На ночь, передъ утренней службою доставалъ нѣсколько фунтовъ сырой телятины, обкладывалъ ею руку и, забинтовавши, ложился спать...

— Вы это сами видѣли?

— Видѣлъ. На святой иконѣ могу поклясться!

— Подсудимый, вы не будете отрицать этого? — обратился молодой судья, еле скрывая лукавую усмѣшку.

Мардарій, полуприподнявшись, бросилъ въ отвѣтъ и никогда еще его лицо не было такимъ злымъ:

— Это къ дѣлу не относится и на такой вопросъ я не желаю отвѣчать...

Свидѣтелямъ, говорившимъ противъ Мардарія, судьи ставили вопросъ:

— Скажите, пожалуйста, не замѣчали ли вы подсудимаго въ обществѣ лицъ, съ ясно выраженной, антигосударственной политической окраскою?

Кое-кто отговаривался незнаніемъ, а кое-кто вспоминалъ:

— Видѣлъ я его раза два въ автомобилѣ съ какимъ то чужеземцемъ. Про этого чужеземца говорили худое... Что присланъ онъ къ намъ изъ совѣтской Россіи для дѣланія революціи.

— Вы можете назвать фамилію, или партійную кличку этого чужеземца?..

— Нѣтъ, не могу. Не знаю.

— Быть можетъ, самъ подсудимый пойдетъ намъ навстрѣчу? Подсудимый, не назовете ли вы намъ то лицо, съ которымъ васъ видѣли разъѣзжающимъ въ автомобилѣ?

— Откуда же я могу помнить? Мало ли съ кѣмъ мнѣ приходилось разъѣзжать?

— Вы можете не помнить всѣхъ, но вы не можете не помнить лицо, о которомъ идетъ рѣчь. Во-первыхъ, это чужеземецъ, а, во-вторыхъ... Но, если вамъ память измѣняется, я охотно помогу вамъ. Не знаете ли вы нѣкоего Бендерскаго?

— Не знаю... Понятія не имѣю...

— Лично не знаете, но можетъ быть слышали о немъ? Эта фамилія не чужда вамъ.

— Ничего не слышалъ... Не знаю никакого Бендерскаго!

— И не знаете, отчего онъ такъ внезапно покинулъ нашу столицу? — попробовалъ судья поймать запирающагося во всемъ монаха.

— Сказалъ же вамъ, никакого Бендерскаго не знаю! Откуда же я могу знать, уѣхалъ онъ, или нѣтъ?

— Такъ... Ну, а скажите, этого человека вы никогда не встрѣчали? Приставъ, передайте подсудимому фотографію.

Мардарій повертѣлъ въ пухлыхъ бѣлыхъ пальцахъ своихъ снимокъ съ профилемъ ястребинаго лица, поглядѣлъ и вернулъ приставу.

— Въ первый разъ вижу..

Румяный адвокатъ, одобрительно кивнувъ головой, подумалъ:

— Ну и каналья же! До чего же это восхитительная каналья!..

31. Прокуроръ—адвокатъ.

Прокуроръ, пожилой человекъ, съ бритой головой и густыми пышными баками, — волновался. И тѣмъ больше волновался, чѣмъ ближе подходило время, когда онъ встанетъ и скажетъ свою обвинительную рѣчь.

Въ немъ боролись два чувства. Боролись между собой суровый представитель закона и человекъ, которому ничто житей-

Румяный адвокатъ съ тревогою слѣдилъ за пышными прокурорскими баками...

ское не чуждо. Прокуроръ настоятельно требоваль самыхъ неумолимыхъ обвиненій, именно такихъ, какими прославился этотъ видный чиновникъ за десятки лѣтъ служебной карьеры своей. А человекъ, человекъ нащептываль нѣчто новое:

— Да полно, кого ты убѣдишь своимъ Донъ-Кихотскимъ выступленіемъ? Кого? Развѣ ты не видишь, какъ нафанатизирована толпа и какими островками тонуть въ этомъ грозномъ бушующемъ морѣ честные, справедливые, стойкіе?.. Но самое важное, что настроеніе зала являетъ собой въ миниатюрѣ настроеніе всей многомилліонной страны... Опасно, очень опасно и рискованно плыть противъ теченія...

Румяный адвокатъ съ тревогою слѣдилъ за пышными прокурорскими баками, съ тревогою ждалъ момента, когда онѣ зашевелиятся, придуть въ движеніе. Онъ зналъ, что отъ обладателя ихъ чего, чего, а пощады навѣрное не дождешься.

Казалось, прокуроръ побѣдилъ во внутренней борьбѣ, побѣдилъ человекъ, которому ничто житейское не чуждо. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаль самъ прокуроръ.

— Прочь колебанія, прочь сомнѣнія! Никто не посмѣетъ сказать, что я, малодушія ради, запятналъ свою репутацію, измѣнилъ присягѣ и долгу...

И рѣшительно поднявшись и еще болѣе рѣшительно захмурившись, какъ передъ тѣмъ, когда бросаются въ бездну, или въ омутъ, онъ заговорилъ... Заговорилъ, подный самыхъ твердыхъ, самыхъ благихъ намѣреній. Да, онъ будетъ твердъ до конца и

съ чистой совѣстью потребуеть для подсудимаго смертной казни. Но и рѣшимости и твердости и всѣхъ благихъ намѣреній хватило лишь на первыя вступительныя два слова:

— Господа судьи!..

А дальше, дальше онъ самъ себя не узналъ. Куда дѣвалась гладкая монументальная, тщательно продуманная рѣчь, каждое слово которой — гнѣвный сокрушительный ударъ молота. И если бы не почетное мѣсто за судейскимъ столомъ на возвышеніи, если бы не красивый мундиръ съ густой позолотою, можно было бы подумать, что это говоритъ адвокатъ подсудимаго, а не прокуроръ-обвинитель.

И чѣмъ дальше, тѣмъ безмятежнѣе прояснялась и разглаживалась краснощекая физиономія адвоката. Онъ переводилъ изумленно радостный взгядъ свой съ красивыхъ „бюрократическихъ“ чертъ прокурора на безкостное сѣроземлистое лицо Мардарія.

Прокуроръ, вскользь, мимоходомъ оговорившись, что, конечно, подсудимый совершилъ тяжкое преступленіе, убивъ перваго князя церкви, тотчасъ же сталъ нанизывать все могущее, если и не оправдать, то, во всякомъ случаѣ, смягчить совершенное злодѣяніе.

— Возьмемъ войну — убѣждалъ онъ — развѣ это не обычное, увы, такое печальное явленіе? Война съ ея потоками крови способствуетъ, если можно такъ выразиться, удешевленію человѣческой жизни. Послѣ войны преступность съ какой то стихійной быстротою чудовищно растеть, растеть по-

всемѣстно, даже въ государствахъ, не бывшихъ театромъ военныхъ дѣйствій. Подсудимый близко соприкасался съ этой кровавой изнанкою. Онъ видѣлъ ручьями льющуюся кровь. Совершая свои пастырскія обязанности, онъ принималъ послѣдній вздохъ смертельно раненыхъ...

Прокуроръ съ ужасомъ убѣждался, куда и въ какую сторону уносится онъ вмѣстѣ со своимъ краснорѣчіемъ. Но было уже поздно. Отступленію уже не было мѣста и, какъ лошадь, уже не повинующаяся не только всаднику, а и своей собственной волѣ, несется на рытвины, барьеры, на изгороди и всякія иныя препятствія, такъ и онъ понесся все впередъ и впередъ, ощущая и стыдъ и отвращеніе къ самому себѣ... И когда, окончивъ свою рѣчь, онъ увидѣлъ возбужденныя счастливымъ опьяненіемъ лица всѣхъ тѣхъ, для кого Мардарій былъ героемъ, прокуроръ ощутилъ еще горшій стыдъ, еще горшее къ себѣ отвращеніе...

А маленькій, кругленькій адвокатъ почувствовалъ себя какимъ то великаномъ-богатыремъ. Въ самомъ дѣлѣ, пожалуй съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ судъ на землѣ, никогда прокуроръ такъ не облегчалъ задачи адвоката, какъ это было теперь. И, торжествуя побѣду, румяный адвокатъ, выпятивъ грудь, оставивъ лѣвую ножку, жестикулируя, выхоленной короткопалой рукою, смѣло ринулся въ атаку... Очернивъ и оклеветавъ покойнаго митрополита, превративъ его въ какой-то сплошной клубокъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ и мерзостей, адвокатъ въ теченіе сорока минутъ

воспѣвалъ гражданскія, политическія и духовныя доблести Мардарія. И въ концѣ концовъ изъ рѣчи защитника всѣ должны были вывести единственное заключеніе и увѣровать въ него: то, что случилось,—должно было случиться. Иначе не могло быть! Грѣховныя мерзости митрополита Варнавы такъ неистово взывали къ небесамъ, что Мардарій, заглушивъ въ себѣ жалость, вынужденъ былъ обагрить руки свои кровью... Онъ освободилъ и свою паству и весь народъ отъ челоуѣка, который, прикрываясь высокимъ саномъ своимъ, творилъ величайшія гнусности.

Тамъ, гдѣ въ своемъ азартѣ защитникъ хваталъ черезъ край, не щадя выраженій и словъ по адресу несчастнаго митрополита, раздавались одинокія шиканья. Но это ничуть не обезкураживало адвоката, наоборотъ, еще больше наглости придавало ему.

Онъ кончилъ свою рѣчь и вытиралъ платкомъ вспотѣвшіе лобъ и лицо. Въ этотъ день онъ буквально въ потѣ лица зарабатывалъ свой хлѣбъ...

32. Чѣмъ все это кончилось.

Совмѣстнымъ порывомъ адвокатъ и прокуроръ добились чрезвычайно милости-ваго суда.

Судьи покинули залъ, удалившись для совѣщаня. У всѣхъ были виноватыя лица. Избѣгали смотрѣть въ глаза другъ другу, какъ соучастники нехорошаго дѣла, за которое и сейчасъ краснѣешь, а потомъ будешь краснѣть еще больше.

Молодой судья ясно и открыто глядѣлъ на всѣхъ и требовалъ смертной казни. Остальные съ изумительнымъ единодушіемъ накинулись на него. Этимъ единодушіемъ они словно пытались подчеркнуть какое то подобіе моральныхъ силъ, которыхъ не было, да и не могло быть.

— Богъ съ вами! Что вы въ самомъ дѣлѣ? Это вамъ не предвоенныя времена, когда была тишь, да гладь... Вы слышали рѣчь прокурора? Ужъ если онъ забилъ отбой, онъ, это гранитное изваяніе, такъ чего же намъ лѣзть на рожокъ?

Другой сказалъ:

— Надо, батенька вы мой, учитывать обстановку, а вы либо не желаете учитывать, либо вы необыкновенное существо о двухъ головахъ. А мы обыкновенные смерт-

ные и у каждого изъ насъ по одной головѣ... Живемъ сегодняшнимъ днемъ въ полномъ невѣдѣніи, что принесетъ намъ завтрашній?.. Другими словами, сегодня мы разстрѣляемъ Мардарія, а завтра сами будемъ болтаться на фонаряхъ... Теперь вы понимаете? Молодой судья хотя и не „понялъ“, однако, противъ нѣсколькихъ идти не могъ и побѣда осталась за этими нѣсколькими, а не за нимъ.

Мардарія приговорили къ двумъ годамъ каторжныхъ работъ. Но, такъ какъ подсудимый здоровьемъ былъ слабъ, то каторгу замѣнили тюрьмою.

И онъ вернулся въ свою камеру съ оттоманкою, обиліемъ ковровъ и мягкихъ подушечекъ. Приношенія, какъ цвѣточныя, такъ и съѣстные съ каждымъ днемъ увеличивались. Увеличивались прямо пропорціонально числу нараставшихъ поклонницъ Мардарія. О, если бъ онъ могли посѣщать его, какой длинной вереницей тянулись бы въ нетерпѣливомъ ожиданіи поцѣлуя руки, той самой, которую онъ обвязывалъ на ночь сырой телятиной.

А событія, при которыхъ всѣ члены столичнаго суда по-своему же собственному образному выраженію могли повиснуть на фонаряхъ, не замедлили развернуться.

И, какъ почти всегда въ подобныхъ случаяхъ, событія хотя и ожидаемая, пришли совсѣмъ „неожиданно“. Королевская семья только потому не пала жертвой въ первую очередь, что къ счастью для себя находилась за-границею. Мятежъ начался съ пулеметной и ружейной стрѣльбы, съ поджига-

нія министерствъ, судебныхъ учрежденій и съ тюремъ, откуда, конечно, выпущены были всѣ преступники. Часть войскъ присоединилась къ бунтовщикамъ, часть держала „нейтралитетъ“ и чернь съ помощью солдатъ легко справилась съ полиціей и жандармеріей, до конца вѣрными своей присягѣ и своему долгу.

На улицахъ появились вооруженные до зубовъ субъекты со звѣрской вѣшностью и далеко не чисто говорившіе на мѣстномъ языкѣ. Раньше ихъ никто не видѣлъ, а теперь они все взяли въ свои руки и по ихъ приказу шли поджоги, разстрѣлы, ограбленія ювелирныхъ магазиновъ, казначействъ, банковъ.

Шайка подчинила себѣ весь городъ, а сама шайка въ свою очередь была подчинена Бендерскому. Онъ появился въ день мятежа; появился не въ скромномъ штатскомъ костюмѣ, какъ всегда ходилъ, а въ кожаной курткѣ, въ кожаной фуражкѣ и съ двумя револьверами.

Этотъ человекъ всюду поспѣвалъ и всюду сѣялъ смерть, насиліе и самую свирѣпую ненависть.

Столь же тщеславный, сколь и честолюбивый, какъ и всѣ революціонеры, болѣзненно жаждущій властвовать, Бендерскій хотѣлъ быть вождемъ народныхъ массъ и совсѣмъ не хотѣлъ дѣлить съ кѣмъ нибудь право безчинствовать, убивать и обогащаться, другими словами пожинать плоды „революціонныхъ завоеваній“.

Въ общемъ картина знакомая, примелькавшаяся за послѣдніе годы. Это—время, ког-

да старая власть ушла, вѣрнѣе ее ушли, смели и явилась на смѣну ей новая, буйная, кровавая, но только, только начинающая расправлять разбойныя крылья свои. Захлебывающаяся „строчка“ пулеметовъ, оружейныя выстрѣлы, сухіе, короткіе. Звонъ разбиваемыхъ прикладами оконъ, зеркальныхъ витринъ. Тащатъ какихъ то окровавленныхъ людей и визжащихъ, растерзанныхъ женщинъ...

Все можно, все позволено, все хорошо. А надъ этимъ „всѣмъ“ къ блещущимъ яснымъ, солнечнымъ небесамъ, словно желая копотью покрыть ихъ нѣжную лазурь, чернымъ куревомъ подымается дымъ пожара...

Пожаръ средь бѣла дня — куда болѣе страшень и болѣе жутокъ, чѣмъ пожаръ ночью. Потемки скрадываютъ то, чего не можетъ скрыть день.

Ночной пожаръ — эффектное, декоративное зрѣлище. А когда жалкое, грязное пламя блѣднѣе солнца и вмѣсто багровыхъ клубовъ дыма, сѣробурая копоть, и къ тому же еще ни пламя, ни копоть не позволяютъ тушить, да и некому тушить, ибо и пожарные углубляютъ революцію—это ужасно.

Вотъ на фонѣ такой картины Бендерскій, весьма ревнивый къ чужимъ успѣхамъ, увидѣлъ то, чего нельзя было назвать ни манифестаціей, ни шествіемъ, ни процессіей...

Это была толпа, многотысячная, густая, галдящая, но едва ли революціонная. Во всякомъ случаѣ не колыхались надъ нею красныя тряпки. Это бы еще ничего. Красныя тряпки Бендерскій понялъ бы и про-

стиль, но того, что колыхалось надъ толпою, онъ не могъ и не хотѣлъ ни понять, ни простить.

Да, надъ этимъ хаосомъ человѣческихъ головъ и лицъ, ослѣпительно сверкало обильной позолотою тяжелое, съ высокой спинкою дворцовое кресло. На двухъ параллельныхъ жердяхъ его несли десятки людей. Въ креслѣ сидѣлъ человѣкъ во всемъ черномъ. Въ этомъ человѣкѣ Бендерскій распозналъ Мардарія, какой нибудь часъ назадъ освобожденнаго изъ тюрьмы и несмаго въ дворцовомъ креслѣ съ какими то необыкновенными почестями. Даже не королевскими, ибо нынче королей такъ не носятъ.

— Какая наглость! Какая дерзость! — негодовалъ взбѣшенный Бендерскій. — Этотъ ничтожный монахъ, бывшій въ моихъ рукахъ жалкой марионеткой, онъ плыветъ вдругъ, сидя въ тронномъ креслѣ надъ тысячной толпою двуногихъ барановъ... Какое! Но, такъ какъ бараны эти преданы ему слѣпо и пойдутъ за нимъ куда угодно, то и Мардарій сила и они — сила, дополняющія другъ друга...

А имѣть противъ себя хотя бы маленькую силу, но другого порядка, чѣмъ его сила, коммунистическая, не входило въ планы Бендерскаго.

— А ну ка, товарищи!..

Нѣсколько человѣкоподобныхъ гориллъ, обвѣшанныхъ пулеметными лентами, револьверами, съ однимъ карабиномъ наготовѣ,

съ другимъ за спиною, мигомъ сплотились вокругъ своего вождя.

— Есть, товарищъ Бендерскій!..

— Видите, товарищи, эту толпу?.. Видите этого буржуа, котораго несутъ? Ну ка, снимите мнѣ... его! А въ толпу бейте прямо „пачками“...

Повторять не пришлось. Человѣкоподобныя гориллы тотчасъ же открыли бѣглый огонь и по самой толпѣ и по тому, что колыхалось надъ нею въ сіяніи золотого кресла.

Мардарій упалъ, какъ будто нырнулъ въ человѣческую гущу и еще съ минуту кресло двигалось уже пустое.

Пока выстрѣлы косили крайнихъ, толпа, не догадываясь, что стрѣляютъ по ней, шла все впередъ и впередъ. И когда, наконецъ, сообразила въ чемъ дѣло, когда становилось все больше и больше жертвъ и когда одна пуля пронизывала нѣсколько человѣкъ—смятенная паника овладѣла толпою. Испуганнымъ стадомъ всѣ кинулись вразсыпную, давя и живыхъ, и раненыхъ, и убитыхъ.

Не прошло и двухъ-трехъ минутъ—опустѣла широкая улица. Опустѣла, если не считать тѣхъ, кто былъ неподвиженъ, разметавшись на ровномъ и твердомъ асфальтѣ, и тѣхъ, кто корчился въ стонахъ и крикахъ... Станнымъ казалось на этомъ же самомъ асфальтѣ такое монументальное, великолѣпное кресло, необычное здѣсь и обыч-

Конецъ Мардарія.

ное въ двухсвѣтномъ залѣ съ мраморными колоннами.

А въ десяти шагахъ отъ кресла лежалъ окровавленный, но еще не добитый Мардарій, неуклюжій и полный въ штатскомъ платьѣ. Подошли стрѣлки въ пулеметныхъ лентахъ.

— Что, живъ еще?

— Живъ еще собака... шевелится...

— Поддай ка ему хорошенько... Чего съ этой падалью канителиться?

— Да бросьте, товарищи, и безъ насъ околѣте... Видите, весь продырявленъ...

Они съ хохотомъ ушли, а Мардарій остался...

Его ротъ былъ искривленъ и узенькая струйка крови медленно вытекала изъ праваго угла губъ. Одна половина лица хранила загадочную неподвижность, другая улыббалась страдальческой гримасою—улыбкой...

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
1. Воинъ никогда не будетъ солдатомъ	5.
2. Отношеніе Воина къ родителямъ и родителей къ нему	10.
3. Природа не для него и онъ не для нея	16.
4. Семейный совѣтъ	23.
5. Воинъ въ столицѣ	28.
6. Первая любовь	33.
7. Воинъ расправляетъ крылья	42.
8. Воинъ надѣваетъ маску	47.
9. Это—не для него!..	53.
10. Монастырь—сказка	58.
11. Воинъ на войнѣ	63.
12. Искушаемый Мардарій	70.
13. Испушеніе	78.
14. Первый выстрѣлъ	84.
15. Два лагеря	92.
16. Спусти много лѣтъ	99.
17. У великаго человѣколюбца	104.
18. Хищникъ выпускаетъ когти	113.
19. О чемъ думали и тотъ и другой	119.
20. Удушливые газы	124.
21. Уроки стрѣльбы	128.
22. Успѣхи ученика и удовольствіе учителя	137.
23. Митрополитій дворецъ	141.
24. Какъ это произошло	145.
25. Что видѣлъ Бендерскій	150.
26. Въ буржуазномъ застѣнкѣ	155.
27. Передъ судомъ	160.
28. Первый день	165.
29. Допросъ Мардарія на судѣ	170.
30. Что говорили свидѣтели	177.
31. Прокуроръ—адвокатъ	183.
32. Чѣмъ все это кончилось	188.

10

508.729.

EESTI RAHVUSRAAMATUKOGU

1 0100 00146300 5